

CAHIERS PERIODIQUES
(6e cahier : Novembre-Décembre 1949).

ВОЗРОЖДЕНИЕ

*Литературно-политическія
тетради*

под редакціей

С. П. МЕЛЬГУНОВА

ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ - 1949 ГОДА.

ПАРИЖ

Editions « LA RENAISSANCE ».

73, av. des Champs-Élysées, Paris (VIIIe).

Tél.: Ely 06-03.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
А. КАРТАШЕВ: Непримириность	7
С. МЕЛЬГУНОВ: Екатеринбургская трагедія. III. Московская директива. IV. Оживленіе мертвецов (портрет вел. кн. Мих. Ал. в пермской Ч. К.)	15
ДМ. МЕРЕЖКОВСКИЙ: Жизнь Паскаля	33
Н. БЕРБЕРОВА: Из чего дѣлается сон	51
С. МАКСИМОВ: Голубое молчаніе	55
ИРИНА ОДОЕВЦЕВА: Карьера Вѣры Оглобиной	58
МИРДЗА ПУТНИНЫШ: Сирень	63
Н. СЕРГІЕВСКИЙ: «Камергер и Гишпанка» (роман)	92
СТИХИ: <i>Ел. Меркулова</i> : Изгнаніе (54). <i>Л. Страховскій</i> : Звѣзда (57). <i>Юрій Трубецкой</i> : Пѣсьнъ варягов (82). <i>Лидія Алексѣева</i> : Карусель (91). <i>Ник. Евсѣев</i> : Россія (141).	
ГЕОРГІЙ ИВАНОВ: Блок и Гумилев (портреты)	113
ЮРІЙ ТРУБЕЦКОЙ: Памяти Блока (стихи)	127
М. БОБРОВ: Страшное безмолвіе Россіи	128
ПРОФ. И. С.: Большевизм в свѣтъ психопатологіи	142
Н. ШВАРЦ-ОМОНСКИЙ: Об одном ученіи в національном вопросѣ	150
ДѢЛА И ЛЮДИ: Политическія замѣтки. Захватчики на слѣдства И. П. Павлова (с портретом). 80 лѣтъ А. В. Тырковой (с портретом). <i>А. Байкалов</i> : Мир или война? (письмо из Лондона)	157
ИСТОРИЧЕСКІЯ РЕЛИКВІИ: <i>А. Лампе</i> : По слѣдам Суворова. <i>А. С.</i> : Коллекція русских медалей (с иллюстраціями)	183
СРЕДИ КНИГ: <i>И. Херасков</i> : «Геніи» нашей эпохи. 1. Ленин. <i>Н. Петровскій</i> : Возвращеніе блуднаго сына ..	193
СОДЕРЖАНІЕ «ВОЗРОЖДЕНІЯ» ЗА 1949 ГОД	198

Editions „ LA RENAISSANCE “

73, Avenue des Champs-Elyssées, Paris (8e).

W. L. WHITE

A TRAVERS L'U.R.S.S. EN GUERRE
(Report on the Russians).

Traduit de l'anglais par **TANCREDE**. Prix 500 frs.

Ivan THORGEVSKY

DE GORKI A NOS JOURS
La nouvelle littérature russe.

Prix 100 frs.

N. ADONTZ

ETUDES HISTORIQUES ARMENIENNES
(en langue arménienne).

Prix 1000 frs.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

*Литературно-политическія
тетради*

под редакціей

С. П. МЕЛЬГУНОВА

ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ

Ноябрь-Декабрь - 1949 года.

ПАРИЖ

Éditions « LA RENAISSANCE ».

73. av. des Champs-Élysées, Paris (VIIIe).

Tél.: Ely 06-03.

« ВОЗРОЖДЕНИЕ »

ОСНОВАНО 3 ИЮНЯ 1925 ГОДА, В
ВИДѢ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ, С
1936 ГОДА ПРЕОБРАЗОВАНО В
ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ Г А З Е Т У.
7 ИЮНЯ 1940 ГОДА, НАКАНУНѢ
ВСТУПЛЕНИЯ В П А Р И Ж
ГЕРМАНСКОЙ А Р М И И,
ИЗДАНИЕ ВРЕМЕННО
БЫЛО ПРЕКРАЩЕНО;
НЫНѢ ВОЗОБНОВ-
ЛЯЕТСЯ В ВИДѢ
“ ТЕТРАДЕЙ ”

ВЕЛИЧІЕ И СВОБОДА РОССІИ
ДОСТОИНСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВѢКА
ЦѢННОСТЬ КУЛЬТУРЫ

ВОЗРОЖДЕНІЕ

*Издательство просит авторов адресовать письма и статьи на
адрес Редакции.*

Статьи непринятые к напечатанию не возвращаются.

НЕПРИМИРИМОСТЬ

Экваторское землетрясение разбудило предсказания геологов о возможном приближении земной катастрофы с провалом в трещину коры морей и континентов и части человечества. Кое кто из благоденствующих обывателей Нового Свѣта изволил уже обезпokoиться... Безпокойство безплодное. Власти над хтоническими силами ни у кого нѣт. Творись воля Божья! Но вот, когда не сытые обыватели, а отвѣтственные вожди человечества пребывают в безчувственном созерцаніи, как на их глазах открыто и програмно свыше тридцати лѣтъ готовится тоже міровая историческая катастрофа, — это уже не курьез близорукости и нечувствія, а величайшее, тоже міровое и роковое бѣдствіе. Всякому русскому понятно, о чем мы говорим.

В этой слѣпотѣ занимающих командныя высоты вождей народов и элиты общественнаго мнѣнія вскрывается в длинном показательном опытѣ опасная ограниченность человѣческой природы: — немощь, скудость ея умственных, нравственных и духовных сил. В свое время Кант в двух великих “Критиках” — “Чистаго” и “Практическаго Разума” неотмѣняемо показал ограниченность, предѣльность аппарата человѣческаго познания. Не мѣшало бы на основѣ многотысячелѣтняго опыта начертать и “Критику Политическаго Разума”. И тоже объективно, научно-безстрастно показать, насколько он по самой природѣ человѣка ограничен. А так как в том же человѣкѣ, в этой загадкѣ из загадок міра, заложено и абсолютное, божественное начало, то и сей “червь и бог” неудержимо срывается в абсолютизацію своих субъективных истин. И тут мы в заколдованном кругѣ. Каждый признает свою “истину” или мечту за лучшую, за единственную. И к животной борьбѣ за существованіе присоединяется и затѣм с ней сливается безпощадная борьба за свою “единоспасающую” идею. Так вѣчно возрождается чудовище идеологической войны. Почему чудовище? Развѣ не обязательна, не священна борьба за идею? Да, и обязательна, и праведна, и благословенна, если ведется свято, ибо высокая цѣль требует и чистых средств. Главнѣйшее оправданіе идеологической борьбы в ея свободѣ от средств насильственных. В идеалѣ — это только свободное состязаніе идей, а не физическое уничтоженіе самих носителей противной идеи. Это не отрицаніе страстности, ревности, энтузіазма. Но ревность — не звѣриный оскаль и пламень энтузіазма — не бѣшенство фанатизма. Но до идеала всегда далеко. Мір во злѣ лежит. Человѣчество непоправимо грѣшно. Непротивленчество превращается в попустительство зла, т. е. в преступленіе. Так являются оправданными: и справедливое принужденіе и праведная сила, а все

же не насиліе. Исцѣляет не только терапия, но и хирургія. Есть нож бандита, но есть и ланцет хирурга и меч государства. Хирурги, пеліціи и армія — не насильники.

Итак, есть выход из заколдованнаго круга в борьбѣ и силой в праведной войнѣ с чудовищем насилія, в крестовом походѣ на защиту человѣческой свободы. Но чтобы это не было флагом, прикрывающим корыстно-эгоистическія вождельнія, сторона, ведущая войну против зла, должна быть на высотѣ нравственной. Послѣ слабости теоретической политическаго разума это другая фатальная слабость человѣчества. Скудость нравственных сил обычно извращает самыя высокія принципы, установленія и начинанія. И, может быть, это главная причина неспособности человѣчества выбраться на дорогу к преодолѣнію настоящаго міроваго кризиса.

Яркой, прямо гротеск-иллюстраціей нравственной низменности и по звѣриному куцаго эгоизма может служить нѣмецкая попытка, под флагом сокрушенія коммунизма, так, между прочим, стереть с лица земли Россію и русскій народ. Германія — первая в мірѣ по ученому знанію Россіи и по бытовой, сосѣдской освѣдомленности, проявила на дѣлѣ такую степень слѣпоты, граничащей с кретинизмом, что старшія наши поколѣнія, много учившіяся у нѣмцев, привыкшія чтить их ученость, методичность, основательность (*Gründlichkeit*), просто диву **даются**: как этот «*Volk der Denker*» оказался в русском вопросѣ таким невѣроятным олухом? Въмѣсто того, чтобы помочь ждущему помощи русскому народу освободиться от коммунистическаго рабства, что может сдѣлать любая честная (а потому и умная) интервенція, нѣмцы укрѣпили антихристову державу не только над російскими народами, но и во всем мірѣ и сами от нея заслуженно постыдно погибли.

Мы-русскіе очутились пред невеселым вопросом: да есть-ли и может-ли вообще быть на свѣтѣ такая держава и такая нація, которая и послѣ трагическаго предметнаго урока, даннаго нѣмцами, была бы способна подойти и умно, и морально к проблемѣ освобожденія Россіи? Не грозит ли третья міровая война, конечно, неизбѣжная, обернуться мрачной сказкой про бѣлаго бычка? И все потому же самому, что не хватает ни политическаго разума, ни особенно политической совѣсти. При этом мы прекрасно знаем, в любой націи есть десятки и сотни лиц, отлично понимающих и русский ад, и міровую опасность кремлевской власти. На всѣх языках мы с удовлетвореніем читаем десятки мудрых статей первоклассных публицистов и блестящих рѣчей парламентаріев. Но, увы, это не мѣняет общей линіи политики. Ея средняя, традиціонная линія далеко ниже этого теоретическаго уровня. Она дышет отрицаніем и враждой к Россіи, как к таковой.

Еще гордый папскій Рим отверг весь Православный Восток, как схизматиков и еретиков, и завѣщал своему питомцу — Западу вражду к Востоку “дождеже покорит его под нога свои”. Как бы ни возставал на свою старую воспитательницу — римскую церковь вольнодумный ея выученик — Запад (— и в гуманизмѣ, и в реформаціи, и в революціях), но соблазнительный урок превозношенія, презрѣнія к Востоку и его державному аванпосту — Россіи, он внитал с молоком матери и живет им до сего дня. Правда, подсознательно — латин-

ская вражда к Россіи теперь неузнаваемо перелицевана. Россія для вѣбрелігіозной новой Европы — страна азіатской тьмы и дикости. Она символ всяческой реакціи. В интересах всего челоуѣчества — разбить эту мрачную тюрьму народов, раздѣлать на мелкія національныя величины и заставить их послушно служить великим знаменосцам единственно-нормативной, универсальной культуры Запада.

Из этой первичной лжи (“протон псевдос”), вскормленной у западных народов средними вѣсками, вытекают всѣ роковыя заблужденія в их отношеніях к коммунизму и кремлевским тиранам. Люди Запада, загнипнотизированные своими старо-латинскими пугалами, видят в “соуѣтской” власти только “русскій вопрос” в устарѣлом смыслѣ XIX вѣска, вопрос своих счетов с имперіалистическим конкурентом. “Болѣет он затяжной революціонной болѣзнью — тѣм легче для нас”. Этот типично британскій расчет с цинизмом выразил напрямик Пилсудскій в устной бесѣдѣ с Бурцевым. Наивный революціонный старик поѣхал в 1922 г. в Варшаву условиться с своим когда то товарищем по революціи о помощи в борьбѣ с большевиками. Диктатор Польши отрезвил его: “да какой же нам, батенька, смысл помогать вам? Пусть Россія еще погниет (так и сказал!) лѣтъ 50 под большевиками, а мы встанем на ноги и окрѣпнем!..” А вот и благовидно-идейный резон для западных — быть благожелательными к большевикам: “что русскій народ варится в тяжелом котлѣ революціи, то так и нужно. Это положительное достиженіе. Вѣдь только в этой перераркѣ он освобождается от своего азіатскаго варварства и уподобится нашим демократіям”. Один старый сорбоньер, сам невѣрующій и антиклерикал, говорил мнѣ: “жаль все таки, что Россія не прошла через римско-католическое средневѣковье, а затѣм вмѣстѣ с нами — через реформацію и просвѣщеніе; только тогда мы были бы вполне солидарны”. И вот лабораторное таинство переработки Россіи в европейскую демократію совершается при благожелательных ожиданіях общественнаго мнѣнія Запада: вот-вот появится на свѣтъ новый собрат в сонмѣ цивилизованных народов. Занести руку над революціей — это реакціонно. Надо пактировать с большевиками. Пусть они и каннибалы, но, во-первых, и с такими мы торгуем, а, во-вторых, вѣдь конечно же они *эволюционируют*. Надо их ввести в семью демократій, а там все устроится само собою. Не может же Революція не привести к благим результатам? Революція с большой буквы, она — канонизованная святая, богиня! Культ Революціи — очистительница Россіи от тьмы варварства и тут же, в ярком внутреннем противорѣчии, догматическая вѣра в эволюцію большевиков. (Боже, сохрани от контр-революціи!). Вот это двубокое суевѣріе о священной неприкосновенности революціи и ея обязательно счастливой эволюціи и стало той гигантской апельсинной коркой, на которой споткнулся и завалился великан міровсго общественнаго мнѣнія. Завалился и барахтается; не в силах еще подняться, опоенный смертельно опасным дурманом собственных суевѣрій. Все не может опомниться, вытрезвиться. Все грезятся ему “пакты” и выгодные пакты. И не с реакціонной, а с революціонной (!!!) властью Россіи. Да еще с тайной надеждой на распад русскійскаго комплекса и использованія его природных запасов. Идеализм на словах и корысть на дѣлѣ.

Но мировой грѣх (смѣсь близорукости с нутряным эгоизмом) не проходит безнаказанным. Человѣчество ускоренно несется навстрѣчу ужасам третьей мировой войны. И именно благодаря этому слишком "высокоуважаемому революціонному правительству Россіи". Медленно, с фатальным запозданіем мировой политической разум, а может быть и совѣсть, пробуждаются. *Перелом уже совершился.* Слѣдые уже в меньшинствѣ. Но трудно еще сознаніе перевести на рельсы дѣйствія. Стюарт Ольсон, прилетѣвшій из азіатскаго пекла прямо в величественный Вашингтон, поражен мертвенной нечуткостью ученаго ашарата министерства внѣшней политики. Он бьет тревогу. Надо спасать себя от неизбежности войны через спасеніе остатков Азіи от потопа коммунизма. Надо срочно бросить и деньги, и техническія средства, укрѣпить очаги сопротивленія на границах Бирмы и Индокитая, чтобы вовремя помѣшать смычку волны коммунистическаго завоеванія с пятыми колоннами этих стран. (Figaro, 25-30 авг.). Откликнется ли на тревогу официальный Вашингтонскій мір, увидим. Но со стороны давно уже было ясно, что западный мір, всецѣло поглощенный своими давними, часто ничтожными европейскими мозолями и болячками, беззаботно предает миллиард цвѣтного человѣчества в руки коммунистическаго опыта, и сам рискует быть затопленным этой лавиной. Вместо того, чтобы тратить все свое вниманіе и силы на установку доз демократизма, фашизма, тоталитаризма в сравнительно тѣсном географическом кругѣ и все время трепетать пред опасностью, будто бы грозящей справа, упускают всѣ сроки освободиться от этого призрачнаго нугала и безстрашно признать, что главный враг, не мнимый, метафизическій, а реальный и уже хватающій за горло, давно пришел. *И не справа, а слева.* Издѣваясь над демократической слѣпотой, он цинично размахивает пред ея растерянными глазами знаменами всѣх свобод, демократизмов и социализмов, яко бы принадлежащих ему — лѣвому из лѣвых, по праву первородства. Сами же міровые политики выдали нагледу священный для них диплом и паспорт революціи. А теперь отступают пред ним смущенным стадом, боясь прослыть реакціонерами. Но отступать некуда. Не на чем остановиться. Бывшій мнимый единомышленник и союзник выявился, как несогласимый антипод и враг по всей линіи. Остается *только позиція непримиримости*, сначала оборонительной, а потом неизбежно и наступательной.

Как бы ни объяснять заблужденія Запада, вытекающія из его историческаго идейнаго наслѣдства, нам конфузно и горько не за него, а за себя, за наших соотечественников, расколовшихся на этом вопросѣ. Грустно вспомнить, как много ума и таланта тратилось на доказательства мнимой эволюціи большевизма. Еще грустнѣе недавній соблазн части эмиграціи этой запоздалой иллюзіей. Какой отрыв от мудрости русскаго опыта! Какая отравя *чужой* психологіей! Но мы положительно сгораем от стыда, что соблазн соглашательства ворвался в самую, казалось бы, ригористическую область, в эмигрантскую цер-

ковность. Создалась духовно отвратная картина новоявленного ханжества в формѣ приверженности именно к совѣтской церкви. Не там, за адским занавѣсом, гдѣ уравнины в позорѣ принудительнаго лобызанія сапога антихриста рѣшительно всѣ: и рабы-граждане, и рабы-сановники и рабы-ученые и писатели, претендовавшие нѣкогда на титул “учителей жизни”, и рабы-святители церкви. Бог им всѣм судья! Всѣ они — падшій, не выдержавшій пытки. Всѣ — трагическая карикатура на подлинную Россію, на русское достоинство, русскую совѣсть и русскую церковь. Каждый из нас не доказал еще на опытѣ, что он не сокрушился бы и сам под прессом совѣтской каторги. Поэтому перенесем наш суд на *падшихъ здѣсь*, на свободѣ, без всякой нужды. Такое явленіе не заслуживаетъ пощады. Мы имѣемъ полное право и долг квалифицировать его ложь, какъ вмѣняемое *преступленіе*, объясняется ли оно авантюризмомъ и карьеризмомъ, или просто скудоуміемъ, яко бы невмѣняемымъ. Скудоуміе есть бич и чума в религіи. Оно живой голосъ совѣсти и живое сердечное знаніе Христовой правды замѣняетъ книжными справками, мертвыми талмудическими выкладками, к какимъ бы чудовищнымъ результатамъ они ни проводили. Отсюда это религіознотупое, извращенчески-кощунственное лепетаніе о “припадении к соседямъ матери-церкви”, какъ будто патріархъ Алексій и мать-церковь русская это синонимы. Мы не западные тупицы, не могущія отличить русскаго народа отъ кремлевскаго правительства, а слѣдовательно и русской церкви отъ Синода п-ха Алексія. Этотъ патріархъ и этотъ Синод — лишь *принудительно правящій аппаратъ, наложенный сверху на церковную совѣсть народа* и ее угнетающій. Аппаратъ крѣпко сидитъ в лапахъ не просто кавказскаго бандита т. Джугашвили, но и самаго кручнаго в исторіи слуги антихриста. Не возьмутъ в толкъ этой простой для нас истины не только западные христіане, но и наши православные братья, кромѣ конечно тѣхъ, кому, какъ и намъ, коммунизмъ уже подралъ шкуру. Теперь насъ понимаютъ и сербы, и болгары, и румыны. Не только для четверногихъ, но и для людей вразумительны часто только такіе шкурные уроки.

В этотъ русскій позоръ соблазнительно вноситъ свою моральную поддержку поведеніе иностранныхъ христіанскихъ ухаживателей за московскимъ патріархатомъ. Иностранные богословы, какъ и политики (люди единаго міровоззрѣнія) не вмѣщаютъ самоочевиднаго для насъ факта, что власть и народъ в СССР — не одно и то же, что это враждующія поллярности, скованныя лишь насиліемъ. Для закаленныхъ в демократизмъ головъ такая мысль — абсурдъ. Но если бы они только это поняли! Какъ многое измѣнилось бы в мірѣ. Опытной проверкой ошибочности ухаживательскихъ настроеній около московскаго патріарха была прошлогодняя Амстердамская Конференція Церквей. На всѣ ея заискиванія п. Алексій, по указкѣ своего богдыхана Джугашвили, отвѣтилъ с напускной грубостью “вселенской смазью” в лицо сладкогласной Конференціи. Голоса смиренной, подлинной русской церкви они не услышали, ибо не тамъ его искали. И добились с цорабощенныхъ официальныхъ верховъ пошлаго обличенія, в “капитализмъ и имперіализмъ”. Это — и голосъ не Іакова и руки не Исавовы, а просто рычаніе из-подъ кремлевской подворотни. Русская церковь тутъ не при чемъ. Ошиблись адресомъ. Не заслужили такую оплеуху, прислушиваясь в первую очередь не к

христіанской совѣсти, а къ диктатурѣ ланческаго общественнаго мнѣнія. Истратили всю тонкость нюха и остроумія на угадываніе малѣйших запахов и привкусов хитлеризма и не догадываются тот же метод придирчивой требовательности направить и в сторону антихристіанскаго большевизма. Христіане не проявили достаточной самостоятельности, независимости от царящаго в мірѣ ультра-ланческаго лозунга: “нѣтъ врагов слѣва!” Неумирающіе книжники и фарисеи! Погоду вы предсказываете, а знаменій времени не примѣчаете! Да, есть враги и справа, и сверху, и снизу, со всѣх сторон. Но то, что вы мните врагами № 1 — только щенки и котята в сравненіи с лѣвыми тиграми и их главнокомандующим — “звѣрем из бездны”.

**

Мрачна картина мірового примиренчества с Коминтерном и Кинформом. Но не безнадежна. Конечно, сумбур и ложь соглашательства не перестанут повторяться в сотнях новых вариантов вѣроятно вплоть до момента, когда застрѣляют атомныя бомбы. Символ всемірнаго потопа безмертен. Но, как мы сказали, кризис в сознаніи уже произошел. От ледянаго афелия все неудержимо несется уже къ пылающему перигелию. Блекнут незамѣтно пышныя декораціи Лэк-Сексиской ONU, повторяя неизбѣжную участь фальшивой предшественницы SDN. Крѣпнут очертанія Атлантическаго пакта. Намѣчается его продолженіе — в Тихоокеанском. Цѣнность их не матеріальная, но моральная: отрыв от *духовнаго разврата примиренчества*. И не анекдот, а знаменіе времени, что и Далай Лама поднял желтое знамя против Коминформа. Для Азии это кое что значит. Но конечно дату рѣшительнаго духовнаго перелома надо вести от недавних декретов Апостольской Канцеляріи, утвержденных мудрым папой Пием XII. Наконец-то *Roma locuta est!* Мір давно этого ждал. Слава Богу, провалились в бездну прошлаго дипломатическія умолчанія, колебанія, срывы, вродѣ чоканья в Генуѣ (1922) кардинала Гаспарі с совѣтским полпредом Чпчерным или якшанія монсиньора М. Дербиньи с совѣтской церковью. Великая римская церковь, сохранившая всмірное единство всѣх своих частей, оправдала свое организаціонное первенство. Она первая в міровом масштабѣ анафематствовала марксистскій коммунизм, как міровоззрѣніе антихристіанское *Finita la comedia*. Красным поддѣлкам и карикатурам (вродѣ Кентерберійскаго декана в англиканствѣ) в римском духовенствѣ отнынь нѣтъ мѣста. Стало легче дышать. А было душно от спертаго воздуха двусмыслиц и трусости даже под церковными сводами.

Кому бы, казалось, и не произнести первому христіанскую анафему на коммунизм, как не Православному Востоку, в странах котораго антихрист утвердил трон свой? И дѣйствительно патріарх Тихон *первый в мірѣ*, в январѣ 1918 г. провозгласил громкую анафему на большевиков и их сотрудников. Но она не была поддержана никѣм, ни дома, ни за границей. П. Тихон был сломлен в одиночествѣ политическим насиліем. Другія православныя церкви-сестры безмолвствовали, или еще хуже: духовно безвкусно, на политическій манер, коллаборировали с обновленцами и живоцерковниками. О том, чтобы Православ-

ная Церковь в *шлом*, как все Православіе, изрекла *urbi et orbi* свое сужденіе о коммунизмѣ, пока не приходится и мечтать. Нѣтъ для этого рунора, единого соборнаго органа. У “соборной” церкви, нѣтъ общаго “собора”. Церковь разорвана по національностям, поглощена мѣстными политическими интересами. Расналась на церкви подъяремныя и эмигрантскія, а послѣднія — на фракціи, юрисдикціи. В столь уничительной разсыпанности Православіе неспособно *авторитетно* выразить своего *объединеннаго* голоса.

Скажут: и неважно; какая этому цѣна? Правда, мы живем в безрелигіозную эпоху. Религіи и церкви уже не ведут свои народы, а плетутся в хвостъ свѣтских сил, гордо преобладающих, а иногда и насилующих. Тѣм болѣе на церквях лежит долг — являть пред міром и словом и примѣром христіански-мужественную, свободную, невилиющую позицію в вопросах общественных по их духовно-нравственной сторонѣ. И голоса церквей, и долготерпѣніе их исповѣдников и кровь мучеников безоружны и беззащитны. Но они — динамит, впитываемый душой народной, на котором в какой-то момент взрывается власть насильников. И жаль, что голос церквей не идет впереди всѣх, не ведет; запаздывает, не в силах зазвучать согласно, недвусмысленно. Одна римская церковь организована для этой функціи. Протестантизм и Православіе пока безсильны преодолѣть — каждый свою раздробленность.

А время не ждет. Даже сонная, наивная, избалованная мирным произволом, Америка уже перевалила за свои 70% отрицанія пактов с коммунистами. И это — безвозвратно. Назад мір, проученный 30-лѣтним горьким опытом соглашеній с коммунизмом, вернуться уже не может. Мы вступили в полосу оправданной, доказанной непримиримости — и в стратегіи, и в тактикѣ. Но даже сознавъ это, мір еще годами (едва ли десятилѣтіями) будет влачить лицемѣрную дипломатическую капитель. Тѣм отчетливѣе должна быть осознана обязательность строгой непримиримости в средѣ русской эмиграціи. К стыду нашему она еще нуждается у нас в реабилитациі. Наш лѣвый участок антибольшевицкаго фронта до послѣдней минуты еще не рѣшается безоговорочно провозгласить этот лозунг непримиримости. Со дней неудачнаго фронта Учредительнаго Собранія (1919) и кончая Р. Д. О. Милюкова непримиренцев подозрѣвали в реакціи и реставраціи. Митинги “Дней Непримиримости” обходились молчаніем. Непримиримость старались отождествить с нетерпимостью, фанатизмом, тоталитаризмом. Придавался ей наступательно насильнический характер. Между тѣм *первобытій смысл непримиримости* — *смысл оборонительный*. Лицо или коллектив не могут примириться и принять то, что им *навязывается* со стороны. Непримиримость есть идеалистическая совѣстливость, моральная требовательность к себѣ и другим во имя вѣрности какому-то чистому, святому дѣлу, высокому принципу. Примиренчество — измѣна, іудинство, низость.

Если в сложностях жизни общественной, исторической, при несовершенствѣ и порочности челоѣческой природы, часто слагаются условія морально оправдываемых компромиссов (условно называемых “святыми компромиссами”), то в данном мировом вопросѣ о большевизмѣ весь арсенал компромиссов уже использован безрезультатно на

опытъ. Изжито большевизанство всёх видов: и безкорыстно иллюзіонистское (Рабиндранат Тагор, Берн. Шоу, Ромэн Роллан, Андрэ Жид и т. п.), и лукаво-авантюристское (смѣновѣховство, евразійство, младоросство) и доктринерское (наши социалисты и респ. демократы). Над нами повисло уже небо свинцовых туч... "А в них трепещут синія молніи"... Грозит "атомная" кончина нашего маленькаго свѣта. Не до ухаживаній тут ни за глупыми, ни за подлыми. "Неволя" достаточно уже "заставляла нас проходить вмѣстѣ с ними через грязь". Пусть "купаются в ней", если нравится. В *презрѣніи к ним* — наша *терпимость*. Живите, как хотите. Только оставьте нас в покоѣ. Отвѣжитесь, провалитесь! Не фиглярничайте намоназ, будто вы духовно вернулись на родину. Не радитесь натужно ни в патриотизм, ни в русскость, ни в православіе! Вы и сами в это не вѣрите. Но иначе вам нельзя выполнить ваше агентурное заданіе. Нам же приходится мыть руки от соприкосновенія с вами. Вы для нас болѣе чѣм чужіе, вы — опасные, скользкіе, ядовитые. Наша непримиримость даже до тактических мелочей — законный способ самозащиты. И для простых обывателей и для отвѣтственных людей.

И откуда у вас это непонятное нам, чуждое русским традиціям, неприличное, воровское сидѣніе в наших русских (а не в ваших совѣтских) организациях? Вас приходится активно не пускать в них, или выставлять вон. Как это объяснить, если не соц.-заказом? То голосами большинства "Общ.-во Рус. Писателей и Журналистов" вынуждено было исключить просовѣтских, лойальных Сталину, журналистов, неизвѣстно почему упорно остававшихся в чужой для них и идейно вражеской средѣ. То три года тому назад приходилось Епархіальному Съезду нашего экзархата защищаться от врыванія в него грубо вторгавшихся іереев, ушедших в совѣтскую церковь. То три совѣтских іерея домовой церкви при Рус. Домѣ в *St.-Geneviève* под Парижем мучают своим "москвизмом" совѣсть своего подневольнаго стада — безпомощных стариков. А сверх того они же монополично хозяйничают еще и на сосѣднем кладбищѣ и в прекрасной его церкви, чѣм давно возмущается парижское общественное мнѣніе. Не может оно "примириться" с такой насмѣшкой совѣтчины над этим священным для русских изгнанников — жертв большевизма Некрополем. Это — монумент, увѣковѣчившій нашу и самих почивших непримиримость с дьявольской пародіей на русскую Москву.

**

Непримиримость до ригоризма со всёми видами и формами большевизанства есть наша духовная гигиена, санитарія, ассенизація. Большевизм не просто политическая партія, теченіе, это — тонкое духовное явленіе. Это растлѣніе совѣсти. Простѣйшая дезинфекція, предохраненіе себя от гнилостных бацилл диктует строгіе методы непримиримости.

Наше новое оправданіе в этом ригоризмѣ нам принесла новая эмиграція. Попробуйте ей заплѣть пѣсню об эволюціи Кремля, о патр. Алексіѣ и т. д., вы попадете в список подкинутых агентов, которых она безпощадно и с отвращеніем выкорчевывает из своей среды.

Соглашательская страница исторіи русской эмиграціи навсегда захлопнулась.

А. Каргашев.

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ТРАГЕДИЯ

(см. «Ночь ужаса» и «Пермское злодѣяніе»,
«Возрожденіе», т. т. 4 и 5).

III.

МОСКОВСКАЯ ДИРЕКТИВА

Между убійством в. кн. Михаила Александровича и гибелью имп. Николая II и его семьи прошел мѣсяц. Лица, обследовавшие екатеринбургскую трагедию, не имѣли перед собой послѣдующихъ объясненій большевицкихъ историковъ о роли, сыгранной центромъ в кровавыхъ событіяхъ на Уралѣ; они стояли передъ несомнѣннымъ для нихъ фактомъ убійства всей царской семьи и официальнымъ заявленіемъ совѣтской власти в видѣ телеграммы «пресс-бюро», напечатанной в «Московскихъ Извѣстіяхъ» 19 іюля. Вотъ она: «На состоявшемся 18 іюля первомъ засѣданіи президіума ВЦИКъ совѣтовъ председатель Свердловъ сообщаетъ полученное по прямому проводу сообщеніе отъ областного Уральскаго совѣта о разстрѣлѣ бывшаго царя Николая Романова. За послѣдніе дни столицѣ Краснаго Урала Екатеринбургѣ серьезно угрожала опасность приближенія чехословацкихъ банд. В то же время былъ раскрытъ заговоръ контр-революціонеровъ, имѣвшій цѣлью вырвать изъ рукъ Совѣтовъ коронованнаго палача. В виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ президіумъ Уральскаго областного Совѣта постановилъ разстрѣлять Николая Романова, что и было приведено в исполненіе. Жена и сынъ Николая Романова отправлены в надежное мѣсто. Документы о раскрытіи заговора посланы в Москву со специальнымъ курьеромъ.

Сдѣлавъ это сообщеніе, Свердловъ напомнилъ исторію перевода Романова изъ Тобольска в Екатеринбургъ, когда была раскрыта такая же организація бѣлогвардейцевъ в цѣляхъ устройства побѣга Романова. За послѣднее время предполагалось предать бывшаго царя суду за всѣ его преступленія противъ народа. Только разразившіяся сейчасъ событія помѣшали осуществленію этого суда. Президіумъ, обсудивъ всѣ обстоятельства, заставившія областной Уральскій Совѣтъ принять рѣшеніе о разстрѣлѣ Романова, постановилъ признать рѣшеніе областного Совѣта о разстрѣлѣ Романова правильнымъ. Затѣмъ председатель сообщилъ, что в распоряженіи ВЦИКъ находится сейчасъ важный матеріалъ: документы Ни-

колая Романова, его собственноручные дневники, которые он вел до времени казни, дневники его жены, дѣтей, переписка Романовых. Имѣются, между прочим, письма Григорія Распутина Романову и его семьѣ. Всѣ эти матеріалы будут разработаны и опубликованы в ближайшее время».

«Свердлов лгал, когда так говорил», — заключает Соколов, — ибо уже 17 іюля послѣ 9 час. веч. на имя Горбунова пришла из Екатеринбургa шифрованная телеграмма Бѣлородова с сообщеніем о том, что произошло в Ипатьевском домѣ. Копія этой телеграммы попала в руки слѣдствія, и надо отдать справедливость Соколову, он проявил большую энергію и искусство для того, чтобы добиться раскрытія смысла телеграммы первостепенной важности для исторіи екатеринбургской трагедіи и обличенія в лживости официалаго совѣтскаго сообщенія. В расшифрованном видѣ телеграмма гласила: «Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуаціи». Такой текст опредѣленно указывал, что в Москвѣ или заранѣе уже знали, какая участь должна была постигнуть «главу» или этой телеграммѣ предшествовала другая, не оставившая слѣда в екатеринбургских документах, что маловѣроятно. Телеграмма была послана на имя секретаря Совнаркома Горбунова, слѣдовательно, то, что произошло в «домѣ особаго назначенія», не являлось послѣдствием каких-то секретных личных сношеній екатеринбургских палачей с председателем ВЦИК. Эта сторона не остановила вниманія слѣдователя, его болѣе заинтересовала второстепенная сторона дѣла — опрометчивое хвастовство Свердлова, заявившаго, что в распоряженіи президіума ЦИК находятся «важные матеріалы» в видѣ собственноручных дневников Царя и его семьи. «Свердлов торжествовал кровавую побѣду и в радости сердца опрометчиво похвастал тѣм, чѣм еще не обладал... Этой своей оплошностью он сам опредѣлил свое мѣсто: самаго главнаго среди других соучастников убійства!» 18 іюля Свердлов «не мог имѣть у себя ни дневников, ни писем царской семьи». Эти цѣнные документы были отправлены Свердлову с особым курьером. Им был Янкель Юровский, выѣхавшій с ними из Екатеринбургa 19 іюля». Заключение слѣдствія было слишком поспѣшно и не вытекало из текста сообщенія «пресс-бюро»: значительная часть дневника Николая II, переписка (в частности, письма Распутина) и пр. до тобольскаго періода давно уже находились в распоряженіи власти, унаслѣдовавшей их от Чрез. Слѣд. Комиссіи при Временном Правительствѣ. Слѣдствіе в свое распоряженіе получило и другой документ — тот разговор Свердлова по прямому проводу 20 іюля с неуказанным в лентѣ лицом из Екатеринбургa, который мы уже цитировали*). На вопрос Свердлова: «что у вас слышно?» не-

*) С Голощекинѣм (таково мнѣніе Соколова) разговор шел о положеніи на фронтѣ. Голощекинъ зналъ стратегическое положеніе, так как он был в областной военной комиссіи, кромѣ того он был на «ты» со Свердловым.

извѣстный отвѣчал: «положеніе на фронтѣ нѣсколько лучше, чѣм казалось вчера. Выясняется, что противник оголил весь фронт и бросил всѣ силы на Екатеринбург, удержим ли долго Екатеринбург, трудно сказать. Принимаем всѣ мѣры к удержанію. Все лишнее из Екатеринбурга эвакуировалось. Вчера выѣхал к вам курьер с интересующими вас документами. Сообщите рѣшеніе ЦИК и можем ли оповѣстить населеніе *«извѣстным вам текстом»*. Свердлов отвѣчал: «В засѣданіи президіума ЦИК от 18 постановлено признать рѣшеніе Ур. Обл. Совдепа правильным. *Можете опубликовать свой текст*. У нас вчера во всѣх газетах было помѣщено соотвѣтствующее сообщеніе. Сейчас послал за точным текстом и передам его тебѣ». Слова, вопрошавшаго: «можем ли оповѣстить населеніе извѣстным вам текстом», и отвѣтъ Свердлова: «можете опубликовать свой текст» для всѣх участников сибирскаго слѣдствія были рѣшающими, — скажем словами Булыгина: Москва *заранѣе* знала текст Екатеринбурга*). Между тѣм, если оставаться строго в предѣлах текста, переданнаго телеграфной лентой, то толкованіе может получиться иное. Когда Полощекин или Бѣлобородов спрашивали разрѣшенія на оповѣщеніе населенія *«извѣстным вам текстом»*, то скорѣе всего здѣсь имѣлась в виду телеграмма 17-го, гдѣ говорилось, что «официально семья погибнет при эвакуаціи». Отвѣтъ Свердлова: «можете опубликовать свой текст», допуская специальное опубликованіе в Екатеринбургѣ, отнюдь не санкціонировал предложенный проект. Въдѣ это так ясно при сопоставленіи опубликованнаго в Москвѣ текста с тѣм, что предполагал Екатеринбург: в нем увѣдомляли о гибели «всей семьи», а не только «главы»; в московском текстѣ категорически заявлялось, что «жена и сын Николая отправлены в надежное мѣсто». О дочерях Москва молчала. *Московский текст и был воспроизведен в Екатеринбургской публикаціи 3-го іюля (21-го он был объявлен Полещекиным на митингѣ)*.

Мы еще остановимся на том, как центральная власть в теченіе долгаго времени пыталась сокрыть фактъ расправы над семьей Царя, — фактъ, столь осложнявшій взаимныя отношенія с германским правительством в критическое время, которое переживала совѣтская власть. В сущности, впервые пермское, екатеринбургское, алапаевское «злодѣянія» раскрыты были в статьѣ Быкова, помѣщенной в 21 году в сборникѣ «Рабочая революція на Уралѣ» областного управленія государственнаго издательства.

*) У Дитерихса есть сообщеніе, которое могло бы имѣть подтверждающее значеніе, если бы нѣкоторая хаотичность изложенія, присущая автору книги, не заставляла в данном случаѣ относиться вдвойнѣ осторожно к тексту. Дитерихс говорит, что официальное объявленіе екатеринбургскаго Совѣта о разстрѣлѣ, появившееся 21-го, «было составлено с пропуском в черновикѣ его числа мѣсяца» «еще до убійства царской семьи», что слѣдует из телеграммы, посланной, «как проект объявленія», еще утром 16 іюля. У боугѣ точнаго Соколова нѣтъ и намека на существованіе подобнаго «проекта» объявленія в матеріалах слѣдствія.

Отклик этой статьи нашел себя место и в центре, в «Коммунистическом Трудѣ», гдѣ «последніе дни послѣдняго царя» были перепечатаны. Однако, тогда негласно самый сборник изъят был из продажи. В статьѣ Быкова признавалось, что сообщения о похищеніи, бѣгствѣ и увозѣ членов императорской фамилии не соотвѣтствовали дѣйствительности — послѣдніе всѣ были «уничтожены». Замалчиваніе этого факта не было, однако, «результатом нерѣшительности мѣстных совѣтов!» Уральскіе совѣты — и областнскій, и пермскій и алапаевскій — «дѣйствовали смѣло и опредѣленно, рѣшив уничтожить всѣх близких к самодержавному престолу». — Для всѣх них «Урал стал могилой».

Таким образом, роль центральной власти в этом изображеніи сводилась к замалчиванію того, что произошло: совѣты Урала дѣйствовали «на свой страх и риск». Такова основная тенденція очерка Быкова. И лишь в самом концѣ 25 г. в статьѣ Юренева, появившейся в столичной петроградской «Красной Газетѣ» в видѣ корреспонденціи из Свердловска, под заглавіем «новые матеріалы о разстрѣлѣ Романовых», установлены были взаимоотношенія того времени между Екатеринбургом и Москвой. Одно временно появились отдѣльным изданіем пополненный черк Быкова*). Отношенія с центром в статьѣ Юренева излагались так: «В одном из своих засѣданій, по словам Быкова, Совѣт (областной) единодушно высказался за разстрѣл Николая Романова**»). Все же большинство Совѣта не хотѣло брать на себя отвѣтственность без предварительнаго переговора по этому вопросу с центром. Рѣшено было вновь командировать в Москву Голощекина для того, чтобы поставить вопрос о судьбѣ Романова в Ц.К. партіи и президіумѣ ВЦИК». «Президіум ВЦИК, — продолжает Быков, — склонялся к необходимости назначенія над Николаем Романовым открытаго суда. В это время созывался 5-ый Всероссийскій Съѣзд Совѣтов. Предполагалось поставить вопрос о судьбѣ Романова на Съѣздѣ — о том, чтобы провести на нем рѣшеніе о назначеніи над Романовым гласнаго Суда в Екатеринбургѣ». Как «главный обвинитель» бывш. царя должен был выступить Троцкій. Разговоры о судѣ в совѣтской средѣ в это время, дѣйствительно, были, как можно судить, напр., по сообщеніям газеты «Анархія» и др.; о рѣшеніи постановки «царскаго» процесса, между прочим, говорил Урицкій при допросѣ 9 іюля н. с. гр. Коковцева***). Может быть, боевое настроеніе, создавшееся около съѣзда с готовившимся выступленіем лѣвых с.р., сняло этот вопрос. По утверженію Быкова, вопрос был пересмотрен

*) Весьма вѣроятно, что статья Юренева и была написана на основаніи новаго текста Быкова — ничего «новаго» в статьѣ не было. Возможно, что отклик «Красной Газетѣ», редактируемой находившимся в оппозиціи Сафаровым, объяснялся партийными счетами — желаніем подчеркнуть, что в преступленіи 18 г. участвовал и центр.

**) В первоначальном текстѣ Быков относил обсужденіе вопроса о «разстрѣлѣ Романова» к концу іюня, когда «безконечно лѣвые» с.р. «настаивали на скорѣйшем разстрѣлѣ..., обвиняя большевиков в непослѣдовательности».

***) Урицкій также был в Москвѣ в дни пребыванія там Голощекина.

в ВЦИК в связи с докладом Голощекина о военных дѣйствіях на Уралѣ: «Голощекину предложено было ѣхать в Екатеринбург и в концѣ іюля подготовить сессію суда над Романовыми, на которую и должен был пріѣхать Троцкий». «По пріѣздѣ из Москвы Голощекиным, числа 12 іюля, было созвано собраніе Областного Совѣта, на котором был заслушан доклад об отношеніи центральной власти к разстрѣлу Романовых. Областной Совѣт признал, что суда, как это было намѣчено Москвой, организовать уже не удастся, — фронт был слишком близок, и задержка с судом над Романовым могла вызвать новое осложненіе. Рѣшено было запросить командующаго фронтом о том, сколько дней продержится Екатеринбург и каково положеніе фронта. Военное командованіе сдѣлало в Областном Совѣтѣ доклад, из котораго было видно, что положеніе чрезвычайно плохое. Чехи уже обошли Екатеринбург с юга и ведут на него наступленіе с двух сторон. Силы красной арміи недостаточны, и паденіе города можно ждать через три дня. В связи с этим Областной Совѣт рѣшил Романовых разстрѣлять, не ожидая суда над ними». Под Романовыми, очевидно, надо подразумѣвать не только семью царя в узком смыслѣ, но и членов императорской фамилии, находившихся в Алапаевскѣ *). Отсюда логически слѣдует сдѣлать заключеніе, что екатеринбургское и алапаевское убійства связаны, дѣйствительно, скорѣе всего «единой волей».

В приведенной концепціи рѣшеніе о разстрѣлѣ было принято все-таки самостоятельно. Иную конъюнктуру дает разсказ Войкова, записанный Весѣдовским и воспроизведенный им в «Путях к термидору». Вопрос о разстрѣлѣ Романовых, — разсказывает Войков, — был поставлен по настоятельному требованію Уральского Областного Совѣта, в котором я работал в качествѣ областного комиссара по продовольствію. Уральскій Совѣт категорическим образом настаивал перед Москвой на разстрѣлѣ царя, указывая, что уральскіе рабочіе чрезвычайно недовольны отяжкой приговора и тѣм обстоятельством, что царская семья живет в Екатеринбургѣ, «как на дачѣ», в отдѣльном домѣ, со всемі удобствами. Центральная Московская власть не хотѣла сначала разстрѣливать Царя, имѣя в виду использовать его и семью для торга с Германіей. В Москвѣ думали, что, уступив Романовых Германіи, можно будет получить какую-нибудь компенсацію. Особенно надеялись на возможность выторговать уменьшеніе контрибуціи в 300 милл. рублей золотом, наложенной на Россію по Брестскому договору... Нѣкоторые из членов Центрального Комитета, в частности, Ленин, возражали также и по принципиальным соображеніям против разстрѣла дѣтей. Ленин указывал, что великая фран-

*) В «Уральском Рабочем», еще до пріѣзда в Екатеринбург будущих алапаевских узников писалось: «В красную уральскую столицу скоро придут гости: бывшіе члены Романовскаго отродья... Они скоро предстанут перед народным судом вмѣстѣ с кровавым палачом рабочаго класса Николаем Романовым».

цузская революція казнила короля и королеву, но не тронула дѣтей, Высказывались соображенія о том отрицательном впечатлѣннїи, которое может произвести за границей, даже в самых радикальных кругах, разстрѣлъ царских дѣтей. Но Уральскій Областной Совѣтъ и Областной Комитет коммунистической партіи продолжали рѣшительно требовать разстрѣла... — я был одним из самых ярых сторонников этой мѣры... Уральскій Областной Комитет коммунистической партіи поставил на обсужденіе вопрос о разстрѣлѣ и рѣшил его окончательно в положительном духѣ еще с іюля (іюня?) 1918 года. При этом ни один из членов областного комитета партіи не голосовал против разстрѣла. Постановление было вынесено о разстрѣлѣ всей семьи, и ряду ответственных уральских коммунистов было поручено провести утвержденіе в Москвѣ, в центральном комитетѣ коммунистической партіи. В этом нам больше всего помогли в Москвѣ два уральских товарища — Свердлов и Крестинскій. Они оба сохраняли самую тѣсную связь с Уралом и в них мы нашли горячую поддержку в проведеніи в центральном комитетѣ партіи постановленія уральскаго областного комитета. Провести это постановленіе оказалось дѣлом не легким, так как часть членов центрального комитета продолжала держаться той точки зрѣннїа, что Романовы представляют слишком большой козырь в наших руках для игры с Германіей, и что поэтому разстаться с этим козырем можно лишь в крайнем случаѣ. Уральцам пришлось прибѣгнуть тогда к сильно дѣйствующему средству. Они заявили, что не ручаются за дѣлность семьи Романовых и за то, что чехи не освободят их в случаѣ дальнѣйшаго своего продвиженія на Урал. Послѣднїй аргумент подѣйствовал сильнѣе всего. Всѣ члены центрального комитета боялись, чтобы Романов не попал в руки Антанты. Эта перспектива заставила уступить настоянїям уральских товарищей. Судьба царя была рѣшена, была рѣшена и судьба его семейства... Когда рѣшеніе центрального комитета партіи сдѣлалось извѣстным в Екатеринбургѣ (его привез из Москвы Голощекин), Бѣлбородов оставил на обсужденіе вопрос о проведеніи разстрѣла. Дѣло в том, что центральный комитет партіи, вынося постановленіе о разстрѣлѣ, предупредил Екатеринбург о необходимости скрыть факт разстрѣла членов семьи, так как германское правительство настойчиво добивалось освобожденія и вывоза в Германію бывшей царицы, наслѣдника и великих княжен...»

Разсказ Войкова возбуждает нѣкоторое сомнѣніе. Прежде всего, в интересах вашавскаго полпреда в обстановкѣ 25 года было представить екатеринбургскую бойню не самочинным актом уральцев, а актом, совершенным по рѣшенію центра. Если в Москвѣ судьба не только Царя, но и его семьи была рѣшена уже в момент пребыванія там Голощекина, становится, однако, совершенно непонятным текст Бѣлбородовской телеграммы 17 іюля. Очевидно, что-то было не так. Не разъясняет ли загадку сообщеніе 14 іюля в «Извѣстіях» Уральского Совѣта? Через день послѣ обсужденія в засѣданіи областного Совѣта (вѣроятно,

его президіума) директив, привезенных Голощекиным, сообщалось: «вчера председатель Совдепа имѣл продолжительный разговор по прямому проводу с Москвой с председателем Совнаркома Лениным. Разговор касался военного обзора и охраны бывш. царя Николая Романова». Мнѣ думается, что законно будет такое предположеніе. Директивы, привезенныя Голощекиным, были обсуждены в областном партійном комитетѣ (у Войкова все дѣло рѣшает партійный комитет и это, конечно, соответствовало дѣйствительности: совѣт являлся лишь демократической декорацией). Эти директивы не заключали в себѣ еще формулы убійства — не только семьи, но и царя. Возможно, ставился вопрос и об эвакуаціи в болѣе безопасное мѣсто. Партійный комитет, признавъ положеніе в Екатеринбургѣ угрожающим и риск эвакуаціи в момент, когда чехо-словацкіе отряды двигались по соединительной вѣтви на главную желѣзно-дорожную линію Пермь-Екатеринбург и могли отрѣзать послѣдній путь отступленія из Екатеринбурга, принялъ рѣшеніе о необходимости «уничтожить» Николая II, — об этом шла рѣчь в переговорах по прямому проводу 13 іюля. Надо думать, что санкція на это из центра была получена, поэтому так странно на первый взгляд формулирована телеграмма 17 іюля — «семью постигла та же участь, что и главу» *).

Всѣ другія толкованія пока приходится признавать еще мало обоснованными с фактической стороны. Для Соколова Юровскій был не только непосредственным руководителем в Екатеринбургѣ, но он же «разработал в деталях и самый план убійства». Однако, пробудили «преступную дѣятельность Юровскаго» «какіе то иные люди», в промежуток между 4-14 іюля, «рѣшив судьбу царской семьи». Центральная роль здѣсь принадлежит Свердлову, на квартирѣ котораго жил Шая Голощекин в дни своего пребывания в Москвѣ. «Только ли вдвоем с Голощекиным Свердлов рѣшил судьбу царской семьи?» — задает вопрос руководитель слѣдствія. Основываясь на разговорѣ по прямому проводу от 20 іюля, гдѣ было упомянуто, что «вчера выѣхал к вам курьер с интересующими вас документами», слѣдователь дѣлал заключеніе, что «вы имѣет собирательное значеніе и адресовано не одному Свердлову». «Были и другія лица, рѣшавшія вмѣстѣ с Свердловым и Голощекиным в Москвѣ судьбу царской семьи. Я их не знаю». Осторожный и вмѣстѣ с тѣм крайне искусственный отвѣтъ слѣдователя не оправдывается даже тѣми документами, которые были в его распоряженіи, ибо по совокупности всѣх этих документов совершенно ясно, что переговоры велись не с отдѣльными лицами персонально, а с представителями правительства, являшагося синонимом головки партіи. Вышняя осторожность Соколова объясняется лишь его юридическим навыком, намеки его

*) Согласно екатеринбургской молвѣ, попавшей в англійскую «бѣлую книгу», Ленин отвѣтил: «дѣлайте, что хотите»; по другой версии он сказал: «дѣйствуйте в соответствии с постановленіем Совѣта».

ясны, их со всей откровенностью и раскрывает ген. Дитерихс, одержимый навязчивой идеей «революціоннаго Израїля». На сцену выплывает пресловутый полумасонскій синадріон. Нашелся «историк», который усмотрѣлъ здѣсь даже злоумышляющую руку русско-американской «ИМКИ».

Нѣтъ «сіонскихъ мудрецовъ» ни в концепціи Гутмана, ни в позднѣйшемъ построеніи Керенскаго. Для того и другого изувѣры совѣтской власти, засѣдавшіе в Кремль, — т. е. интернаціоналисты всѣхъ мастей, измыслили избіеніе царскаго рода... План былъ выработанъ в центрѣ и систематически осуществленъ в теченіе лѣта 18 г.*). «Нужно было убить так, чтобы убійство произошло в провинціи и было выполнено мѣстной властью, якобы безъ санкціи центральнаго правительства», — такъ писалъ Гутманъ (Ган), посвятившій свой очеркъ началу осуществленія плана, задуманнаго в центрѣ. Доказательства, приведенныя имъ в силу неудовлетворительности метода работы, не выдерживаютъ прикосновенія исторической критики, — закулисная сторона убійства в. кн. Михаила остается невыясненной и поэтому весь «московскій планъ», по которому члены бывш. императорскаго дома постепенно доставлялись на Уралъ в ожиданіи «сигнала» из центра о расправѣ с ними, можетъ быть поставленъ под сомнѣніе. То же надо сказать и относительно екатеринбургской трагедіи в освѣщеніи работы Керенскаго — послѣдней по времени написанія. Авторъ, очевидно, не знакомъ ни с отдѣльнымъ изданіемъ очерка Быкова, ни с повѣствованіемъ Войкова, изложеннымъ на страницахъ воспоминаній, бѣжавшаго изъ парижскаго полпредства совѣтскаго дипломата. Онъ опирается, главнымъ образомъ, на данныя Соколова, но в своихъ выводахъ идетъ дальше руководителя сибирскаго слѣдствія. Керенскій пытается доказать, что в рѣшеніи Кремля никакой роли не играли фиктивные заговоры в Екатеринбургѣ, ни тѣмъ болѣе выступленіе чехословаковъ, такъ какъ рѣшеніе Кремля было принято гораздо раньше. Лишь формальная инициатива была предоставлена совѣту «красной крѣпости Урала», — фактически в интимномъ кругу Ленина была выработана во всѣхъ деталяхъ процедура убійства. Под предлогомъ угрозы со стороны «чехословацкихъ банд» Кремль (Свердловъ с согласія Ленина) в іюнѣ черезъ посредничество Голощекина посылаетъ по прямому проводу свои приказанія в Екатеринбургъ. Какъ отвѣтъ на эти приказанія Керенскій разсматриваетъ сообщеніе Бѣлгородова 4 іюля объ измѣненіи в охранѣ, находившейся в «домѣ особаго назначенія». По соглашенію с Москвою или точнѣе по приказу из Москвы, — говоритъ Керенскій, — для испол-

*) Нѣкоторая неряшливость в обращеніи с фактами, столь свойственная полумемуарнымъ историческимъ изысканіямъ Керенскаго, привела его к утвержденію, что в іюнѣ-іюль были разстрѣлены всѣ члены императорской фамилии, находившіеся в предѣлахъ РСФСР. Между тѣмъ арестованные позже в. кн. Пав. Алек., Ник. и Георг. Мих. и Дм. Конст., были разстрѣлены уже в періодъ «краснаго террора» в февралѣ 19 г. в Петропавловской крѣпости — формально, какъ «заложники» за убійство Розы Люксембургъ и Либкнехта. Князь Гавр. Конст. былъ освобожденъ по предствительству Горькаго, передъ которымъ ходатайствовалъ членъ пол. Кр. Креста докторъ Манухинъ.

неція функцій внутрешней охраны вступили люди комиссара мѣстной Ч.К. Юровскаго. Телеграмма 4-го означала: все готово для убійства и безповоротно доказывала, что организаторами и исполнителями екатеринбургскаго убійства были кремлевскіе палачи. Здѣсь Керенскій буквально повторяет Жильяра. (У Жильяра это логически вытекает из ошибки, допущенной им при воспроизведеніи и толкованіи телеграммы, — но его формулировка Сыромотов выѣзжает в Москву для организациі «дѣла»). Дальнѣйшее у Керенскаго протекает соотвѣтственно изложенію Соколова, — одинаково он толкует и шифрованную телеграмму 17 іюля и разговор по прямому проводу 20-го. Отличіе только в том, что к имени Свердлова присоединяется имя Ленина. Как знает Керенскій, строго конфиденціальное собраніе происходило у Ленина послѣ телеграммы, полученной от Бѣлородова. Кто на нем, за исключеніем Ленина и Свердлова, присутствовал, неизвѣстно, но было рѣшено скрыть истину не только от страны, но и от самого совѣтскаго правительства. Ленин и Свердлов присутствовали, — это точно извѣстно. Откуда? Как всегда бывает в таких случаях, источник остается скрытым. Если все детали убійства заранее были обсуждены, то никакго смущенія сенсаціонная телеграмма Бѣлородова не могла вызвать; очевидно, не было надобности и собирать юсобо секретное совѣщаніе. Вѣроятно, однако, то или иное совѣщаніе должно было неизбежно прісизойти и имѣть секретный характер, так как сообщеніе Бѣлородова было, очевидно, неожиданным. На нем должен был присутствовать и предсѣдатель совнаркома и предсѣдатель ВЦИК. Свердлов, независимо от своего официальнаго поста, всегда был вѣрным резонатором мнѣній Ленина, поэтому естественно связать эти два имени, как, напр., они связаны были в період острых партійных споров о «похабном мирѣ». Но при разслѣдованіи екатеринбургской трагедіи, точнѣе, кремлевскаго замысла ея подготовки, этой связи придают специфическій характер: «План Свердлова» через убійство сдѣлать невозможным «компромисс» с капиталистическим міром превращается в «план и самого Ленина». Можно назвать и третьяго, вѣроятнаго, участника секретнаго совѣщанія — это Дзержинскій... Сперанскій, производившій свое самостоятельное изысканіе в Екатеринбургѣ, пришел к выводу, что мысль о ликвидаціи вышла из головы шефа Ч.К. и им была осуществлена*). Тріо легко превратить в квартет, — припомним, что Войков назвал члена ВЦИК Крестинскаго, до войны бывшаго главарем екатеринбургских большевиков, при желаніи и в квинтет — вѣдь Троцкій был подлинным вдохновителем «Революціоннаго Израіля», (в нѣкоторых повѣствованіях Троцкій и фигурирует, как

*) Бурцев в свое время так же доказывал, что Царь убит по рѣшенію Ц. К. большевиков и «по настоянію Ленина». В дѣйствительности позиція Ленина в эти дни была иной: он полагал, что в случаѣ крушенія большевизма тактически выгодно содѣйствовать возстановленію реакціонной монархіи.

прямой соучастник кремлевского трио). Можно идти и дальше. Но оставим в стороне подобныя изысканія — бесплодныя, поскольку они не опираются на факты, которые можно установить.

Какой же вывод можно сдѣлать? Первый слѣдователь, ведшій сибирское разслѣдованіе, член екатеринбургскаго окружнаго суда Сергѣев, на мой взгляд, занял правильную позицію: «убійство задумано заранѣе и выполнено по выработанному плану». — главное руководство принадлежало мѣстным большевицким дѣятелям. По словам Дитерихса, Сергѣев склонен был отрицать инициативу центральной власти. Его добросовѣстность и нелицеприятность судьи были заподозрѣны, — как видно из сообщенія мѣстнаго прокурора Иорданскаго, Сергѣев обвинялся в сознательном затягиваніи слѣдствія. Он был замѣнен Соколовым, продѣлавшим огромную работу для выясненія обстановки екатеринбургской трагедіи, но основная — политическая линія его разслѣдованія едва ли была правильна. Можно предполагать, что центр *ante factum* санкціонировал убійство Царя и *post factum* вынужден был распространить свои санкціи и в отношеніи расправы, постигшей всю семью. Всевластность центра в первые мѣсяцы 18 г. вообще надо признать очень относительна, — лучшей иллюстраціей может служить «Сѣверная коммуна» бывшей столицы, гдѣ своевольным сатрапом был Зиновьев. В дни іюльскаго кризиса, в дни убійства гр. Мирбаха, анавторы лѣвых с.-р. и «бѣлогвардейских» возстаній и зарожденія «восточнаго фронта», засѣдавшіе в Кремль не чувствовали себя прочно, и в такой обстановкѣ не слишком приходилось одергивать «власть на мѣстах» — особенно в таком щекотливом для большевицких демагогов вопросѣ, как судьба царствовавшей династіи. На уральской периферіи, которая в данном случаѣ занимает наше вниманіе, «лѣвые» коммунисты имѣли значительное вліяніе в партійной средѣ, — так имя предсѣдателя областного комитета Бѣлобородова наряду с именами членов ЦИК Преображенскаго и Крестинскаго стоит под оппозиціонным заявленіем группы «уральских работников», требовавшей в февральскіе дни обсуждения вопроса о войнѣ и мирѣ с Германией, немедленнаго созыва партійной конференціи*). Друг Бѣлобородова и Голощекина, Сафаров, вмѣстѣ с Лениным прибывшій в Россію в «запломбированном вагонѣ», ставшій тов. предсѣдателя екатеринбургскаго президіума, а на дѣлѣ считавшійся на Уралѣ как бы негласным «диктатором», был также в рядах «оппозиціи». С этими «уральскими работниками» бывш. член пермскаго комитета и представитель Урала на рѣшающей апрѣльской конференціи 17 г. в Петербургѣ, гдѣ пріѣхавшій из эмиграціи Ленин выступил со своими сенсаціонными «коммунистическими» тезисами, Свердлов был связан персональными узами на почвѣ старой совмѣстной партійной работы, а не той тактической позиціей, которую они занимали в данный момент — малоосвѣдомленное в пар-

*) Соколов подчеркивает, что Бѣлобородов — «порожденіе уральской глуши». «Если бы не убійство, его никогда не увидѣли бы за предѣлами Урала». Слѣдователь ошибался.

тійных большевѣдскихъ дѣлахъ сибирское слѣдствіе видимость приняло за сущность. За слѣдствіемъ пошелъ в своихъ изысканіяхъ и Кокорцевъ, точка зрѣнія котораго близка къ положеніямъ, выдвинутымъ Керенскимъ: Москва заранѣе избрала мѣстомъ расправы Екатеринбургъ, какъ центръ деморализованныхъ рабочихъ, и сосредоточила здѣсь группы вѣрныхъ своихъ сотрудниковъ.

Тактика центра в отношеніи династіи, — колеблющаяся и двурушническая, конечно, не гарантировала жизни ни Царю, ни в. кн. Михаилу, ни легитимному наслѣднику. С извѣстными оговорками можно согласиться с заключительными строками изслѣдованія Соколова: «в общемъ ходѣ мировыхъ событій смерть царя, какъ прямое послѣдствіе лишенія его свободы, была неизбежна, и в іюль мѣсяцѣ 18 года уже не было силы, которая могла бы предотвратить ее». Если не в іюль, то в послѣдующіе страшные дни кроваватаго разгула «краснаго террора» гибель была почти неизбежна, поскольку члены династіи оставались во власти разнузданнаго насилія большевиковъ. Можетъ быть, былъ бы созданъ показательный процессъ «народнаго суда», послѣ котораго символически скатилась бы голова «*коронованнаго тирана*»; можетъ быть, ликвидація династіи произошла бы безгласно в тайныхъ нѣдрахъ Всер. Чр. Комиссіи, но все же, вѣроятно, общественная лѣтопись не зарегистрировала бы омерзительныхъ формъ, в которыхъ произошла расправа в подвалѣ «дома особаго назначенія» и которую Сафаровъ на столбцахъ «Уральскаго Рабочаго» 23 іюля со смѣлостью, граничащей съ наглостью, назвалъ крайне «демократической».

IV.

ОЖИВЛЕНИЕ МЕРТВЕЦОВЪ.

Вѣсть об убійствѣ императора Николая II, конечно, в разныхъ слояхъ воспринята была не одинаково. И внѣшнее впечатлѣніе от уличной толпы зависѣло от собственнаго настроенія наблюдателя. «Маленькій» Марков в Петербургѣ видѣлъ повсюду «печать отчаянія». Бывшій царскій министръ Кокорцевъ в той же сѣверной столицѣ усмотрѣлъ «кровожадность» и одобрение совершеному акту. Садуль, еще не сдѣлавшійся окончательно коммунистомъ, на московскихъ лицахъ лишь не увидѣлъ сожалѣнія. Можетъ быть, толпа, притихшая подъ Дамокловымъ мечомъ «пролетарской диктатуры», отнеслась в общемъ равнодушно, отчасти подготовленная уже къ неизбежности такого конца для главы царствовавшей династіи послѣ революціи; можетъ быть, еще не вѣрили, несмотря на официальные сообщенія, переданное черезъ газеты въ видѣ отчета о засѣданіи ВЦИК — не вѣрили, потому что уже разъ слышали о разстрѣлѣ. Смерть бывшаго царя, дѣйствительно, впечатлѣнія большаго внѣшне тогда не произвела, — тѣмъ болѣе, что дѣло ограничилось довольно лаконическимъ сообщеніемъ 19 іюля. Однако, едва ли такъ же спокойно было воспринято извѣстіе изъ Екатеринбурга в Кремль. Мемуаристы пытаются показать, что самочинное дѣяніе уральскихъ коммунистовъ не вызвало никакихъ

волнений и опасений. С хладнокровным спокойствием в обстановкѣ обыденнаго обсужденія текущих дѣл выслушано было членами правительства сообщеніе о разстрѣлѣ в Екатеринбургѣ. Вот как описывает засѣданіе Совнаркома 18 іюля Милютин. В момент доклада комиссара народнаго здравія Семашко, вошел Свердлов и сѣд позади Ильича. Семашко закончил доклад, Свердлов подошел к Ленину и сказал ему нѣсколько слов. «Тов. Свердлов просит слова для информаций», — сказал Ленин, и Свердлов в обычном тонѣ сообщил об извѣстии, которое пришло с Урала. Чехо-словаки приближаются к Екатеринбургѣ. Николай II собиранся бѣжать. Он казнен. Президіум ВЦИК утвердил эту мѣру. Слова Свердлова сопровождало полное молчаніе. «Перейдем теперь к тексту принятія по пунктам», — предложил Ленин. Засѣданіе, прерванное выстуиженіем Свердлова, продолжалось в очередном порядкѣ.. Очевидно, на основаніи таких мемуарных замѣток Керенскій и пришел к убѣжденію, что от правительства была скрыта истина. Боюсь присоединиться к такому заключенію и в особенности на основаніи документа, сотканнаго из сплошной фальши*). Расгерянность была очевидна и, вѣроятно, только этим можно объяснить то, что московская власть не воспрепятствовала открытому служенію панихиды по погибшему Императору: церковь на Спиридоновкѣ была полна народа, — присутствовали далеко не только «монархисты».

Все послѣдующее показывает, что и правительство в цѣлом и его агенты в отдѣльности всемѣрно стремились затушевать то, что произошло в Екатеринбургѣ. Кровавая бойня в домѣ Ипатьева ложилась таким позорным пятном на так называемую «рабоче-крестьянскую» власть, что истину надо было хоть до времени так или иначе скрыть. Мы видѣли уже, как в теченіе іюля представители совѣтской власти открыто лгали нѣмецким дипломатам. Так же втирали они очки и дипломатам других европейских держав. Лгали в іюль, лгали в августѣ, лгали и в сентябрѣ. Разговоры бар. Ритцлера с руководителем вѣдомства ин. дѣл в Москвѣ закончились сообщеніем, что Ал. Фед. находится «в Перми» и что с «нѣмецкими принцессами» ничего произойти не может. Нѣмецкій дипломат усомнился тогда в том, что Чичерин говорил правду. Документы, опубликованные в 35 г. нѣмецким историком Яговым, показывают, что, тѣм не менѣе, переговоры об «освобожденіи царицы и ея дѣтей» продолжались, — их вел в началѣ августа с Чичериным германскій генеральный консул в Москвѣ Гаушильд. 29 августа Гаушильд на ту же тему бесѣдовал с Радеком, который заявил, что комиссар ин. д. не видит причин, почему нельзя было бы Ал. Фед. и ея дѣтям выѣхать из Россіи — на условіях, конечно, извѣстных компенсаций. Компенсация могла бы заключаться в том, что царская семья будет обмѣнена, напр., на арестованнаго в Берлинѣ Лео Іодиша. Радек высказывал готовность в тот же день переговорить по этому

*) «Страничка дневника» Милютина была напечатана в Москвѣ еще в 1921 г.

поводу с самим Лениным и общал нѣмецкому консулу «немедленно принять мѣры» к тому, чтобы царицѣ и ея дѣтям была гарантирована безопасность от каких-либо эксцессов. Комедія продолжалась и перенесена была в Берлин, гдѣ совѣтскій представитель Юффе 10 сентября уже официально предложил германскому министерству ин. д. обмѣнять царицу на Либкнехта. По свидѣтельству Ягова это «возмутительное предложеніе» было отвергнуто Германіей. Так обстояло дѣло в момент, когда должны были реализоваться дополнительные соглашенія по Брестскому миру. Переговоры все еще продолжались — до 14/15 сентября. Тут неожиданно в бесѣдѣ с Чичериным и Радеком выяснилось, что совѣтское правительство в данный момент не знает мѣста пребыванія царской семьи, так как она находится в красноармейской части, отрѣзанной от остальной арміи во время военных дѣйствій под Екатеринбургом. Нѣмецкая дипломатія поняла, что вопрос о выѣздѣ из Россіи императрицы и ея дѣтей должен был выпасть из переговоров, но она еще вѣрила, что погибшіе в Екатеринбургѣ живы и предлагала перевезти их хотя бы в Крым... Недостойная игра так или иначе шла до перерыва дипломатических сношеній накануне событій, сокрушивших германскую имперію... Во второй половинѣ іюля по ордеру председателя петроградской Ч. К. из Вологды были вывезены, жившіе там под наблюденіем в условіях относительной свободы в. кн. Ник., Мих., Георг. Мих. и Дм. Конст. и заключены в Петербургѣ в тюрьму на Шпалерной. Что послужило прямым поводом к аресту, который был произведен, как утверждал Урицкій, посѣтившим его представителям французскаго и датскаго посольств, по предписанію из центра? — Может быть, центр хотѣл избѣжать каких-нибудь мѣстных эксцессов в связи с готовящимся отъездом иностранных послов из Вологды? Предположим лучшее. Обезпokoенный участію Ник. Мих., имѣвшаго связи в Парижѣ, французскій посол Нуланс, согласно полученной инструкціи, поручил ген. консулу в Москвѣ Гренару посѣтить Чичерина и от имени французскаго правительства ходатайствовать о гарантіи безопасности для вел. князя-историка, — очевидно, в связи с событіями, имѣвшими мѣсто в Екатеринбургѣ. То же, с своей стороны, сдѣлал датскій посол Скавениус перед Урицким. Нуланс не сообщает отвѣта, который дал Чичерин, но его передает со слов Гренара бывший фр. посол Палеолог. Коснувшись разстрѣла Николая II, Чичерин высказал сожалѣніе о происшедшем событіи, которое произошло без вѣдома центра по инициативѣ екатеринбургскаго совѣта и отозвался незнаніем того, что произошло с другими членами семьи. Нѣсколько позже Чичерина посѣтил и голландскій посланник Удендин, чтобы от имени королевы Вильгельмины хлопотать за царицу и ея дѣтей. Это было в день убійства Урицкаго. Выслушав заявленіе Удендина, Чичерин и присутствовавшій при бесѣдѣ его помощник Карахан — «долго сидѣли в молчаніи». «Вы коснулись весьма щекотливаго вопроса», — отвѣтил, наконец, смущенный Чичерин, устремив свой взор на пол: «я не могу вам сразу дать опредѣленный отвѣтъ... Вопрос

несомненно подвергнется всестороннему обсуждению в ЦИК... Вы можете написать вашему правительству, что нѣтъ рѣшительно никаких оснований беспокоиться за них...» Карахан молчал, курил большую сигару, сосредоточенно пуская большіе клубы снѣга дыма в потолок...

Можно ли объяснить шокритство подобных отвѣтов незнаціем того, что произошло в Перми, Екатеринбургѣ и Алапаевскѣ? Растерянность очевидна, но она отнюдь не свидѣтельствуєт о незнаніи. Морганатическая супруга в. кн. Павла Ал. передает по существу изумительный разговор, который она имѣла с Урицким при попыткѣ ея выяснить причину ареста мужа. Урицкій заявил ей, что великіе князья будут отправлены на Урал, гдѣ они будут пользоваться извѣстной свободой, и гдѣ она, Палей, может соединиться со своим мужем. При этом Урицкій упомянул, что если с ея сыном в Алапаевскѣ что-нибудь случилось, то это его вина. Тут кн. Палей с настойчивостью стала увѣрять петербургскаго палача, что сын ея спасен и находится внѣ досягаемости большевицкой власти. Это она хорошо знает. «Он спасся очевидно, бѣгством, как и в. кн. Михаил», — с ироніей замѣтил, промолчав момент, Урицкій и сказал, что Михаил был убит в Перми.. Никогда в большевицких газетах не было опубликовано о разстрѣлѣ в. кн. Мих. Ал., как то утверждает Быков: «послѣ провѣрки» слухов и опроса предполагаемых участников разстрѣла! Но в февралѣ 19 г. в меньшевицком «Всегда Вперед» по поводу новых жертв из числа членов великокняжеской семьи, разстрѣлянных в Петропавловской крѣпости («позором» назвал этот акт меньшевицкій орган) была подчеркнута гибель всей царской семьи на Уралѣ. Позже гибель Михаила признал, как было уже упомянуто, Мясников в своей брошюрѣ-протестѣ от имени «рабочей оппозиціи». Невѣдующіе большевики могли бы узнать, и, тѣм не менѣе, в дни конференціи в Генуѣ (22 г.) Чичерин с каким-то упорством утверждал корреспонденту «Чикаго Трибьюн», что, по его свѣдѣніям, царскія дочери находятся в Америкѣ. Это было уже цинично.

Хотѣли того или нѣтъ большевики, но их лживыя публикаціи об екатеринбургском убійствѣ с перваго же дня положили начало в обывательской средѣ разнообразным и противорѣчивым слухам о судьбѣ царской семьи. Эти слухи, зарегистрированные екатеринбургским уголовным розыском и подтверждаемые даже свидѣтелями-«очевидцами», представляют собой эмбрион послѣдующих исторических легенд. Царская семья жива: — она вывезена из Екатеринбурга — по версіи уголовного розыска в направленіи Перми. Жив и Царь, он увезен в Германію через Ригу согласно одному из пунктов Брестскаго мира (по простонародной версіи, Вильгельм «строго приказал Ленину»). Насколько послѣдняя версія была распространена показывает тот факт.

что она занесена в официальном уведомлении английского верховного комиссара в Сибири Бальфуру 5 октября: вопреки большевицким объявлениям, «многие из русских, хорошо осведомленных, вѣрят, что он (царь) находится под покровительством нѣмцев». К этому варианту сам Элиот, не ствергая его, относился нѣсколько скептически. Но ему представлялся правдоподобным увоз царицы и дѣтей, — он подчеркивал, что таково всеобщее мнѣніе в Екатеринбургѣ. Элиот приложил меморандум царскаго наставника Гибса, человека как бы близкаго семьѣ: — Гибс полагал, что до сей поры нѣтъ основанія не вѣрить сообщеніям большевиков о сохранности царской семьи — во всяком случаѣ, можно полагать, что в домѣ Ипатьева разстрѣляны не всѣ, там находившіеся, и что дѣтям жизнь сохранена. (Элиот допускал, что слѣды крови явились в результатѣ убійств во время ссоры пьанных людей).

Упроченію легенды, конечно, содѣйствовал «безсвязный рассказ» только что вышедшаго из тюремнаго лазарета и через три мѣсяца скончавшагося «утомленнаго» и разслабленнаго старика Чемодурова. По словам Кобылинскаго, Чемодуров не вѣрил в убійство царской семьи и говорил: «убили Боткина, Харитонову, Демидову и Трупа, а августѣйшую семью вывели, причем убійством, названных лиц, симулировали убійство семьи. Для этого... симулировали и разгром дома». — По другой версіи семья была вывезена к шахтѣ в районѣ Ганиной

Вел. князь Михаил Александрович
в пермской Ч.К.

Ямы и там была подстроена некая симуляція в видѣ сожженія тѣл, одежды и вещей, а в дѣйствительности произошло переодѣваніе, послѣ чего «разстрѣлянные» благополучно скрылись или были увезены...

Таких версій было безчисленное множество (см. у Дитерихса), Им вѣрило такое же множество людей в Сибири и Европейской Россіи, а также впоследствии в З. Европѣ*). Т. Боткина-Мельник, в ближайшем окруженіи которой создались многія легенды и, в частности, легенда о роли Соловьева в попытках освобожденія царя, заявляет в своих воспоминаніях «конечно, никто из нас не вѣрил слуху (об убійствах в Екатеринбургѣ) до тѣх пор, пока по пріѣздѣ во Владивосток я не увидала людей, лично читавших все дѣло, веденное ген. Дитерихсом!» Судьба Мих. Ал., возбуждала еще меньшія опасенія. Мы видѣли, как Милоков с юга рекомендовал москвичам отыскать великаго князя, выдвигаемаго лидером конституціоналистов в кандидаты на занятіе престола. Диктатор далекой Дауріи, знаменитый бар. Унгерн, в одном из своих «приказов» даже в 21-м году объявлял «императора» Михаила «единственным хозяином земли русской». Сибирское слѣдствіе, которому картина происшедшаго скоро стала ясна, впоследствии склонно было заподозривать источник происхожденія этих легенд — их распространяли агенты большевиков. Такое обвиненіе легко предъявляли «зятю Распутина» и шже были с ним из «петроградско-гѣмецких» организацій.. При взятіи Екатеринбурга из красной арміи перебѣжало много офицеров. В числѣ их был кап. ген. шт. Симонов, занимавшій пост начальника штаба

*) Отмѣтим одну такую фантастическую «быль», которая в основѣ своей создана была разговорами мѣстных жителей и которая служит как бы эпилогом к екатеринбургской драмѣ. Упомянуть о ней стоит уже потому, что распространеніе ея косвенно связано с именем капитана «Б», помогавшаго веденію слѣдствія Соколова,—по крайней мѣрѣ на него, на его авторитетное свидѣтельство ссылался в 29 г. автор статьи в парижском «Русском Времени», впервые на столбцах эмигрантской печати рассказавшій этот апокриф. Дѣло идет не болѣе, не менѣе, как о том, что в Москву среди вещественных доказательств, имѣвших отношеніе к убійству в домѣ Ипатьева, была доставлена в особой «кожаной сумкѣ» стеклянная колба, наполненная красной жидкостью, в которой находилась голова казненнаго Императора! В Берлинѣ в 1921 г. кап. Б. (Бульгин), по словам автора статьи, говорил ему, что такой факт «несомнѣнно имѣл мѣсто». Тогда автор юннесся скептически к рассказанному, но в концѣ 28 г. в газетѣ «Франкф. Кур.» 20 ноября он прочитал статью «Судьба царской головы», принадлежавшую перу нѣкоего пастыря Кунг-Руфенбергера, который рассказывал со слов «очевѣдца», как большевики сожгли в июлѣ 18 г. полученный ими из Екатеринбурга «ужасный груз». Были мнѣнія, что заспиртованную голову Николая II надо сохранить в музеѣ для навиданія «спрадушему поколѣнію», но по предложенію Петерса в концѣ концов постановили во избѣжаніе превращенія головы бывшаго царя в «Святенью» в глазах «глупых людей», уничтожить. «Очевѣдец» наблюдал процесс сожженія, происшедшій будто бы в присутствіи почти всего большевицкаго синклита. «Голову» Николай II в спирту видѣл, но уже в 19 г., и Илюдор. «Сенсація», за которую б. термонах впоследствии с американской прессы получил 1.000 долл., и которая показалась вѣроятной в «Послѣдним Новостям», вовсе не была тогда нова, ибо о ней было написано за три года перед тѣм в одном из органов той же парижской эмигрантской прессы.

арміи Берзина и помогавшіи офицерам перебѣгать на «бѣлогвардейскую» сторону. В Омскѣ при содѣйствіи нач. Воен. Академіи Андогскаго он занял должность нач. контр-развѣдывательнаго отдѣла. Он официально докладывал Верховному Правителю, — повѣствует Дитерихс, — что «слышал от комиссаров, что наследник и великія княжны живы, но неизвѣстно, гдѣ находятся». Лично Симонов «твердо вѣрил» в это. Симонов был знаком с Соловьевым и встрѣтился с ним во Владивостокѣ. Соловьев сохранял «большое инкогнито», но открылся начальнику паспортнаго пункта полк. Макарову, прося у него четыре незаполненных бланка заграничнаго паспорта «для отправленія августѣйших дѣтей за границу». Дитерихс говорит, что фантазіям, «походившим по абсурдности на умышленно-злостное распространеніе свѣдѣній с преднамѣренной дѣлью», больше вѣрили, чѣм обоснованным на фактах докладам слѣдователя Соколова. Помощник Соколова, человек скорый на заключеніе, уже обвиняет Соловьева в том, что послѣдній подготовлял самозванца, как это ни абсурдно было для «агента большевиков!»*). Самогипноз был так велик, что еще в 21 г. редакція монархической «Русской Лѣтописи» при перечисленіи членов «Россійскаго Императорскаго Дома, убиенных и умученных большевиками», дѣлала оговорку: в. кн. Мих. Ал. с половины 18 г., неизвѣстно, гдѣ находится, и о Е. И. В. распространены весьма тревожныя свѣдѣнія**»). Даже в 24 г. вдовствующая императрица М. Ф. по поводу манифеста в. кн. Кирилла, преждевременно объявившаго себя «императором всероссійским», писала в. кн. Ник. Ник., прося его предать гласности ея письмо: «до сих пор нѣтъ точных извѣстій о судьбѣ моих возлюбленных сыновей и внука». И болѣе того, в 29 г. Агапѣев, один из докладчиков «Общества памяти Государя Императора Николая II», выступил в «Новом Времени» со статьей под характерным заголовком: «Жива ли царская семья?» с дѣлью опровергнуть «иллюзіи», которыя существуют еще в нѣкоторых кругах эмиграціи, и «апокрифов», которые от времени до времени появляются в монархической печати. Соколов в соотвѣтствіи со своей предвзятой точкой зрѣнія полсжил на эти «апокрифы» клеймо «made in Germany»; они были нужны нѣмцам, а не большевикам: подобными легендами нѣмцы пытались набросить пелену в глаза русских шатріотов на свои истинныя отношенія с большевиками!

Оставим в сторонѣ и эти домыслы — их даже Соколов не считал возможным воспроизвести на страницах *русскаго* изданія

*) Между прочим тогда еще среди всякой молвы распространялся слух о спасеніи по крайней мѣрѣ дочери Анастасіи. В эмиграціи был свидѣтель (сообщеніе в «Рульѣ»), что об этом он слышал, между прочим, в семьѣ, близкой в. кн. Мих. Ал.: этому слуху суждено было в эмиграціи превратиться в эпопею похождениям «Лже-Анастасіи».

**) Ровно через 10 лѣтъ парижское «Возрожденіе» без всякой оговорки перепечатала разсказ польскаго журналиста Машкевича о своей встрѣчѣ в Россіи с одним из воображаемыхъ участников «цареубійства». Здѣсь имѣлось «первое точное свѣдѣніе» о гибели М. А., убитаго в Перми «во дворѣ духовной семинаріи» через 11 дней послѣ разстрѣла царской семьи.

своей книги. Исторія происхожденія творимых легенд, рождавшихся в атмосферѣ неостывших чаяній прозелитов монархической идеи), лежит, конечно, в том туманѣ скрытности и фальсификаціи, которым были окутаны шермское, скатеринбургское и алапаевское дѣянія. При всем своем цинизмѣ, не останавливающимся перед воскуреніем «революціоннаго» фиміама отвратительной «головѣ медузы», как назвал Каутскій «красный террор», даже большевизкая власть не нашла в себѣ смѣлости сказать правду о том, что произошло в подвалѣ дома Ипатьева в ночь на 17 іюля, что предшествовало и что послѣдовало за этой поистинѣ общечеловѣческой трагедіей в XX вѣкѣ, — она наложила запрет молчанія и на уста непосредственных убійц. Скрыть «правды» в исторіи почти невозможно. Большевизкая власть достигла того только, что содѣянное партійными изуверами преступленіе в глазах всего міра превратилось в акт какого-то дьявольскаго замысла, задуманнаго в центрѣ и планомерно им осуществленнаго. «Логика и факты» говорят против такого заключенія, но, тѣм не менѣе, этой легенды историк, безпристрастный по своему методу фактическаго разслѣдованія, до сих пор опровергнуть не может, — историк у пока доступны преимущественно лишь критическія сужденія.

Моральное безразличіе, с каким был в сущности встрѣчен в демократическом мірѣ «революціонный» акт, имѣвшій мѣсто в Россіи, и скорое забвеніе его облегчили «рабоче-крестьянской» власти переход к нормальным дипломатическим отношеніям с внѣшним міром, и она уже с нѣкоторой смѣлостью начала у себя инсценировать даже показательные процессы «суда над Романовым».

С. Мельгунов.

*) Сибирская знаменитость, бывший «генерал» русской службы, Гайда в 29 г. в органѣ чешских «фашистов» компетентно утверждал, что царская семья не погибла.

ЖИЗНЬ ПАСКАЛЯ

(см. «Возрожденіе», Т. 5).

14.

7 Января 1655 г., в Крещеніе, Паскаль уѣхал с герцогом дѣ Лююнь в Пор-Руаяль-на-Полях и поселился сначала в сосѣднем с обителью замкѣ его, Вомюрѣ, а потом, чувствуя, что не найдет здѣсь такого уединенія, какого хотѣлось ему, перешел в одну из келій, хотя и внѣ ограды монастыря, но как можно ближе к нему.

Строго соблюдая все монашеское правило, вставал в шесть утра, выстаивал всѣ церковныя службы, постился и бодрствовал, наперекор совѣтам врачей, и, чувствуя себя здоровѣе, чѣм когда либо, говорил, что «здоровіе не только духовное, но и тѣлесное, зависит не от Гиппократа, а от Иисуса Христа». Радовался, что ѣст из глиняной посуды деревянной ложкой, и говорил, что она для него «драгоценнѣе золота», и что он «живет в монастырѣ, как царь, хотя и по уставу св. Бернарда».

«Люди меня поздравляют за тот великій пылъ благочестія, который так возвышает вас надо всѣм, что вы считаете метлу бесполезным предметом, — писала ему Жаккелина. — Но всетаки вам слѣдовало бы нѣсколько мѣсяцев прожить в чистотѣ... чтобы послѣ этого людям послужило на пользу видѣть вас в грязи, если в этом заключается святость, в чем я сомнѣваюсь, потому что св. Бернард этого вовсе не думал».

В уединеніи святой обители Паскаль начал писать «Опыт о духѣ геометріи», гдѣ яснѣе, чѣм когда-либо, предчувствовали возможность соединенія вѣры с познаніем. «Если дѣла человѣческія надо знать, чтобы любить, то дѣла Божіи, наоборот, надо любить, чтобы знать... Вот почему Бог изливает свой свѣтъ в человѣческій разум, только усмирив возстаніе воли в человѣкѣ небесной тишиной своей, которая чарует и привлекает его к себѣ».

В этих ученых трудах Паскаля никакого зла не видѣли великіе вожди Пор-Руаяля, а Жаккелина увидѣла зло. Если в том письмѣ о «бесполезности метлы» она только смѣется над братом, то в другом письмѣ, о «суетѣ науки», она остерегает его: «я не могу понять, как духовник ваш соглашается на покаяніе такого веселаго грѣшника, как вы, который достаивает замѣнить пустыя удовольствія свѣта нѣсколько болѣе разумными и дозволенными

играми ума... вмѣсто того, чтобы искупать грѣхи своими непрерывными слезами... Я полагаю, что вы заслуживали бы еще нѣкоторое время помучиться от смрада той помойной ямы, в которую вы нѣкогда погружались с таким наслажденіем».

Радовались «эти господа Пор-Руаяля», что в сѣти их попала такая большая рыба, как знаменитый на весь мір ученый — «второй Архимед», Паскаль. Но с радостью их смѣшивался тайный страх, как бы эта, слишком большая, рыба не прорвала их сѣтей. «Кто он такой и зачѣм к нам пришел?» — спрашивали, может быть, многие из них, взглядываясь в это загадочное, чужое, потому что слишком для них мірское, лицо. Мать Агнессы и мать Анжелика, сколько ни старались, не могли забыть, что он только-что хотѣлъ жениться, чтобы жить, как всѣ грѣшные люди живут в міру, и вот уже хочет быть святым. Может быть, все еще казалось им, что «для такого человѣка, как он, чуда Благодати ждать нельзя». И даже сестра Евфимія, бывшая в тѣ дни «духовником» его, смотрѣла на него иногда подозрительно, не понимая, почему он живет, как бы «в великом страхѣ, чтобы люди не узнали, что он бѣжал в Пор-Руаяль», и почему не может выбрать себѣ настоящаго духовника, а когда уже выбрал аббата Сенглена и готов был «отдаться ему, как послушное дитя», — почему тот отказался от него, как будто вдруг испугавшись чего-то, и передал его другому духовнику, аббату дѣ Саси. Все это было непонятно, может быть, не только сестрѣ Евфиміи, но и самому Паскалю.

«Да не буду я от Него *отдѣлен* никогда», — одно из двух повѣлѣній, услышанных им, в ту ночь Огня, из уст самого Христа, а другое: «совершенная покорность духовнику». Может быть, он не хотѣлъ «отдѣлится» себя третьим лицом, духовником, от Христа, но и нарушить Его повѣленіе о духовникѣ тоже не хотѣлъ, а как согласовать эти противорѣчія, не зналъ. Если так, то здѣсь уже вставал для него тот вопрос, которому суждено было сдѣлаться его послѣдней мукой: что от чего — Христос от Церкви, или Церковь от Христа? Этому вопросу Жаккелина тогда еще не слышала, но и ей суждено было услышать его и большую муку принять, чѣм ему.

15.

Может быть, для «испытанія» Паскаля назначена была, в началѣ 1655 года, Философская бесѣда его с аббатом дѣ Саси.

В этот морозный день, когда только-что выпавшій снѣг искрился на солнцѣ ослѣпительно, и деревья, увѣшанные инеем, бѣлѣли на безоблачно-голубом небѣ, собрались отцы-пустынники и «Матери Церкви», как называли Пор-Руаяльских игуменій, мать Анжелику и мать Агнессу, — в келью к новому брату, гдѣ горѣлъ веселый огонь в каминѣ. Но, казалось, никакой огонь не мог бы согрѣть этих «господ Пор-Руаяля» от внутренняго холода.

Как опытный духовник, аббат дѣ Саси умѣлъ вызывать людей

на откровенную бесѣду, говоря с ними о том, что занимало их больше всего. Так же поступил он и теперь. С блѣдной, на блѣдном, тонком и длинном лицѣ, улыбкой, такой же робкой, как луч зимняго солнца, он спросил Паскаля, каких философов он любит больше всего, и, когда тот отвѣтил, что Эпиктета и Монтеня, то сразу всѣ насторожились, потому что увидѣли, что на ловца и звѣрь бѣжит, и надѣялись, что Паскаль выдаст себя головой. Так и случилось.

— «Смѣю признаться, — начал он, — что я обоготворил бы Эпиктета, если бы он не думал в дьявольской гордынѣ своей, что человек может сдѣлаться Богом... Что же касается Монтеня, то он низводит человека ниже скотов»...

И он продолжал сравненіе этих двух философов, одинаково великих и несовершенных, потому что один, зная силу человека и его величіе, не знает немощи его и ничтожества, а другой, зная ничтожество его, не знает величія.

— «Я очень вам благодарен за то, что вы так хорошо объяснили мнѣ Монтеня, — отвѣтил дѣ Саси. — Я не сомнѣваюсь, что Монтень был человеком большого ума, но я не увѣрен въ том, что вы встали не сдѣлали его умнѣе, чѣм он был, на самом дѣлѣ».

Что-то здѣсь угадал дѣ Саси так вѣрно и глубоко в Паскалѣ, что нѣкогда и тот вынужден будет согласиться с этим: «все, что я нахожу в Монтенѣ, я вижу в самом себѣ, а не в нем».

Соблюдая вѣжливость, а может быть, и спохватившись, что говорит с духовником своим, Паскаль все же не останавливается во время и в увлеченіи спора попадает в ловко разставленную ему западню.

— «Я не могу не радоваться, что гордый человеческій разум в Монтенѣ так постыдно низложен своим же собственным оружіем, и что человек в кровавом возстаніи на самого себя так жалко побѣжден и от природы Божеской, до которой хотѣл вознестись, низвержен до природы скотов... Но, так как Эпиктет заблуждается именно там, гдѣ Монтень идет по вѣрному пути, то, казалось бы, соединив их, можно получить нѣчто совершенное... Этого однако сдѣлать нельзя... потому что один из них утверждает безконечное сомнѣніе, а другой — достовѣрность, столь же безконечную; один — силу человека, а другой — слабость его... так что, уничтожая друг друга во лжи и в истинѣ, оба они уготовляют мѣсто Евангелію, гдѣ всѣ противорѣчія согласуются в Божественной Истинѣ»...

Вдруг остановился, должно быть, замѣтив по лицу собесѣдника, что он ничего не понимает. Кто, в эту минуту, взглянул бы въ лица всѣх этих ученых и умных людей, тот, может быть, понял бы, что Паскаль был среди них, как орел в курятникѣ, и что блѣднаго дѣ Саси так же, как нѣкогда о. Сѣнт-Анжа, орел заклюет.

— «Очень прошу меня извинить, отец мой, что я так увлекся, и вмѣсто того, чтобы оставаться в предѣлах философіи, заговорил о теологіи», — начал Паскаль уже другим голосом, должно быть, опять спохватившись, что имѣет дѣло с духовником.

— «Я, признаюсь, удивлен тѣм оборотом, который вы сумѣли придать нашей бесѣдѣ, — отвѣтил дѣ Саси, переглянувшись с остальными слушателями и поняв по их лицам, что пора кончать бесѣду. — Вы похожи на тѣх искусных врачей, которые, смѣшивая опаснѣйшіе яды, изготовляют спасительнѣйшія лекарства... Но я боюсь, что очень немногіе сумѣют, подобно вам, найти жемчужины в смрадном навозѣ этих двух философов. Вот почему я посоветовал бы христіанам не читать их вове, чтобы не сдѣлаться вмѣстѣ с ними добычей дьявола».

Жадно слушала Паскаля сестра Евфимія, и вся молодѣла, хорошѣла так, как будто снова дѣлалась той маленькой дѣвочкой, которая больше, чѣм любила брата, — была в него влюблена. О какими вдруг чужими и далекими показались ей всѣ эти господа Пор-Руаяля, которые ни на каком огнѣ не могли бы оттаять! Шел теперь уже не он за нею, как всегда, а она — за ним, и с какою радостью пошла бы за него на всякую муку и даже на смерть! «Вы превзойдете всѣх великихъ людей древних и новых вѣков», — под этими словами врача Бурдело, может быть, и она подписалась бы в эту минуту.

Часто, во время бесѣды, взглядывал он на нее, как будто говорил только для нея одной, и она невольно опускала глаза, краснѣя, в самом дѣлѣ, как влюбленная дѣвочка. Вдруг испугалась что он это знает, и не ошиблась. «В каждом сердцѣ есть мѣсто, ожидающее любви», — может быть вспомнил он «Рѣчь о любовных страстях» и подумал, что в сердцѣ его это мѣсто всегда ожидало ее, ее одной, Жаккелины. Знал, что такую любовь брата к сестрѣ люди сочли бы великим грѣхом, но знал и то, что не было для него ни на землѣ, ни на небѣ, ничего святѣ этой любви.

16.

Два ничтожных событія, которыя могли имѣть великія послѣдствія, произошли в эти дни. Первое событіе — исповѣдь герцога де Лионкур приходскому священнику, о. Пикотэ. Кончив исповѣдь, герцог ждал отпущенія грѣхов, но священник дать его отказался, потому что Лионкур, будто бы скрыл от него два своих главных грѣха — то, что приютил в своем домѣ больного, стараго янсенистскаго священника, и то, что отдал внучку в Пор-Руаяльскую школу. Герцог, не захотѣвъ каяться в этих грѣхах, так и ушел без отпущенія, о чем не преминулъ сообщить господам Пор-Руаяля, и что сдѣлалось тотчас же извѣстным, как в Версалѣ, так и в Парижѣ.

Второе событіе — возобновившееся дѣло о пяти осужденных тезисах Янсенія (главный из них был о том, что «Христос умер не за всѣхъ людей, а только за избранных»).

Доктор Сорбонны, столик Пор-Руаяля и духовный наслѣдник Янсенія, Антуан Арно Младшій, выступил в защиту этих тезисов, но так неудачно, что и сам был осужден. Послѣ осужденія,

обратился он с письмами уже не к Сорбонским теологам, а к простым вѣрующим людям. Но написанныя тяжелым и для простых людей непонятным языком письма эти не оказали на них никакого дѣйствія. Когда однажды зашла об этом рѣчь у господ Пор-Руаяля, то Арно неожиданно сказал присутствовавшему на этом собраніи Паскалю:

— «Вы, молодой человек, должны были бы что-нибудь сдѣлать!»

И, может быть, так же для самого себя неожиданно Паскаль согласился сдѣлать опыт и, когда на слѣдующій день прочел написанное, всё восхитились.

— «Это превосходно, это понравится всѣм!» — воскликнул Арно.

Этот-то мѣрой превосходства — жалкою мѣрою всѣх — он и соблазнил Паскаля.

23 Января 1656 года, появилось на пяти страницах in-quarto «Первое письмо Луи дѣ Монтальта к одному из его друзей, провинціалу, о спорѣ, происходящем нынѣ в Сорбоннѣ», а за этим первым письмом послѣдовало с небольшими промежутками семнадцать других. Новый, не книжный, а разговорный и для всѣх понятный язык этих писем плѣнял простотою, изяществом и любовью къ свѣтскому «благороднаго человека», honnête homme, в тѣх свойствах его, которым научился Паскаль в школах дѣ Мерэ и Митона. Луи дѣ Монтальт описывает другу своему, провинціалу, свои похождения среди ученых иезуитов, доминиканцев, томистов (учеников св. Тома Аквинскаго) и других участников спора. Главное очарованіе «Писем» заключалось в том, что они не только поучали, но и веселили. Слышались в них живые голоса и проходили живыя человѣческія лица, как разноцвѣтныя тѣни от волшебнаго фонаря на бѣлой стѣнѣ.

С первых же «Писем» успѣх превзошел всё ожиданія. У канцлера Сегзэ едва не сдѣлался при чтеніи «Писем» удар от волненія, и ему должны были в теченіе одних суток семь раз пустить кровь. Схвачен был владѣлец книжной лавки, гдѣ продавались «Писма», и типографскіе станки его запечатаны.

Этот небывалый успѣх был тѣм удивительнѣй, что спор шел об стелеченнѣйшей богословской метафизикѣ. Между ясенистами, утверждавшими «Благодать достаточную», gratia sufficiens, и противниками их, иезуитами, утверждавшими «Благодать совершающую», gratia efficax, различіе было так тонко, что для самих спорщиков почти неуловимо.

— «Значит ли это, отец мой, что всѣ люди имѣют Благодать достаточную, но не всѣ — совершающую?» — спрашивает Монтальт одного доминиканца, послѣ долгих и терпѣливых его объясненій.

— «Да, вы вѣрно поняли», отвѣчает тот.

— «Но если так, то о чем же вы думали, называя «достаточ-

ной» ту Благодать, которая может оказаться недостаточной, потому что не «совершающей»? — спросил я тихо, чтоб его успокоить.

— «Вам хорошо говорить, — отвѣтил он. — Вы — частное лицо и человек свободный, а я — монах... Всѣ мы зависим от наших начальников, а ты — от своих. Наши голоса им объѣданы. Что же мнѣ дѣлать?»

Это значит: вся нелѣпость этого спора зависит от главнаго начальника, Папы.

— «Плохо же, отец мой, Братство ваше хранит звѣренный ему залог той Благодати.., которую даровал людям Христос! — воскликнул присутствовавшій при нашей бесѣдѣ, мой друг янсенист. — Видно наступает время для того, чтобы Господь вооружил на защиту дѣла своего других, болѣе безстрашных бойцов... Подумайте же об этом и остерегайтесь, как бы Господь не сдвинул с мѣста вашего свѣтильника и не покинул вас во мракѣ, чтобы наказать за ту робость, с какой вы боретесь за столь великое для Церкви дѣло!»

Так братству св. Доминика, этому столпу Церкви, устами янсениста, простой мирянин, Паскаль, дает незабываемый урок. Жалким и смѣшным дѣлает он в глазах всѣх «честных людей» этого доминиканца с его «Благодатью достаточной и недостаточной» вмѣстѣ.

Но так ли прав был Паскаль, как это казалось ему и всѣм, кто им восхищался? Людям так свойственно желать побѣды для самих себя, что, когда это желаніе прикрывается другим, может быть, мнимым, — чтобы побѣдила истина, то слишком часто эти два желанія смѣшиваются. Кажется, такое смѣшеніе происходит и у Паскаля.

Третье письмо он подписывает всѣми начальными буквами имени своего: В. Р. А. Ф. Е. Р. — Blaise Pascal Auvergnat Fils d'Etienne Pascal. Стоило бы только врагам его, иезуитам, пристальнѣе взглянуть в эти буквы, чтобы угадать, кто сочинитель «Писем». Трудно повѣрить, что они этого не сдѣлали за тѣ четырнадцать мѣсяцев, в теченіе которых появлялись «Письма». — «Вы не думали, что люди будут любопытствовать, кто мы такіе, — пишет он провинціалу, — а между тѣм, кое-кому очень хотѣлось бы это узнать, но это им не удастся. Одни думают, что я — доктор Сорбонны, другіе — что одно из четырех или пяти лиц, так же не принадлежащих к духовенству, как я. Всѣ эти ложныя подозрѣнія убѣждают меня в том, что я недурно достиг моей цѣли, — чтобы только вы, да еще добрый отец (иезуит), который страдает от моих посѣщеній, и от чьих рѣчей я тоже страдаю, — знали кто я такой».

Прячется Паскаль под ложным именем, как под шапкой-невидимкой или опущенным забралом таинственнаго рыцаря Луи дѣ Монтальта, так что враги его не знают, откуда сыщутся на них удары, а он только смѣется, играет, как дитя, в той «небесной тишинѣ», о которой пишет в «Опытѣ о духѣ геометріи». — «Я ни

на что не надѣюсь и ничего не боюсь... Вот почему, сколько бы вы не ловили меня, — не поймаете... Может быть, вы никогда не имѣли дѣла с человеком, болѣе для вас неуловимым, потому что болѣе свободным, чѣм я.

Что такое свобода человека пред лицом Божиим — добро или зло, — вот великій предмет этого, как будто ничтожнаго, спора о Благодати, дѣйствующей помимо человеческой воли, или вмѣстѣ с нею. Янсенисты говорят: «помимо», а иезуиты и доминиканцы: «вмѣстѣ»; но всѣ говорят или когда-то говорили и снова, может быть, заговорят из глубины сердца, с мукой и с искренним желаніем найти истину. Грѣх Паскаля заключается в том, что он над этой мукой смѣется в угоду тѣм, кто никогда этим не мучился и не искал истины. Если враги называют его «маленьким шутком», то это, конечно, грубая и безсильная брань; но когда они говорят: «письма эти не могли быть написаны кающимся грѣшником, плачущим у подножія креста», то, может быть, ему слѣдовало бы над этим задуматься. «Даруй мнѣ, Господи, силу пострадать за истину Твою», — молится Ариэ. Мог ли бы Паскаль, тотчас послѣ того легкаго смѣха, так же молиться? «Там, гдѣ рѣчь идет о святом, не должно смѣяться!» говорят ему янсенисты так же, как иезуиты. «Есть большая разница между смѣхом вѣрующих и смѣхом кощунствующих», — оправдывается Паскаль, но, может быть, смутно чувствует, что оправдаться ему не так-то легко. «Не сам ли Бог говорит: «посмѣюсь вашей гибели?» Бог до того ненавидит грѣшников, что и в смертный час их прибавляет насмѣшку к ярости своей, осуждающей их на вѣчныя муки». Бог, яростно-смѣющийся над вѣчными муками грѣшников, — кажется дальше и Кальвин не уходил от Евангелія. Вот какую судорогой неземнаго смѣха, или неземнаго ужаса вдруг искажается слишком по-земному смѣющееся лицо Монтальга-Паскаля.

17.

В это время, он жил под именем дѣ-Монса, в скромной и тихой гостиницѣ под вывѣской «царя Давида», на улицѣ Пуарэ, против Иезуитской Школы, — в самом логовѣ врагов своих. Лучшаго убѣжища нельзя было выбрать, потому что меньше всего иезуиты могли думать, что он живет так близко от них.

Как то раз, один из них, родственник Флорена Перрэ, жившаго тогда в той же гостиницѣ, зайдя к нему и случайно заговорив о «Письмах», сказал:

— «Имѣя честь принадлежать к вашему семейству, я почитаю долгом предупредить вас, что Иисусово Общество увѣрено, что сочинитель Писем — никто иной, как шурин ваш, господин Паскаль. Скажите ему об этом и посоветуйте прекратить эту игру, чтобы не случилось бѣды».

— «Очень благодарю вас, отец мой, за добрый совѣтъ, — от-

вѣтил Перьэ, — но думаю, что говорить об этом Паскалю бесполезно, потому что он отвѣтит, что Общество ваше ему не повѣрит, сколько бы он ни увѣрял, что сочинитель Писем — не он».

В той самой комнатѣ, гдѣ происходила эта бесѣда, сушились только-что отпечатанные и разложенные на постели, в двух шагах от гостя, листы восемнадцатаго Письма. К счастью, занавѣска над постелью была немного опущена, и гость не поглядѣл в ту сторону. Только-что он вышел из комнаты, Перьэ побѣждал к Паскалю, жившему как раз над этой комнатой, разсказал ему о том, что случилось, и долго смѣялись они, как школьники, удачной шалости. Знал, конечно, Паскаль, что если бы занавѣска была чуть-чуть поменьше опущена, то ему не сносить бы головы своей; но упоеніе борьбы заглушало в нем страх.

Только с шестого Письма начинается смертный поединок Монгалъта с Иисусовым Обществом. «Я до сих пор только играл и скорѣе показывал, какія раны мог бы наносить, чѣм дѣйствительно их наносил», — остерегает он врагов. Главная твердыня их — то «ученіе о вѣроятностях», *пробабализм*, которое не могло не напоминать Паскалю его же собственнаго великаго открытія — математическую теорію вѣроятностей — «Геометрію Случая», *aleae geometria*. Иезуиты изобрѣли это ученіе, потому что оно соотвѣтствовало их главной цѣли — открыть для наибольшаго числа вѣрующихъ наиболѣе широкой и легкой путь спасенія, сдѣлать его мягким, «бархатным». — «Люди, в наши дни, так порочны, что мы не можемъ привлечь их к себѣ и должны сами к ним идти... потому что главная цѣль нашего Общества — никого не отталкивать, чтобы не доводить людей до отчаянія». — «Мы простираемъ объятія ко всѣмъ». — «Міромъ хотятъ они овладѣть, управляя человѣческой совѣстью». В случаях, для нея сомнительных, духовники-иезуиты довольствуются рѣшеніемъ кого-либо изъ великихъ или, как онъ выражается, «важныхъ докторовъ богословія». *doctor gravis*, полагая, что такое рѣшеніе обладаетъ достаточной степенью вѣроятности, чтобы вѣрующіе могли слѣдовать за нимъ съ безопасностью, если бы даже совѣсть осуждала ихъ за то. Вотъ почему, какъ неизбѣжное логическое слѣдствіе изъ «ученія о вѣроятностяхъ», вытекаетъ ученіе о томъ, какъ примѣнять общія нравственныя правила къ частнымъ случаямъ совѣсти, — *казуистика* (отъ слова *casus*, «случай»). «Людемъ угождаютъ казуисты, разрѣшая дѣла, и служатъ Богу, очищая намѣренія».

«Двадцать четыре старца Апокалипсиса суть двадцать четыре великихъ казуиста «Иисусова Общества», — учитъ испанскій иезуитъ Эскобаръ. «Долженъ ли поститься человекъ, уставшій отъ игры въ мячъ, или отъ преслѣдованій женщины легкаго поведенія?» — спрашиваетъ Эскобаръ. «Долженъ», — отвѣчаютъ одни изъ двадцати четырехъ великихъ казуистовъ, старцевъ Апокалипсиса; «не долженъ», — отвѣчаютъ другіе. И люди могутъ слѣдовать за тѣми, кто имъ больше нравится.

«Можетъ ли скидывать рясу монахъ, не боясь отлученія, и, если

может, то в каких случаях?» — спрашивают казуисты и отвѣчают: «в тѣх случаях, когда он хочет сдѣлать что-либо постыдное, как напимфр, смошенничать или пойти в дом терпимости».

«Наши богословы нашли способ разрѣшать убійство в поединкѣ, — хвалится добрый отецъ-іезуит в бесѣдѣ с Монтальтом. — Для этого стоит только перенести вниманіе от запрещеннаго желанія мести на дозволенное желаніе защищать свою честь». Сын может желать смерти ненавистному отцу, если опять-таки перенесет вниманіе от запрещеннаго чувства ненависти на дозволенное желаніе получить наслѣдство. «Нельзя убивать за что-нибудь имѣющее малую цѣну, как напимфр, за яблоко; но если потерять его постыдно для чести, то убить можно, потому что в таком случаѣ, убійство совершается не ради яблока, а ради чести.

— «О, мой отец, слышать нельзя без ужаса того, что вы говорите!» — восклицает Монтальт. — «Это не я говорю», — оправдывается іезуит.

— «Знаю, что не вы, но всѣ эти гнусности внушают вам не отвращеніе и ненависть, а уваженіе... Вы не только разрѣшаете людям проливать человѣческую кровь, но и учите их, что Кровь Господня пролита на Голгоѣѣ, чтобы людям позволить не любить Бога... Откройте же глаза, отец мой: тайна беззаконія уже совершается». — «О, если бы это ужасное ученіе (казуистов) никогда не выходило из ада, и дьявол, первый учитель его, не находил столь преданных ему людей, чтобы проповѣдывать его христіанам!»

18.

24 Марта 1656 года, совершилось чудо св. Тѣрна.

От одного янсенистскаго священника, усерднаго читателя древних святынь, собравшаго множество их в особой часовнѣ своей, Пор-Руаяльская обитель в Парижѣ получила на время Пресвятой Тѣрни из Вѣнца Господня. Выставив его в хрустально-золотом ковчегѣ, на алтарѣ, убранном цвѣтами и множеством свѣчей, сестры начали поклоняться святынѣ, а затѣм подводить к ней на поклоненіе воспитывавшихся в Пор-Руаяльской школѣ, дѣтей. Подвели и племянницу Паскаля, Маргариту Перьэ, десятилѣтнюю дѣвочку, страдавшую такой глубокой язвой в глазу, что всѣ врачи отказались ее лечить.

— Тѣрну помолись, чтобы глаз не болѣлъ, — шепнула ей на ухо сестра и прикоснулась ковчегѣм к большому глазу, в ту самую минуту, когда пѣли псалом:

— Сотвори, Господи, знаменіе Твое во благо.

Так сдѣлала сестра и тотчас же забыла об этом, должно быть, потому, что сама не слишком вѣрила в чудо исцѣленія. Но в тот же день вечером дѣвочка, случайно увидѣвъ ее, подошла к ней и сказала так просто, как о самом обыкновенном дѣлѣ:

— А глаз мой уже не болит!

И, взглянув на нее, сестра не могла отличить больной глаз от здорового.

Слух о чудѣ прошел по всему Парижу, и чудесныя исцѣленія начали совершаться над множеством больных, стекавшихся в обитель.

— Если бы Тёрн перенести в одну из гугенотских церквей, то он и там творил бы не меньше чудес, — говорили враги янсенистов, которых считали такими же «еретиками», как гугенотов-кальвинистов; но когда увидѣли, что внѣ Пор-Руаяльской обители, Тёрн чудес не творит, то должны были умолкнуть, тѣм болѣе, что сам Парижскій архіепископ признал чудо, совершенное над Маргаритой Перьэ, дѣйствительным, и те же признали многіе врачи.

За нѣсколько дней до чуда, какой-то вольнодумец, может быть, рыцарь дѣ Мерэ или Митон, говорил Паскалю, что, судя по тому, что происходит в Церкви, нѣтъ Промысла Божія.

— «Вы думаете? А я не сомнѣваюсь, что Господь сотворит чудо в Церкви и даже очень скоро!» — отвѣтил Паскаль.

Как он сказал, так и сдѣлалось. «Бог, казалось, даровал это чудо не только молитвами Пор-Руаяльской обители, но и вѣрѣ Паскаля», — вспоминает янсенистскій лѣтописец тѣх дней. Исцѣленная дѣвочка была племянница Паскаля по крови, а по духу дочь его — крестница: не было ли это явным знаком того, что сам Бог благословил его на борьбу за Церковь? «Так же, как сдѣлал Господь этим чудом нашу семью счастливѣйшей, да сдѣлает Он ее и благодарнѣйшей», — говорит Паскаль в одном из уцѣлѣвших в Мыслях, черновых набросков для Писем.

Между двумя чудесами — тѣм, 23 Ноября 1654 года, и этим, 24 Марта 1656 года, есть глубокая внутренняя связь: если «Огонь» Меморіала — тайное чудо для одного Паскаля, то исцѣленіе крестницы его — явное чудо для всѣх.

«Бѣдных монахинь (Пор-Руаяля) увѣряли, что их ведут на вѣчную погибель в Женеву (к Кальвину)... Но знали онѣ, что это клевета. Что же происходит потом? То самое мѣсто, о котором им говорили, что оно — капище дьявола, Бог дѣлает храмом своим; и тѣх самых дѣтей, о которых им говорили, что их надо отнять у них, — Бог исцѣляет. Всѣми карами небесными угрожали им, а Бог осыпал их всѣми дарами своими. Надо быть сумасшедшим, чтобы из всего этого заключить, что их, в самом дѣлѣ, вели на вѣчную погибель». Это говорит Паскаль в другом черновом наброскѣ для Писем; то же говорит он и в них: «лютые и подлые гонители, суждено ли и уединеннѣйшим пустыням не быть достаточным убѣжищем от ваших клевет? Вы клеветаете на тѣх, у кого нѣтъ ни ушей, чтобы слышать вас, ни уст, чтобы вам отвѣчать. Но Бог слышит вас и отвѣчает за них тѣм святым и страшным голосом, который изумляет природу и утѣшает Церковь — (чудом Св. Тёрна). — И я боюсь, отцы мои, как бы тѣ, кто ожесточил

сердце свое так, чтобы не слышать этого голоса здѣсь, на землѣ, не услышали его нѣкогда в вѣчности».

Чудо Св. Тёрна поставило перед Паскалем общій вопрос: что от чего — вѣра от чуда, или чудо от вѣры? На этот вопрос он отвѣчает противорѣчиво. — «Я не был бы христіанином, без чудес», — говорит св. Августин, и Паскаль соглашается с ним, или как будто соглашается: «не было бы грѣха в невѣріи, если бы Христос тне творил чудес». — «Церковь не имѣла бы никаких доказательств, если бы отрицатели чудес были правы». Таков один отвѣтъ, а вот и другой. Прежде, чѣм совершилось второе, живое и радостное чудо Св. Тёрна — исцѣленіе Маргариты Перрьэ, — должно было совершиться первое чудо, мертвое и скучное: та вѣтка Палестинскаго тёрна, из которсіи воины Пилата сплели вѣнец для потѣшнаго «Царя Іудейскаго», должна была сохраниться нетлѣнной в теченіе шестнадцати вѣков. Трудно себѣ представить, чтобы Паскаль, с его безконечно-глубоким чувством дѣйствительности, мог не «насильно» вѣрить в такое чудо. Очень вѣроятно, что он не смутился, когда вольнодумцы смѣялись:

— «Пять мнимых врачей засвидѣтельствовали чудо: вот люди, способные к такому свидѣтельству, — ряженые лакеи-невѣжды!»

Но еще вѣроятнѣе, что он мог бы смутиться от вопроса: почему Св. Тёрн болѣе дѣйствительная святѣня, чѣм такіе кощунственные обманы, как зуб св. Іоанна Крестителя или молоко Пресвятой Дѣвы Маріи?

«Чудо, говорят, утверждает вѣру. Да, пока мы не видим его, а если видим и не хотим, то мы легко находим причины, чтобы его отвергнуть», — скажет Паскаль в Мыслях.

— «Вы хорошо знаете, что никогда не надо ждать чудес», — сказала однажды мать Анжелика сестрѣ Евфиміи. С этим мог бы согласиться и Паскаль, в тѣ высшія минуты религіознаго опыта, когда он понимал, что значит:

ты повѣрил, потому что увидѣл Меня; блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе (Іо., 20, 29).

19.

«Письма» — отнюдь не самое великое из того, что сдѣлал Паскаль, но, может быть, самое понятное людям, от его дней до наших. В «Письмах» продолжает он дѣло Лютера и Кальвина — всего Протестантства, в первом и послѣднем, вѣчном смыслѣ этого слова, — святого Противленія, Возстанія человѣческой истины на нечеловѣческую ложь многих в Римской Церкви, — в том числѣ и тѣх, кто прикрывался великим именем «Іисусова Общества».

«Истину не сдѣлали іезуиты сомнительной, но сдѣлали свое нечестіе несомнѣнным», — «Церковь растлѣвают они, чтобы самим казаться святыми», — говорит Паскаль, — и хорошо, что люди

это поймут и запомнят, потому что иезуитское «учение о вѣроятностях», «пробабилизм», заглушая голос совѣсти не только в отдѣльных людях, но и в цѣлых народах, дѣлает зло добром и добро злом.

«Спрашивают меня, не раскаиваюсь ли я, что сочинил Письма... Нѣтъ, не раскаиваюсь и, если бы нужно было сочинить их снова, я сдѣлал бы это еще сильнѣе», — говорит Паскаль и от этих слов своих не отступил бы даже, если бы знал, что такіе злѣйшіе враги не его, а того, что ему дороже, чѣм он сам, как Вольтер, будут с ним согласны.

Иезуиты, если не родные, то крестные отцы того, что мы называем «иезуитством», — лжи, коварства, ласкательства, проницательства, а может быть, и злодѣйства под сѣнью Креста. Дух иезуитства — «дух прелюбодѣйствующій с Евангеліем», — Паскаль вѣрно почувствовал, как тлетворный дух, запах трупа, вѣющій надо всѣм христіанством, и вѣрно сказал: «вынесите труп из дома!»

Но если он думал, что уничтожил Иисусово Общество, то ошибался, потому что главное оружіе Общества — казуистика — тронута им только в ея случайных и временных явленіях, а не в вѣчной метафизикѣ. Кажется, великій казуист, Эскобар, был святым человеком и, если правда, что его хотѣли предать суду Инквизиціи за «чрезмѣрную суровость», то он пострадал от Паскаля невинно.

«Казуистика» — только мертвая, схоластическая маска на каком-то живом лицѣ, самое внѣшнее, грубое имя чего-то самого внутренняго, тонкаго. Если под этим именем скрыто ни что иное, как примѣненіе внѣшняго, безличнаго закона к внутреннему, личному случаю совѣсти, то казуистика всегда была и будет. Когда Иисус говорит о женщинѣ, взятой в прелюбодѣяніи:

кто из вас без грѣха, первый брось на нее камень (Іо., 8, 7.) —

то и это Божественная Казуистика.

Если праведным судом надо судить людей не только по тому, что они сдѣлали, но и по тому, чего они хотѣли, то, может быть, вопреки злой пословицѣ, «добрыми намѣреніями» мощен вовсе не ад, а путь в рай. Паскаль судит иезуитов не этим праведным судом. Иисусово Общество продолжает дѣло, начатое св. Томой Аквинским и св. Франциском де Саль, и Церковь не отрекалась от этого дѣла. Главная мысль св. Игнатія Лойолы — спасти всѣх — милосердна и, значит, ближе к Евангелію, чѣм жестокая мысль Лютера, Кальвина и Янсенія спасти только немногих «избранных».

Иисусово Общество, в XVII вѣкѣ, уже мертво, или кажется мертвым, но было и, может быть, снова будет живым, потому что христіанство есть ни что иное, как всегда возможное воскресеніе мертвых. Сколько бы отдѣльных лиц ни измѣняло главной цѣли Иисусова Общества — завоевать мір под знаменем Христа, — само Общество, как цѣлое, всегда было и будет вѣрным этой святой

цѣли. Сам того не желая, Паскаль поможет созданію двух легенд, столь же противных исторической, как и религиозной дѣйствительности, — о завоеваніи міра под знаменем Антихриста и о «Великом Инквизиторѣ» (по Достоевскому): «мы исправили подвиг Твой; мы не с Тобой, а с ним» (Антихристом).

Кажется, сам Паскаль предчувствовал, что побѣда его над Иисусовым Обществом не окончательна. «Больше всего должно исповѣдывать двѣ противоположныя истины в то время, когда одна из них отрицается; вот почему иезуиты так же неправы, как янсенисты, но все же эти еще болѣе неправы, чѣм тѣ, потому что иезуиты яснѣе исповѣдуют обѣ истины». В этом судѣ Паскаля над янсенистами, а значит, и над самим собою, меньшее дѣло его, Письма, связано с большим — с величайшими из всѣх его открытій — «согласованіем противоположностей», *accorder les contraires*: «только в Иисусѣ Христѣ всѣ противоположности согласуются».

20.

В эти дни, Паскаль обратил в янсенистскую вѣру двадцатитрехлѣтнюю сестру герцога Роаннеца Шарлотту (сам герцог уже давно был обращен). Судя по тому, что ея обращеніе оказалось непрочным, и что принявъ в Пор-Руаяльской обители постриг, она через нѣсколько лѣтъ покинула ее, Шарлотта не имѣла дѣйствительнаго призванія к монашеству, и молодая жизнь ея была бесполезно и жалко разбита Паскалем. «Этому семейству внушал он такую ненависть, что одна служанка-привратница хотѣла его заколоть кинжалом и для этого потихоньку, ночью, вошла к нему в комнату, но к счастью, он случайно вышел из дому», — вспоминает Маргарита Перьэ. Всѣ «честные люди», *honnêtes gens*, были бы в этом дѣлѣ против Паскаля — «второго Тартюфа» и «перваго Марата» вмѣстѣ, так что незачѣм было бы иезуитам подкупать эту «первую Шарлотту Кордэ».

В ту минуту, когда Паскаль узналъ, что едва не был убит кинжалом привратницы, смерть, может быть, заглянула ему в глаза так же близко, как тогда, на Нейлійском мосту, когда карета висѣла над пропастью.

Может быть, для того, чтобы избавиться от страха Бездны, он опять занялся геометрией.

«Однажды ночью, когда у него сильно болѣли зубы, так что он не мог заснуть, случайно пришла ему мысль о рулеткѣ — (математическая задача циклоиды). — За этой первою мыслью послѣдовала вторая, третья, и, как бы невольно, сам тому удивляясь, он рѣшил эту задачу», — вспоминает Жильберта Перьэ. Кажется «зубною болью» она его оправдывает в том, что и послѣ своего «обращенія», он все еще предается «суетной похоти знанія». Мог бы и он сам привести в свое оправданіе, что «собира-

ясь писать Апологию христіанства, он должен доказать безбожным изслѣдованіем циклоиды, что знает больше, чѣм они».

«Линія циклоиды есть та кривая, которую описывает в своем вращательном движеніи спица колеса, когда оно катится, и спица сначала подымается от земли, а затѣм, в постоянном вращеніи, опять до земли опускается», объясняет Паскаль эту труднѣйшую задачу математики. — «Точно внезапный свѣтъ меня озарил», — вспоминает Лейбниц о той минутѣ, когда он вдруг увидѣл в бѣглых замѣтках Паскаля о циклоидѣ возможность Интегральнаго Исчисленія — «одной из путеводных вѣх в исторіи человѣческой мысли», по слову д'Аламбера.

Только что рѣшив эту задачу, Паскаль объявляет состязаніе в ней всѣх великих европейских математиков с наградой во сто червонцев первому, кто рѣшит ее послѣ него. «Если же, в теченіе трех мѣсяцев, никто не рѣшит, то мы обнародуем еще большія открытія, за которыя потомство будет нам благодарно», — хвалится он, подписывая это воззваніе именем «Амоса Дѣтонвилля» — аенаграммой Луи дѣ Монтальта», сочинителя Писем. Совпаденіе имен не случайно: эти два лица под шапкой невидимкой, на самом дѣлѣ, не два, а одно, потому что их соединяет одна и та же «похоть знанія» — «похоть превосходства».

Многіе прислали рѣшенія задачи, но Паскаль никого из них не счел достойным награды, чѣм жестоко обидѣл всѣх, так что поднялась жалкая свара великих ученых из-за жалких грошей и самолюбій, как бы драка маленьких дѣтей из-за дешеваго лакомства. В сварѣ этой Паскаль защищает права свои с таким же слѣпым ожесточеніем, как нѣкогда в дѣлѣ о счетной машинѣ. Кажется, впрочем, он скоро опомнился и, судя по его письму к великому геометру, Ферма, может быть, устыдился: «я нахожу, что геометрія есть высшее упражненіе ума, но, вмѣстѣ с тѣм, такое бесполезное, что я не вижу большого различія между искусным ремесленником и великим геометром... Я и двух шагов не сдѣлал бы сейчас для геометріи... Я так далек от нея, что едва помню, что она существует». Это уже вѣчная разлука Паскаля с «похотью знанія»: демон Геометріи отошел от него навсегда.

21.

В «Письмах» почти все, что происходит в Церкви, судится Паскалем согласно с тѣм раздѣленіем, которое внушил ему великій богослов Пор-Руаяля, Арно, — с двух точек зрѣнія и в двух метафизических порядках, — даннаго, дѣйствительнаго, бывшаго, *de facto*, и должнаго, искомаго, желаннаго, будущаго, *de jure*. В этих именно двух порядках ведется весь богословскій спор: сначала Арно с докторами Сорбонны, а затѣм — Паскаля с іезуитами, из-за пяти осужденных тезисов Янсена. Главная в этом спорѣ ошибка у іезуитов и Паскаля — общая: замѣна внутренняго, животоу языка вѣры виѣшним, мертвым языком права. В этом схоластическом раздѣленіи — *de jure* и *de facto* — та же «ка-

зунстика», но уже не іезуитов-католиков, а янсенистов-протестантов.

Очень неосторожно Паскаль подымает в послѣднем, восемнадцатом Письмѣ, по поводу осужденія Галилея Римскою Церковью, вопрос о папской непогрѣшимости. «Тщетно вынужден вами (іезуитами) приговор Церкви над Галилеем за его ученіе о том, что земля вокруг солнца вращается. Этим триговором не будет дсказана неподвижность земли, потому что все усилія челоѣческія... не могли бы помѣшать ей вращаться, и людям вмѣстѣ с нею. Не думайте также, чтобы отлученіе от Церкви св. Виргилія папой Захаріем за то, что он утверждал существованіе антиподов, — этот новый мір уничтожило, и чтобы Испанскій король дурно поступил, повѣрив больша Колумбу, вернувшемуся из этого міра, чѣм Папѣ, который никогда не был там».

Против папской непогрѣшимости никто не говорил с такой неотразимой силой и математической ясностью, как это сказано. Но знает ли Паскаль, что вопрос о непогрѣшимости Папы не только *de jure*, но и *de facto* есть вопрос о самом существованіи Римской Церкви? Если Папа непогрѣшим только *de jure* в правѣ — в желанном, чаемом, будущем, в Мистеріи, а не *de facto* также — в данном настоящем, дѣйствительном, — в Исторіи, то Вселенской Церкви пока еще нѣтъ, — она только будет.

Все защитники папской непогрѣшимости могли бы спросить Паскаля: гдѣ и как совершается «тайна беззаконія» — отступленіе Римской Церкви от Христа, — *de jure*, или *de facto*, — в будущем, или в настоящем. Лютер и Кальвин отвѣтили бы: «в настоящем». А как отвѣтил бы Паскаль, неизвѣстно.

В 1658 году, латинскій перевод «Писем» осужден был Римскою Церковью, а через два года, и королевскою властью: «книга, именуемая «Людовика Монтальта Письма к провинціалу», да будет растерзана и сожжена рукой палача». Очень вѣроятно, что, если бы Паскаль жил поближе к Риму, то и его самого сожгли бы. Дымом костра пахнет и от него, как от Лютера и Кальвина.

Послѣ осужденія, он начал-было писать девятнадцатое письмо, но не кончил, — точно голос его оборвался на полусловѣ, — и он замолчал навсегда. Отчего, — оттого ли, что огня испугался? Едва ли. Страх был, кажется, иной — вѣчный страх Бездны:

Была с Паскалем бездна неразлучна.

Стулом от нея заслонялся, хято бы на четверть часа, и Церковью так же, а едва выходил из нея, Бездна снова зіяла:

Вверху, внизу, вездѣ, — зіяющая пропасть,
Молчаніе, провал и пустота...

Послѣ чуда Св. Тёрна, гоненія на Пор-Руаяль затихают ненадолго. «Кажется, благочестивая королева (Анна Австрійская) тронута была явным покровительством Божиим сестрам этой обители», — вспоминает Расин, бывший питомец Пор-Руаяльской школы. Изгнанные отшельники могли вернуться в обитель, благодаря тайному покровительству Парижскаго архіепископа, кардинала де Ретца. Но, с 1660 года все внезапно мѣняется. В 1661 году, Мазарини умер, и ход событій ускоряется. Издан королевскій указ о немедленном изгнаніи послушниц из обоих монастырей, Пор-Руаяль-на-Полях и в Парижѣ. Старшій духовник сестер, аббат Сенглэн, вынужден бѣжать и скрываться. Но тайное покровительство де Ретца все еще дѣйствует. 19 Іюня, объявлено постановленіе главных викаріев Парижскаго прихода об отреченіи сестер от пяти осужденных тезисов Янсенія. Но возможность принятаго янсенистами дѣленія на «право» и «дѣйствительность», *jus et factum*, сохранена в постановленіи так искусно, что эта уступка янсенистам приписана была никому иному, как Паскалю.

22 Іюня, «клятвенное обѣщаніе» дано было сестрами, по совѣту Арно, Сенглэна и Паскаля, но «с великим плачем и терзающей мукой совѣсти», потому что сестрам, плохо понимавшим схоластическое дѣленіе на «право» и «дѣйствительность», казалось, что онѣ отрекаются не только от Янсенія, но и от св. Августина, от ап. Павла и даже от самого Христа.

Больше всѣх мучилась сестра Евфимія. «Я в такой скорби, что, кажется, от нея умру, — писала она матери Анжеликѣ. — Скорбь моя — о том, что единственные люди, которым Бог вѣрил истину свою, предают ее и не имѣют силы пострадать за нее и умереть. Чего мы боимся — изгнанія, бѣдности, тюрьмы и смерти? Но не это ли все должно быть нашею славою и нашею радостью?.. Я знаю, что не дѣвушкам бороться за истину. Но что же дѣлать? Если у епископов мужество дѣвушек, то не должно ли быть у дѣвушек мужество епископов? Не нам бороться за истину, но нам за нее умирать».

22 Іюня Жаккелина подписывает «клятвенное отреченіе», а 4 Октября умирает.

— «Дай нам Бог так хорошо умереть!» — говорит Паскаль, как будто спокойно, узнавъ о смерти Жаккелины. Что это значит? Мало любит? Нѣтъ, любит безконечно. Если бы раньше она умерла, то, может быть, и он умер бы с нею, или, по крайней мѣрѣ, хотѣл бы умереть, а теперь, и хотѣть незначѣм: уже умирает; смерть у него в душѣ и в тѣлѣ.

31 Октября, послѣ того, как первое постановленіе Парижских викаріев осуждено было Папой и Королевским Совѣтом, объявлено второе, с требованіем от сестер Пор-Руаяльской обители так же, как от всѣх духовных лиц Франціи, осужденія тезисов Янсе-

ніа, с «простою и голою клятвою», уже исключавшей всякую возможность лукаваго дѣленія на «право» и «дѣйствительность».

«Тайна беззаконія» уже в самой Церкви совершается; Папа против Христа, — таков смысл того, что Паскаль говорит об этом постановленіи в десятом и четырнадцатом Письмѣ. «Бог открыл мнѣ, что Церкви больше нѣтъ на землѣ», — говорил св. Венсэну дё Поль великій учитель и основатель Пор-Руаяля, аббат Сэн-Сиран. Эти страшныя слова мог бы теперь вспомнить Паскаль. Церковь вдруг исчезла для него, как тот жалкій стул, которым он заслонился ст Бездны, и, снова зазіяв под ним, она не только ужасает его, но и тянет к себѣ, влечет несодолимо броситься в нее, а что это значит, он и подумать боится.

23.

«Надо рѣшить, возможно ли дѣленіе на право и дѣйствительность», — спрашивает он в «Посланиі ко всѣм, подписывающим клятву», и отвѣчает: «Нѣтъ, невозможно... потому что такая клятва двусмысленна, а значит, и лжива. Тѣ, кто дает ее, идут по среднему пути, гнусному перед Богом, презрѣнному перед людьми и совершенно бесполезному для тѣх, кого хотят погубить». Здѣсь Паскаль опять, как будто, спокойно (но чего ему стоит это спокойствіе!), выражает то, что чувствовало растерзанное мукой сердце Жаккелины, когда она подписывала лживую клятву и потом, когда умирала. Нѣкогда и он отдѣлял «дѣйствительность» от «права», а теперь сама ужасающая дѣйствительность в смертной мукѣ Жаккелины соединилась с правом. Вот когда он понял, что своим полуянсенистским, полуіезуитским примиреніем с ложью ничего не сдѣлал ни для себя, ни для Церкви, — только убил Жаккелину.

«Если прочими моими Письмами я вас огорчал, досточтимый отец, доказывая вам невинность тѣх, кого вы хотѣли оклеветать, то этим Письмом я вас обрадую, говоря о тѣх страданіях, которыя вы им причинили, — пишет Паскаль, тотчас послѣ клятвы сестер, королевскому духовнику, іезуиту, о. Аннату. — Утѣштесь, отец мой: тѣ, кого вы ненавидите, огорчены, и, если господа епископы исполнят ваш совѣтъ принудить их поклясться, что онѣ вѣрят, чему, на самом дѣлѣ, не вѣрят, то вы их доведете до послѣдняго отчаянія — видѣть Церковь в таком униженіи. Но видѣл их и я, отец мой (и признаюсь с великою радостью), я видѣл их не в той высокоумѣнной философской твердости, которая заставляет людей исполнять свой долг, и не в той малодушной робости, которая мѣшает им видѣть истину и слѣдовать за ней, а в кротком, непоколебимом и смиренном благочестіи, исполненном уваженія к церковным властям... и в надеждѣ, что та Благодать, которую онѣ исповѣдуют, будет им свѣтом и силой... Видѣл я, что истина и мир для них дороже всего, потому что, когда им сказали, какія бѣдствія навлекут онѣ на себя и какой соблазн в Церкви отказом от клятвы, то онѣ отвѣтили»... Здѣсь голос Паскаля прерывается,

как бы слезами всѣхъ невинныхъ жертвъ и больше всѣхъ — Жаккелины: «Я должна умереть!»

«Лучшее милосердіе к умершим — дѣлать то, что они при жизни вѣдѣли бы намъ дѣлать, и быть такими, какими бы они хотѣли насъ видѣть, потому что этимъ мы какъ бы воскрешаемъ ихъ в себѣ, такъ что они, и послѣ смерти, все еще живутъ и дѣйствуютъ в насъ», — эти сказанныя нѣкогда Жаккелинѣ слова свои об умершемъ отцѣ Паскаль теперь исполняетъ. Послѣ смерти такъ же, какъ при жизни, она ему указываетъ путь, и онъ идетъ по этому пути до конца. Она, в самомъ дѣлѣ, воскресаетъ, живетъ и дѣйствуетъ в немъ.

В Ноябрь 1661 года, можетъ быть, 22-го, в самый канун седьмой годовщины Огненной Ночи, собрались у Паскаля для совѣщанія о второй клятвѣ сестеръ господина Пор-Руаяля. — «Выслушавъ доводы за и противъ, — вспоминаетъ Маргарита Перьэ, — всѣ они согласились, то ли из уваженія, то ли искренне, с г. Арно и г. Никодемъ, потому что это они нашли нужную для сестеръ уловку — (все то же ненавистное Паскалю, а теперь еще и кровью Жаккелины обогрѣнное дѣленіе на «право» и «дѣйствительность»). — Но г. Паскаль, любившій истину больше всего и, к тому же, страдавшій головою болью, которая не покидала его всѣ эти дни, старался изо всѣхъ силъ дать имъ почувствовать то, что онъ самъ чувствовалъ, пока, наконецъ, ему не сдѣлалось дурно, такъ что онъ вдругъ замолчалъ и лишился чувствъ. Всѣ были поражены и поспѣшили привести его в чувство, а потомъ разошлись. Остались только бывшіе в этомъ собраніи герцогъ де Роаннезъ, г-жа Перьэ, г. Перьэ сынъ и г. Дома. Когда Паскаль совсѣмъ пришелъ в себя, то г-жа Перьэ спросила его, почему с нимъ сдѣлался обморокъ, и онъ отвѣтилъ такъ:

— «Когда я увидѣлъ, что всѣ эти люди, о которыхъ я думалъ, что Богъ вѣрилъ имъ истину свою, и что они должны ее защищать, — пали духомъ и устрашились, то, признаюсь, я былъ охваченъ такою скорбью, что не могъ ея вынести и долженъ былъ лишиться чувствъ».

Братъ и сестра, Паскаль и Жаккелина, какъ бы сросшіея близнецы: когда одинъ изъ нихъ умираетъ, то и другой на смерть обреченъ. Тѣми же почти словами Паскаль и Жаккелина говорятъ одно. «Я в такой скорби, что кажется, от нея умру», — говоритъ Жаккелина. «Я былъ охваченъ такою скорбью, что не могъ ея вынести и долженъ былъ лишиться чувствъ», — говоритъ Паскаль (в подлинникѣ еще тождественнѣй: «il faut que je succombe», — «il a fallut que je succombe»). Жаккелина умерла, а Паскаль только обмеръ — лишился чувствъ, но смерть ея вошла и в него. вмѣстѣ живутъ и вмѣстѣ умираютъ, какъ в двухъ тѣлахъ одна душа.

Дм. Мережковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗ ЧЕГО ДѢЛАЕТСЯ СОН

Я лежу на боку с открытыми глазами. В трех вершках от моего лица висит в воздухѣ небольшая, продолговатая, костяная игрушка: если ее нажать, погаснет свѣтъ. Шелковый шнур ведет к лампѣ, она горит, свѣтит куда то, не на меня, и мнѣ дѣнь высунуть из под одеяла руку и сдѣлать так, чтобы вокруг меня наступила ночь. Я внимательно и долго смотрю на бѣлую кнопку летучаго выключателя, мнѣ кажется, он начинает тихо качаться на своем тонком, зеленом стеблѣ. Он то приближается ко мнѣ, то удаляется от меня. Эта костяная игрушка напоминает мнѣ звонок: такіе звонки висѣли когда то в столовых, под лампой, над обѣденным столом, качаясь над судком, над дымящимся блюдом.

Тетя Аделаида Мартыновна толстой ручкой ловила над столом висящій звонок и нажимала кнопку, и бросала его в пространство, и он то приближался к моему испуганному лицу, то отдалялся от него, как маятник, качаясь вперед и назад, вправо и влѣво, под огромной, бронзовой лампой с наядами. Через минуту появлялась в дверях Акулина, высокая дѣвка с длинным, постным лицом. Она останаививалась у косяка и уныло спрашивала:

— Звонили?

У нея был славный характер. Бывало вечерами, тетя Аделаида Мартыновна садилась за пианино и каким-то истощенным фальцетом необыкновенной силы, пѣла романсы. Акулина на кухнѣ, сидя у чернаго окна, так же громко, фальшиво и уныло пѣла свое. И эти два рѣзких голоса, поющих в разнбой, наполняли дом ужасными звуками. Тогда сестра и я, не глядя друг на друга и затыкая уши, начинали зубрить вслух — каждая свое — покрывая собственным бормотаньем несносную музыку. В нас обѣих было тогда что то мышинное: востроносое, черноглазое, сѣрое и жидкохвостое. Внезапно хлопала крышка фортепiano. Тетя Аделаида Мартыновна нѣкоторое время стояла и смотрѣла в окно на темную зимнюю улицу, кого-то поджидая, потом шла на кухню и там выключала электричество во всей квартирѣ. Это значило, что Акулинѣ и нам пора спать, а доктору Истукану Марковичу пора придти к ней в гости.

Сперва мы долго не понимали, почему каждый вечер стал гаснуть свѣтъ.

Потом она объяснила нам, что на городской станціи тушат электричество во всем городѣ ровно в девять часов, и мы долго вѣрили ей, пока однажды не узнали от Акулины, в чем дѣлс. Аку-

лина сказала об этом нѣсколько своеобразно: «Тетенька ваша такая интересная, полная. Как же ей возможно да без кавалера обходиться?» В полной тьмѣ мы ошущью умывались, раздѣвались и ложились спать. Вначалѣ было трудно, но через какую нибудь недѣлю мы привыкли, и продѣлывали все почти безшумно.

На высокой нотѣ обрывала свое пѣніе и Акулина, и шла за занавѣску. Тогда с дьявольской осторожностью, на которую способны только провинціальныя вдовы, тетя Аделаида Мартыновна тихонько открывала входную дверь и впускала доктора Истукана Марковича. Паркет стрѣлял, скрипѣла дверь. Далѣе гостиной они ходить не осмѣливались, а в гостиной стояла такая неудобная, такая тонкая и кривая золоченая мебель. В этой громадной, холодной комнатѣ не было ни одного угла,—все были двери, окна, пустоты. Что они могли там дѣлать? Они долго и тихо разговаривали, или молчали, иногда вздыхали, послѣ чего доктор Истукан Маркович, скрипнув чѣм то, осторожно уходил (начинал дышать он только на лѣстницѣ), а тетя Аделаида Мартыновна опять подходила к окну и нѣкоторое время смотрѣла ему вслѣд: как он идет по лунной, снѣжной улицѣ, в шубѣ и шапкѣ, мимо сугробов, мимо снѣгом занесенных тумб.

Зубрежка, однако, несмотря на все наше стараніе, не давалась нам. Мы обѣ всегда были из послѣдних и много плакали. Учитель словесности был, хоть и молод, но так грозен, что сестра начинала плакать еще до его вопросов, при одном вызовѣ. Она стояла у доски и слезы текли по ея большим, блѣдным щекам. А он пожимал плечами и говорил: В таком случаѣ, садитесь. Вы опять ничего не знаете. Но почему же вы всегда плачете?

Когда она, наконец, кончила гимназію, он женился на ней. Он оказался очень хорошим, терпѣливым, неглупым челоѣком. Нуждались они очень сильно. Первый ребенок у них родился мертвым. Когда я спрашивала ее: почему она теперь никогда больше не плачет, теперь, когда столько стало горя кругом, она отвѣчала, что заранѣе все давно в жизни оплакала на русских уроках.

Не знаю, спит ли она по прежнему, сложив руки на груди, как для танца «хайявата» У нея была эта привычка. Я тоже люблю так лежать, тѣсно завязавшись узлом. Потому мнѣ так трудно протянуть руку и нажать выключатель, чтобы с легким треском наступила в мірѣ ночь, и я могла бы заснуть. Я все смотрю на шелковый шнур, необыкновенной красоты и прочности, по которому бѣжит электричество, и вспоминаю какіе то стихи, гдѣ сказано про ночь, про снѣг, про черное окно, про шнурок, про тѣнь, про повѣшеннаго...

Итак, мы входим в огромный, гулкій дом. Хозяева два дня тому назад выѣхали из него, неплотно затворив тяжелыя дубовыя двери. Они захватили с собой то, что берут люди в бѣгствѣ: матрацы уволокли с большим трудом, бросили их на телѣгу, сами сѣли на узлы и погнали лошадь, не оглянувшись даже на мѣсто, гдѣ родились и жили. Сколько их было — никто не видал. Дѣти молчали и взрослые тоже, и всѣ сжимали на груди защитое: бумажки

и золото. Мы входим, равнодушно открываем окна и шагами мѣраем комнаты: двѣнадцать на четырнадцать, двѣнадцать на двадцать. Сюда переѣдет какая-то школа. Зеркала снимут. Прекрасныя комнаты! Мебель вывезут, привезут другую. Эту дверь забьют. Штоф надо бы ободрать. Двадцать восемь комнат насчитано, и мы идем по корридору, гдѣ блестит какая то лужа. Мы открываем еще дверь и вдруг шарахаемся. Посреди комнаты висит сам хозяин этого дома, купец Пароходников, а мы готовы были поклаться, что он уѣхал с женой, дѣтьми, тещей и старой нянькой! Он висит, вытянув по швам руки и повернув лицо в сторону окна, и его, конечно, отлично видно из сада, гдѣ красное, отчетливое солнце шевелится за черными деревьями. В комнатѣ разбито зеркало, повален стол и что то бѣлое просыпано, и повѣшенный посыпан тоже. Это — потолок.

Я неподвижно смотрю на лампу. А тот, кто сидит напротив меня, поднимает лицо и смотрит на меня. Я говорю ему, что надо, а лѣнь, потушить свѣтъ, что уже поздно, что пора мнѣ спать, а ему уходить, что завтра — рано вставать... Он покорно откладывает толстую книгу (я люблю эу книгу, и о нлюбит ее), улыбается и кивает мнѣ головой. Там на каждой страницѣ — неожиданность и такое чувство, будто автор пришел из тумана и ушел в туман. Кнопка хитрой костяной штучки так близко от меня, а я все не могу пошевелиться. Вот она еще подвигается к моему лицу, но руки мои завязаны узлом и я не могу схватить ее и сжать, не могу ни позвонить на весь мѣръ тонким звоночком, ни потушить во вселенной свѣтъ. Мнѣ стыдно за всю слабость. Я ощущаю ее, как позор, и не только мой, и хочу вмѣстѣ с теплой постелью провалиться сквозь землю. И вот я проваливаюсь. Мнѣ дѣлается все мягче, я сама дѣлаюсь мягче и тяжелѣе, чѣм была. Я уже не знаю, куда впадает Волга и сколько будет дважды два. Но это уже никому сейчас совершенно не нужно.

Но в моем блаженствѣ молчанія, забвенія, уничтоженія не все благополучно, меня тревожит, что выключатель моей лампы за это время еще приблизился ко мнѣ и теперь смѣшно касается моего носа. Я могу достать до него языком. Он пахнет костью, гладок и холоден на вкус, но руки я все таки не вынимаю. Он качается на вѣсу, и как это ни удивительно, я слышу легкое тиканье, хотя никаких часов по близости нѣтъ. Это отсчитывает секунды моя лампа, у нея скрытый маятник, ея свѣтовой механизм, и такой же механизм во мнѣ самой, и ничего нѣтъ в этом удивительнаго, я тоже свѣчусь и отсчитываю секунды. Тот, кто еще недавно сидѣлъ гдѣ то далеко, на горизонтѣ моей комнаты, уже ушел. Он оставил мнѣ странную способность видѣть то, что дѣлается за стѣнами моего дома. Я вижу, как по широкой и совершенно пустой улицѣ, пляшущей от дождя, в туман уѣзжает маленькая черная карета. Там сидит герой одной книги, той самой, которую я так люблю; он иногда ночами заползает с рѣдким упорством мнѣ в память. Сейчас он, весь вечер просидѣвъ около меня, наконец отбыл. Я вспоминаю, что он что то читал, когда здѣсь сидѣлъ, и

понимаю, что он читал про самого себя, и потому так грустно улыбался. Карета заворачивает за угол, я вижу свѣтъ, который она бросает в дождь, хлещущій ей в окна, — свѣтъ двух салных свѣчей в фонарях, стеариновых тогда еще не было. Это — набережная Темзы, это — Диккенс, это — пелерина и цилиндр краснорюжаго кучера, выѣхавшаго из тумана и обратно уѣзжающаго в туман. Карета заворачивает на площадь, и вдруг я замѣчаю, что на площади уже свѣтло.

Да, знакомый разсвѣтъ подернул и мое окно, и теперь, сейчас, пройдет поѣзд. На стрѣлках горят зеленые сигнальные огни, нам пора ѣхать в город. Маленькій полустанок дрожит от приближенія чудовища, горячаго, черно-багроваго, окутаннаго собственным дыханіем. Впереди — цѣлый день, но как много надо успѣть: купить нитки, купить перчатки и тетрадь, навѣстить кого то в больницѣ, вечером, говорят, будет бал.. Но поѣзд не приходит, и никакой станціи нѣтъ. Только небо, как бывало, блѣднѣет и тает. Я наконец, выпрастываю руку из под одеяла и тяну ее, свѣсившись с кровати, потому что та штука, которую надо нажать, чтобы наступил день, безконечно далеко от меня. Жемчужное движеніе в окнѣ и блѣдно розовый, искусственный, неподвижный свѣтъ, разлитый в комнатѣ, тѣсно слившись, вдруг мгновенно, с легким щелканьем, разъединяются мною. Лампы больше нѣтъ, остается одно окно. При свѣтѣ дня ни один призрак, конечно, уже не заглянет ко мнѣ, и теперь я засыпаю прочно, глухо, шока все, переворошенное мною во вселенной за эту ночь, как пловучій груз, не становится опять на свое прежнее мѣсто.

Н. Берберова.

В И З Г Н А Н І И .

Мнѣ прошлых лѣтъ касаться мыслью мука.
И нѣтъ тѣх слов, чтоб выразить могли,
Что значит мрак и боль нѣмой разлуки,
И признак дней, что навсегда ушли:
Призыв друзей, далеких и желанных,
И вся их жизнь, сплетенная с тобой,
Цвѣтенье юности, и бѣг мечты туманной,
И каждый день, и каждой ночи зной!
В изгнаньѣ! В плѣну и нѣтъ назад дороги.
Все чуждо мнѣ — и люди и земля.
И нѣтъ рассыплется и станут мои дроги,
Лишь знает кучер мой — капризная судьба!..

Елизавета Меркулова.

ГОЛУБОЕ МОЛЧАНІЕ

Зима. Темная декабрьская ночь. Морозная вьюга шуршит по двору сухим снѣгом, раскачивает обледенѣлую веревку колодезнаго журавля и скрипит ею тонко, пѣвуче, однообразно. В избѣ сумрачно и холодно, и на окнах нѣтъ снѣжных узоров. Вѣтер колеблет пламя лиловой лампадки в углу перед образом, маленькой и жалкой, тускло освѣщающей черныя бревна сруба и темный лик Богоматери. Круглая чернильная тѣнь от лампадки падает на пол, отсѣкает угол стола, кусок лавки и половину длиннаго топчана, на котором лежит, укрытая тулупом, четырехлѣтняя дочь хозяйки. Она часто и густо кашляет и шевелит перед личиком тонкими и бѣлыми, как известь, пальцами. Воздух сырой, тяжелый, пахнет соломой и дублеными кожами. Гдѣ-то за рѣкой глухо и ровно вздыхает артиллерія. Там кто-то кого-то бьет, кто-то кого-то рвет на куски...

Я лежу на широкой лавкѣ в темном углу избы, кутаюсь в рваный полушубок и смотрю на дѣвочку. Личико у нея нѣжное, тонкое, прозрачное, воспаленныя, красныя губки не то вздрагивают, не то что-то шепчут, и вздрагивают длинныя рѣсницы над закрытыми глазками. С вечера мать хотѣла положить ее вмѣстѣ с другими дѣтьми на печь, но побоялась — кто знает, чѣм больна дочка — и положила на топчан возлѣ стола. Я ей сдѣлал игрушку, вѣтрячую бумажную мельницу на палочкѣ, но игрушка не занимала дѣвочку, ни один огонек не вспыхнул в ея покраснѣвших больных глазках, и ненужная игрушка валяется теперь на полу среди мусора.

— Прохожій, а прохожій... — шепчет с полатей хозяйка, — а что послѣ смерти человек чувствует что-нибудь?

— Навѣрно не чувствует, — тихо и лѣнливо отвѣчаю я, — а быть-может и чувствует... не знаю.

— И уж не помнит ничего?

— Навѣрно не помнит...

Я зашел мимоходом в эту избу, переночевать, на разсвѣтѣ я возьму свой мѣшок и пойду дальше, и я еще много раз буду ночевать в таких же бѣдных крестьянских избенках, но я уже знаю, что эта ночь, в этой избѣ, останется надолго в моей памяти, быть может навсегда, навѣки, до конца дней моих. Я потому так думаю, что ночь эта кажется мнѣ уже давно пережитой, знакомой, словно, я совершаю второй круг жизни, точно такой же, как и первый, с тѣми же остановками на пути.

— Маманя, синія звѣздочки... — тихо лепечет дѣвочка.

— Спи, родная, спи, Бог с ними, со звѣздочками, нѣту их...

— Звѣздочки, маманя...

Дѣвочка перестает шевелить рученками, кладет их поверх тулупа, поворачивает льняную головку къ окну, с тихим хрустом подминает сѣнную подушку, и засыпает. В окно бьют снѣжинки, скользят по стеклу и пропадают за подоконником. На печи шуршат тараканы и посапывают спящіе дѣти. Их трое: два мальчика и одна дѣвочка. Всѣ они худенькія, блѣдныя, с большими животами и с грустными недѣтскими глазами. Прикрытыя тряпьем, они тѣсно жмутся друг къ другу, вскрикивают во снѣ и высовывают с печи босыя, грязныя носженки.

Двор небольшой, запущенный, без хозяина. Хозяин второй год на фронтѣ, и второй год нѣтъ от него вѣсточки, — как в воду канул. Хозяйка еще молодая, но опустившаяся и отупѣвшая от нужды и горя. Живет она как-то равнодушно, ровно, работает много, но нехотя, словно, на чужих. Завишѣвшіе и голодные ребятишки часто болѣют, она привыкла къ этому и понимает, что иначе и быть не может при ея бѣдности, примиряется и с этим.

Проходит час, другой, третій, а мнѣ, несмотря на усталость, все еще не хочется спать. Вьюга стихает, и за черными, блестящими окнами не видно больше танцующих снѣжинок и не слышно немолчаливаго скрипа веревки на колодезном журавлѣ. Хозяйка спала, а теперь снова проснулась, безпокойно ворочается на палатках и вздыхает. Дѣвочка спит тихо, мирно, не шевелясь. Хозяйка свѣшивает с полатей голову и долго и внимательно смотрит на меня.

— Не спишь?

— Нѣтъ.

— Чего ж ты?

— Так...

Она молчит, что-то обдумывает, мучительно морща лицо. И вдруг спрашивает, порывисто и страстно, всѣм существом своим:

— Прохожій, а почему война?

— Не знаю.

— Может — землю хотят?

— Быть может.

— Получат?

— Вряд ли...

Хозяйка перелѣзает с полатей на печь и осторожно, чтоб не разбудить дѣтей, спускается на пол и долго, не отрываясь, пьет из деревяннаго ковша ледяную воду. Широкая исподняя рубашка окутывает ея высокую фигуру, точно саваном, длинныя волосы безпорядочно падают на плечи и грудь, вся она какая-то призрачная, неземная. Напившись, она безшумно подходит къ топчану, наклоняется над дочерью и неестественно быстро выпрямляется.

— Прохожій, а прохожій... А вѣдь дочка-то отошла.

— Отошла?

— Отошла.

Я сбрасываю полушубок и подхажу къ топчану, не замѣчая на

полу игрушечной мельницы и наступая на нее босой ногой. Дѣвочка лежит на спинѣ, отвернув в сторону голову, уже заоченѣвшая. Глаза прикрыты длинными рѣсницами, неподвижными, черными. Лѣвая рука вытянута вверх тудупа, пальцы правой руки чуть согнуты и прижаты к нижней губкѣ полуоткрытаго рта, словно, они забыли, и она хотѣла подуть на них, отогрѣть, да потом забыла и уснула. Лицо спокойное, торжественное, слегка нахмуренное, и при взглядѣ на него сразу видно, что это не спящая, а мертвая, мертвая... Хозяйка крестится, неловко и торопливо, у нея дрожат губы и подбородок.

— Поможешь что ли завтра гробик-то сколотить?

— Псмогу.

Уже кричат третьи пѣтухи, и в избѣ всѣ крѣпко спят. Масло в лампадкѣ выгорѣло, и она давно потухла. Метель стихла. стихла и орудійная стрѣльба, вызвѣздило, изба полна тонкаго, голубого луннаго свѣта.

Маленькую покойницу покрывает суровая простыня, под которой стчетливо проступают контуры тѣла. На груди лежит тяжелое мѣдное распятіе, и, как иглы льда, застыл на нем лунный свѣтъ. Теперь миѣ хорошо виден похожій на висѣлицу колодезный журавль с обледенѣлой веревкой и палисадник с шапками снѣга на столбиках, видны и утспающія в сугробах избенки, и мѣловая безкрестная церковинка, что стоит за оградой посреди кладбища, и занесенная снѣгом, без единаго слѣда саней, зимняя дорога, легкой, свиной тѣнью убѣгающая в безбрежное — без конца и без края — поле, ясное и чистое за околицей и мгlistое вдали... Все неподвижно, все спокойно, все окутано тишиной и призрачным сіяніем. И ничто не нарушает — да и не может нарушить — этой ледяной тишины, этого вѣчнаго молчанія, этой единственной вѣчной свободы. от которой потому и бѣгут, потому ее и боятся, что она вѣчная.

С. Максимов.

ЗВѢЗДА.

Не будет дней протяжнѣй этих,
Овѣянных простой печалью,
Когда алѣет сердце в сѣтях
Потрескавшеюся эмалью.
Чуть слышен звон из нѣжных далей
Над городом прозрачно чудным.
И в ночь звѣзда моей печали
Трепещет темным изумрудом.

Леонид Стравовскій.

КАРЬЕРА ВЪРЫ ОГЛОБЛИНОЙ *)

Въра стояла у открытаго окна комнаты на Ст. Басманной, убогой комнаты, куда ее переселили послѣ ареста мужа. Комната была самая плохая в квартирѣ, и Въра была самой послѣдней из жильцов. С нею никто не считался, никто ее не замѣчал. С ней почти не разговаривали, не здоровались, толкнув ее, не извинялись.

Она даже не сердилась на остальных квартирантов: вѣдь они в сущности, были вправѣ так обращаться с ней... Ей некому было пожаловаться, ее никто не защитит, а они, если захотят, могут выгнать ее из этой комнаты, подав коллективное заявленіе или написав на нее донос. Какой? Не все ли равно какой? Всякій донос сдѣлает свое дѣло. И куда она тогда дѣнется?

Ничего хорошаго не было для нея в этом голубом июньском утрѣ. Напротив, оттого, что все кругом сіяло, она чувствовала себя еще болѣе несчастной и опозоренной. Этим нѣжным сіяющим воздухом ей было трудно дышать. В дождь, в слякоть, в стужу ей все-таки было легче. Она была одна. Чужая всему. Навсегда одна со своим горем и своим одиночеством.

Одиночество. Нѣтъ ничего страшнѣе одиночества, — подумала она. — Никто не постучит в мою дверь, не войдет, не заговорит со мной. Я буду вѣчно молчать, молчать. Но я не могу больше молчать... Я сейчас крикну, завою, если не постучат в дверь... Если не постучат...

И в дверь, дѣйствительно, постучали. Громко постучали. Это было так невѣроятно, что у нея не хватило голоса сказать «войдите».

— Вас требуют к телефону! — крикнули из-за двери и, пождав немного, не получая отвѣта, еще громче: — К телефону вас!

К телефону? Она не повѣрила, не поняла. Не может быть. Ее никто никогда не требовал к телефону. Кто мог позвонить ей? Кто?

Она заметалась по комнатѣ, потом выбѣжала в коридор. Это ошибка. Конечно, ошибка. Конечно, не ее...

Снятая телефонная трубка лежала на столѣ. Въра прижала ее к уху. Конечно, ошибка.

*) Отрывок из романа «All hope abandon». Copyright 1949 by Pantheon Books Inc. New York.

Но это не была ошибка. Ее вызывали из Н. К. В. Д. Очень вѣжливо «просили заѣхать».

Она задохнулась, будто захлебнулась воздухом. — Сейчас приѣду. Сейчас.

Она повѣсила трубку и бѣгом вернулась в свою комнату.

Одиночество. Так ли страшно, как ей только что казалось, было одиночество? Теперь она сознавала, что есть вещи и пострашнѣе одиночества, и что с одной из этих, еще болѣе страшных вещей ей предстояло столкнуться сейчас.

И, как всегда, когда она спѣшила и волновалась, всѣ вещи начали исчезать. Берет, гдѣ ее берет? Она перерыла комнату, взглянула даже в комод, хотя никогда не прятала туда берета. Ничего, можно и без берета. Она взглянула на стѣну и увидѣла берет, висѣвшій на крюкѣ. А, может быть, лучше, вмѣсто того, чтобы ѣхать, просто повѣситься на этом крюкѣ?

Перчатки. Она не успѣла заштопать перчатки. Дырявые. Если держать руку сжатой в кулак, незамѣтно. А если и замѣтно, не все ли равно. Она по привычкѣ взглянула на себя в зеркало, надѣв берет.

Нѣт, она не была такой прежде. Даже пять минут тому назад, до телефоннаго звонка, она все-таки не была такой раздавленной, такой покорной, такой готовой ко всему и на все.

...Этот стеклянный широкій подъѣзд, этих часовых, эту лѣстницу, обитую ковром, этот пустой, тихій коридор она хорошо знала. Через этот порог она уже переступала такими же похолодѣвшими, тяжелыми ногами, с такой же подкатывающей к горлу тошнотой.

Кабинет. Зеленый абажур зажженной лампы. Спущенныя шторы. Штрoм повернулся к ней, сіяя лысиной и улыбкой, и, не вставая, протянул ей руку.

— Присаживайтесь. Давненько мы с вами не болтали.

Нѣт, так не могла начаться глава новаго несчастья. Это еще не гибель. Отчего не могла? Оттого, что Штрoм улыбался? Но и в то утро допроса он улыбался совсѣм так же.

Она подала ему руку. Он пожал ее долгим притворно-сердечным пожатіем.

— Ну как? Все хорошѣем?

Он, улыбаясь, взглянул ей в лицо, и его зоркіе блестящіе глаза удивленно расширились.

— Вы больны?

— Нѣт. — Она покачала головой.

— Но вы были больны? — настаивал он.

— Нѣт, — повторила она. — Я ни разу не хворала за этот год. Я совсѣм здорова.

— Конечно, жить не всегда легко. — Он кашлянул, будто прочищая горло. — Досадно, да что подѣлаешь. И я, вѣдь, предлагал вам, помните, заняться вами? Не захотѣли, гордая испанка. — Он отряхнулся и снова заулыбался, давая понять своей улыбкой, что на большее сочувствіе к несчастью Вѣры он способен.

Потом протянул ей портсигар, зажег ее папиросу и закурил сам.

— Теперь побесѣдуем о дѣлѣ, — начал он по прежнему весело. — Я попросил вас прѣхать оттого, что вы мнѣ очень нужны. Вѣдь, насколько я помню, вы хорошо обучены англійскому языку. Фундаментально и с подобающим выговором? А? Ну, так вот...

Дѣло оказалось простым. В Москву прибыл американец — доктор — на нѣсколько дней. Но бѣда в том, что он и журналист вдобавок, а мы этого не знали. Любопытный чорт. Все ему видѣть надо: всюду свой нос сунуть. Наша сотрудница, как на подбор, всѣ заняты. Некому с ним возиться, а одного его тоже оставить не годится с его любопытством. Вот мнѣ и пришло в голову приспособить вас временно. Услуга за услугу. Я в долгу не останусь. — Он бросил в пепельницу только что закуренную папиросу и закурил новую.

— Сдам его вам под расписку. Не отпускайте его ни на шаг. Куда он, туда и вы. И переводчицей в разговорах. Впрочем, лучше поменьше посторонних разговоров и, главное, никаких клиник и лечебниц. Очаруйте его. Вы, вѣдь, умѣете. Ну, всякія, там, загородныя прогулки, виды и пейзажи, театры, ночные кабаки, цыгане.

Вѣра встала, подошла к столу и повернула рефлектор лампы, освѣщая себя.

— Вы, должно быть, еще не посмотрѣли на меня. Видите, на что я стала похожа. Мнѣ ли очаровывать? Вы смѣетесь надо мной.

Она стояла перед ним, вытянувшись, нисколько не скрывая, напротив, подчеркивая свой жалкій, усталый вид, и порванные перчатки, и сношенные туфли, и грошовый берет. Он наклонил зеркально-лысую голову, оглядѣл ее серьезно и критически, будто взвѣшивая и оцѣнивая.

— Да, — сказал он, наконец, — экипировка, дѣйствительно, подгуляла. И парикмахерскій ремонт тоже спѣшно требуется. И, конечно, наводка красоты на фасад. Но все это пустяки. — Он протянул руку вперед, освобождая из-под манжеты большіе, круглые золотые часы. — Теперь без десяти одиннадцать...

Вѣра сжала руки в разорванных перчатках.

— А если я не захочу? А если я не соглашусь?

— Не согласитесь? — Он казался искренно удивленным. — Почему? Как так не согласитесь? — Глаза его вдруг блеснули хищным, пустым, стеклянным блеском. — Он вдруг размѣлся весело и раскатисто, потом, вынув платок, вытер им глаза. — Ну, и размѣшили вы меня, дорогая. Давно так не смѣялся. Отказываться все же не совѣтую. Ну, так вот, теперь без десяти одиннадцать, а в половинѣ второго мы с вами завтракаем с американцем в Метрополѣ. Он протянул руку к телефону. — Сейчас вами займусь. Отдѣлают вас под орѣх. Красавицей, как прежде, станете. Не извольте беспокоиться. И нарядят соответствующе. Не узнаете себя. — И не дожидаясь отвѣта Вѣры, он снял трубку телефона.

В половинѣ второго рыжеватая молодая женщина в бѣломъ костюмѣ, с модной бѣлой сумкой через плечо, в маленькой шапочкѣ на свѣже-завитых волосах, вышла из автомобиля и вошла в отель Метрополь.

Вѣра видѣла, как она прошла мимо швейцара, растерянно оглянувшись на своего спутника, и тот сдобрительно и ободряюще подмигнул ей.

Вѣрѣ казалось, что она все еще стоит у окна своей комнаты, что еще не постучали в ея дверь, еще не крикнули — «к телефону вас». Ей казалось, что она из своего окна видит, как эта элегантная молодая женщина входит в отель. И о чем она так волнуется? Бѣдная, бѣдная. Если она будет так волноваться, она споткнется, она упадет перед всѣми этими людьми, загромождающими холль отеля и глядящими на нее, будто она на сценѣ. Будто она танцует на сценѣ, а они зрители. Но гдѣ уж ей танцевать, только бы дойти до стула, только бы сѣсть. Отчего всѣ они с таким любопытством, так настойчиво смстрят на эту бѣдную элегантную женщину? Или это ей только кажется оттого, что она так давно нигдѣ не бывала и так одичала?

Надо успокоиться, взять себя в руки. Штром шел за ней. Она сознавала, что он здѣсь, за ея спиной, и его ненавистное присутствіе всетаки дѣйствовало на нее успокоительно. Без него она совсѣм потерялась бы.

Прямо на нее, на них с Штромом, уже шел американец. Это был тот самый американец. Такіе не бывают русскіе. Таких в Москвѣ нѣтъ. Она не успѣла разглядѣть, что в нем было такое особенное. Она только почувствовала: это — американец.

Штром уже здоровался с ним. Уже знакомил их. Американец, улыбаясь, дружелюбно потряс ея руку — он дѣйствительно казался очень рад знакомству с ней.

Теперь они сидѣли в ресторанѣ за угловым столиком. Штром весело и суетливо составлял меню, совѣтуясь с ней, с американцем, с метр д'отелем, желая всѣм сразу угодить. Чтобы окончательно успокоиться, чтобы не смотрѣть на американца, Вѣра стала стегивать длинныя замшевыя перчатки со своих только что привезенных в порядок рук. Вид коралловых блестящих ногтей с непривычки все-таки удивил ее: уже больше двух лѣтъ она не лакировала ногтей, и теперь эти бѣлыя руки с красными ногтями казались ей чужими и отвратительными, такими же чужими, не принадлежавшими ей, как перчатки, которыя она только что сняла. Но показывать удивленіе нельзя было. По дорогѣ сюда Штром наставлял ее: — Главное, помните, что вы снобка. Вас ничѣм не удивишь. Вы все видѣли. Вы избалованы. И плевать вам на Париж или Нью-Йорк. В Москвѣ все лучше. Подчеркивайте это. Но вѣжливо, любезно. Вѣдь он — гость, а мы, москвичи, славимся гостеприимством. Не нарушайте его представленія о нас. О себѣ все врите, и попынѣе. Кромѣ, конечно, что вы знаменитая балерина. Это я ему уже сообщил.

— Бывшая балерина, — перебила его Вѣра. — Бывшая знаменитая. Все в прошлом.

— Гдѣ кончается прошлое, гдѣ начинается будущее? Попроше, Вѣра Николаевна. Без философіи. Улыбайтесь очаровательно и молчите, если не знаете, что сказать. Предоставьте ему самому истолковать ваше молчаніе. Всегда в вашу пользу истолкует.

Хорошо, что Штром разрѣшил ей молчать. Штром говорил и за нее и за себя. Очень весело и бойко. Он объяснял, забавно гримасничая, что его уйтчепельскій выговор и странный подбор слов объясняются тѣм, что он во время войны 14-го года сидѣл в Лондонѣ в тюрьмѣ за пацифистскую проаганду. Там и научился англійскому языку, который ему потом очень помог в его дипломатической карьерѣ. Он весело смѣялся, и американец смѣялся так же весело. Ей тоже слѣдовало бы разсмѣяться, но она чувствовала, что это никак не удастся ей. «Улыбайтесь», — вспомнила она приказаніе Штрома, но и в своей улыбкѣ она не была увѣрена. Она, вѣдь, совсѣм разучилась улыбаться. Лучше провѣрить перед зеркалом, прсрпетировать. Она открыла чужую бѣлую сумку, вынула зеркало и наклонилась над ним. Из чужого зеркала выглянуло чужое лицо. Будто Н.К.В.Д. снабдив ее чужим костюмом, сумкой и шляпой, снабдило ее также и чужим лицом.

Она осторожно пріоткрыла накрашенные губы. Чужая улыбка. Но другой, не чужой, улыбки — и быть не могло на этом чужом лицѣ. Вполнѣ сносно. Вѣдь, все это — только ложь и обман. Как раз то, что нужно — эта улыбка. Она захлснула сумку и посмотрѣла кругом, уже по новому улыбаясь. Только вѣки лучше опустить, чтобы не были видны ея глаза. Ея глаза — она еще утром это замѣтила в зеркалѣ — были, как два пятна горя, и совсѣм не подходили к улыбкѣ, хотя бы и к лживой.

Как часто она прежде бывала в этом ресторанѣ с Андреем. И все здѣсь совсѣм по прежнему, ничего не измѣнилось в этом большом ресторанном залѣ. Тѣ же лакеи, тѣ же посѣтители. И только они двое — Андрей и она... Нѣтъ, об этом ей сейчас совсѣм нельзя было вспоминать... Она выпила стакан вина.

За сосѣдним столиком сидѣл когда-то знакомый с Вѣрой и Андреем «знатный человек страны», знаменитый инженер. Он говорил очень громко и звонко горловым голосом, и собесѣдник отвѣчал ему так же. Будто для публики, чтобы всѣ слышали, о чем они говорят. Подчеркнуто — «секретов нѣтъ. Ничего не скрываем». И чего он так старается? Захотят сослать или разстрѣлять — все равно сошлют или разстрѣляют.

Он повернул к ней голову, и лицо его сразу потеряло все самодовольство, всю самоувѣренность. Глаза стали косящими, и взгляд их трусливо убѣжал в сторону. Но только на мгновеніе. Глаза, вспыхнув радостью узнаванія, уже снова возвращались к Вѣрѣ и сткрыто остановились на ея лицѣ.

— Вѣра Николаевна! Вы-ли это! Сколько лѣтъ, сколько зим... Вѣра поняла. Он увидѣл Штрома. Если она с Штромом, и к

тому же так одѣта, значит, ее не только можно, ее непременно нужно узнать.

Она кивнула ему.

— Как поживаете?

— А-а-отлично, — отвѣтил он преувеличенно-радостно. — А как же можно у нас в Москвѣ поживать? Небось, сами знаете.

— К сожалѣнію, нѣтъ, не знаю. Я была почти два года очень больна и только теперь начинаю поправляться.

— Ай, ай, ай, нехорошо! — «знатный человѣкъ» покачал головой. — То-то я смотрю — похудѣли будто. Поправляйтесь скорѣй. Жить стало веселѣй, а-отлично стало жить. За ваше здоровье. — Он выпил рюмку водки и закусил.

Штром положил ей еще спаржи. — Вам надо хорошо питаться. — И он сейчас же принялся объяснять американцу, что Вѣра была больна и только недавно стала снова выходить...

Ложь, ложь, обман. Она старалась не слушать. Но странно — она, постоянно мучившаяся голодом, мечтавшая о таком, вот, рябчикѣ, о такой, вот, спаржѣ, теперь, когда этот рябчик и эта спаржа очутились на ея тарелкѣ, только брезгливо отворачивалась от них. Но, вѣдь, она была тут не для того, чтобы ѣсть. Она исполняла приказаніе Штрома, и это мѣшало ей ѣсть. Но пить можно было, и она пила. От вина становилось спокойнѣе, легче. Штром зорко наблюдал за ней своими блестящими, веселыми глазами. Она не могла догадаться, доволен ли он ею, или нѣтъ. Он улыбался. Она вздрогнула. И американец сейчас же озабоченно спросил:

— Вам нездоровится? Вам холодно?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я чувствую себя отлично. Вот и она уже поняла, что теперь необходимо чувствовать себя отлично.

Как давно она не пила крепкаго чернаго кофе. С коньяком. Вкусно, и сердце начало тепло и гулко стучать в груди: «я тут, я тут, я тут. Не бойся, нечего тебѣ бѣдиться. Нечего».

Развѣ нечего? Может быть, правда, ей нечего больше бояться, и все страшное уже позади. Но и это была ложь, но и это был обман. Все — ложь и обман. Даже стук собственного сердца.

Штром закончил вымышленный рассказ о ея болѣзни и успѣлъ перейти к тому, к чему он вел рассказ. И американец пошел ему навстрѣчу. Так просто и естественно. Раз Вѣра сейчас ничѣм не занята, раз все ее время свободно, почему бы ей не быть такой безконечно милой и не сдѣлаться его гидом по Москвѣ?

— Давайте, поспросим ее вмѣстѣ, — предложил Штром.

— С восторгом, — американец безусловно был искренен. Ему безусловно очень хотѣлось, чтобы Вѣра шпионила за каждым его шагом. — Но как мнѣ вас упросить? Как?

Упрашивать совершенно не требовалось, вѣдь Штром уже приказал ей.

Она, разсѣянно улыбаясь, смотрѣла на американца. Она уже овладѣла улыбкой. Нѣтъ, смотрѣть на него все-таки не надо. Глаза могут ее выдать. Она стала слѣдить за дымом папиросы.

— Я собиралась хорошенько отдохнуть. Миѣ надо окрѣпнуть перед поѣздкой в Крым. Я, право, не знаю...

— Вѣра Николаевна, — настаивал Штром. — Вы, вѣдь, не только очаровательны — вы еще и добры. Ну, ради нашей старинной вѣрной дружбы.

Ложь, издѣвательство.

Вѣрѣ хотѣлось плеснуть Штросу кофе в лицо. Она сознавала, что немного пьяна. Не настолько, чтобы, дѣйствительно, плеснуть кофе, достаточно, чтобы поколебаться — не плеснуть-ли.

— Если бы вы согласились... — голос американца звучал навивно и просяще, — вы бы так скрасили...

Она продолжала курить, улыбаясь и слѣдя за дымом.

— Я не утомлю вас. Вы не можете себя представить, каким я чувствовал себя одиноким в Москвѣ.

Штром поднял брови на зеркальном лбу. — Не может быть! Одиноким в Москвѣ? Но вѣдь, у нас никто не чувствует себя одиноким, не правда-ли, Вѣра Николаевна?

И Вѣра отвѣтила:

— Конечно, у нас в Москвѣ даже бездомныя кошки не чувствуют одиночества. Одиночество. Какое забавное слово! Я даже не вполне понимаю, что это значит. Но, повидимому, что-то очень неприятное. Оди-ночество...

Прощаясь послѣ завтрака, Штром сердечно пожал руку американца:

— Гора с плеч! Теперь, когда у вас такой гид, я спокоен за вас. А то — непорядок: приѣхал иностранный гость и скучает в Москвѣ. У нас в Москвѣ всѣм должно быть весело и хорошо. Так до скорого...

И улыбаясь, он быстро пошел к выходу, довольный результатами завтрака, уже занятый новыми дѣлами, уже не думая ни о Вѣрѣ, ни об американцѣ.

Вѣра молчала. Она опять совсѣм растерялась. Но американец предложил сам:

— А что, если бы поѣхать за город покататься? Сегодня такой чудный день.

Да, конечно, чудный день. Она забыла, что сегодня именно то, что другим кажется чудным днем. Штром, вѣдь, совѣтовал прогулки и пейзажи. И чудный день — тоже тема, благодарная тема. Англо-саксонцы вообще очень много говорят о погодѣ, гораздо больше, чѣм русскіе.

Она кивнула.

— Да, очень приятно покататься. Хотите, поѣдем в Сокольники.

— Надо сказать лакею, чтобы он позвал такси.

— Нѣтъ, зачѣм? Меня ждет моя машина. — Она сама удивилась, как увѣренно она произнесла «моя машина». «Моя» — это значит машина НКВД...

Но заявленіе о собственной машинѣ, повидимому, его нисколько не удивило. Что удивительнаго, если у знаменитой балерины своя машина? А что, если бы признаться ему, что у нея и на трам-

вай не всегда хватает, что даже трамвай, уже не говоря о метро, для нея роскошь.

Они вышли из отеля. Они сѣли в автомобиль НКВД.

Американец говорил:

— Развѣ я смѣл мечтать о таком гидѣ, как вы? Подумать только: знаменитая балерина, избалованная обожаніем поклонников...

Она слушала. Неужели это о ней? И она кажется ему избалованной. Значит, он совсѣм слѣп и не видит ея.

— По этим улицам я проѣзжал сегодня утром. Мнѣ было невыносимо скучно. Прохожіе казались мнѣ угрюмыми, затравленными и злыми, и Москва — несчастнѣйшим городом на землѣ. Оттого, что я был так одинок. Такое одиночество надо самому испытать, иначе не повѣришь.

Да, надо самой испытать. И она не вѣрила, пока сама не испытала, какое бывает одиночество на свѣтѣ и какое горе.

Она слушала, глядя в окно. Вот уже и московская окраина. Как давно она не была здѣсь. Неужели и тут горе? Все то же русское горе, без края, без конца.

На американца, без сомнѣнія, дѣйствовала природа. Его душа всколыхнулась и, конечно, просила выхода в словах. И слова нашлись. — Когда я был ребенком, — начал он..

Вѣра всегда удивлялась, до чего люди цѣнят и даже переоцѣнивают свое дѣтство, и как до самой смерти не умѣют по настоящему отдѣлится от него. Вот и американец заговорил о своем дѣтствѣ. Пусть. Так гораздо спокойнѣе. Слушать легче, чѣм говорить. Надо только казаться внимательной и кивать от времени до времени: «продолжайте, продолжайте, это так интересно».

Но ей совсѣм не было интересно. Ей ровно никакого дѣла не было до его американскаго дѣтства.

Автомобиль катился по шоссе, телеграфные столбы нѣжно гудѣли от жары, ласточки чернѣли на проводах, как ноты на нотной партитурѣ. Вѣра слушала, теперь становилось ясно, что он не ограничится одним дѣтством, что он хочет рассказать ей всю свою жизнь. Пусть.

Вот, наконец, и Нью-Йорк. Как он любит, как гордится им. «Каждый небоскреб — памятник американской изобрѣтательности»... — Вѣра разсѣянно слушала.

— «Я восхищен многим, что увидѣл здѣсь. Ваши удивительныя больницы»... Значит, он совсѣм слѣп. Не только слѣп, но и глуп. Нѣт, он не глуп, он просто доврчив. Вѣдь он видѣл показныя больницы, специально устроенныя для таких, вот, слишком любознательных иностранцев. Обман, ложь. Настоящую дѣйствительность ему помѣшает увидѣть она, Вѣра, приставленная к нему Штромом. О, Господи, какой слѣпой, какой наивный. В больницах больные мрут, как мухи, нѣт даже хины и аспирина. Всюду грязь, безпорядок.

И американец продолжал. — В вашей прекрасной странѣ, гдѣ, послѣ вѣксв гнета, всѣ, наконец, стали равны..

На поворотѣ мелькнул куст розоваго шиповника. Она взгля-

нула на него. Но автомобиль уже пронесся мимо. Ей показалось, что розовый куст шиповника цвѣл не тут, у подмосковной дороги, а там, в разсказѣ американца.

— А объѣдать вы съ мной будете? — спросил американец.

— Конечно, буду. Это входит в обязанности гда.

— Вам лучше вернуться и немного полежать перед объѣдом.

А он что будет дѣлать? Вѣдь, Штром приказал — «ни на шаг не отпускайте. Куда вы, туда и он».

Он вернется в Метрополь. Ему надо написать письма домой. Пока он не знал ее, ему было так тоскливо в Москвѣ, что даже писать не хотѣлось.

— В Лоскутку, — приказала она шофферу, и автомобиль плавно завернул.

Штром предупредил ее, что на время «работы» ей будет отведена комната в 5-ом Домѣ Совѣтов, прежней Лоскутвой гостиницѣ.

— Я заѣду за вами в восемь.

Снова холл гостиницы. Она уже успѣла освоиться, привыкнуть к своей роли. Роль обезпеченной, праздной, элегантной женщины. За полдня сна привыкла к ней больше, чѣм к той, которую ей пришлось играть эти два года. Ее уже не удивляет, что портье почтительно подает ключ от ея комнаты — № 32, третій этаж — что мальчик у лифта сгибается перед ней почти пополам, отворяя дверь.

Ея комната. Свѣтлая, нарядная, с ванной и телефоном на ночном столикѣ. Ея чемоданы, данные ей на Лубянкѣ, уже тут и даже уже распакованы услужливыми руками. Но развѣ это комната? Это тюремная камера, куда ее заперли. Ничего, что нѣтъ рѣшеток на окнѣ, что ключ торчит в двери, что телефон поблескивает у кровати. Все это — только декорация.

Она брезгливо сняла чужой костюм и блузку, сбросила чужія туфли, чужое бѣлье. Вѣдь все это не принадлежало ей, а было дано ей только на время. Это было орудіе производства, не больше. На коврикѣ перед кроватью стояли парчевыя домашнія туфельки и на стулѣ висѣл розовый шелковый халатик.

Это уже было слишком. Этого она не ожидала. Дневныя и вечернія платья, чулки, башмаки, сумки, все, что видят другіе... Но зачѣм на Лубянкѣ заботились о халатикѣ, о домашних туфлях. Она откинула стеганое одѣяло, встала и с удовольствием надѣла халатик. И вдруг покраснѣла, сняв. Там, на Лубянкѣ, все предусматривают. Вѣдь американец может пожелать придти к ней. Прислали на всякій случай...

Она легла. Кровать была мягкой и удобной. Как давно она не спала в удобной кровати. Да, в такой кровати можно уснуть. Несмотря ни на что, уснуть. И она дѣйствительно уснула.

В дверь постучали. Сейчас крикнут: «к телефону вас». И все опять начнется сначала. Весь кошмарный день повторится в кошмарѣ сна. Но крика «к телефону вас» не было. Дверь тихо отво-

рилась, вошла горничная в кружевном передникѣ, неся бѣлыя розы с визитной карточкой американца...

II.

Телефон загудѣл. Вѣра сняла трубку.

— Это вы, Рональд?

— Так он для вас уже Рональд? Нѣтъ, красавица моя, это только я, Штром. Слушайте внимательно. Во-первых, поздравляю, вы выше похвал, а во-вторых, хорошенькаго понемножку. Пора и честь знать нашему иностранному гостю. Не такое нынче время. Говорил он вам, когда уѣзжает?

— Нѣтъ, не говорил.

— Тогда вам самой придется намекнуть ему. Придумайте что-нибудь, ну, что отбываете в Крым, сядьте даже, если надо, в крымскій экспресс. Или что хотите. Только, чтобы завтра его духа в Москвѣ не было. Понятно? Будет исполнено? А?

— Постараюсь. Хотя что же я могу...

— Ну, можете вы многое. Вы молсдец. Так я на вас рассчитываю. Пусть катится шариком. Сегодня послѣдній день. До скорого, до пріятнаго... Пока...

Вѣра повѣсила трубку.

Сегодня послѣдній день, повторила она. Так, должно быть, чувствует себя лунатик, котораго внезапно разбудили. Как больно, как тяжело очнуться. Сегодня послѣдній день. Конец.

Конец лунатическому состоянію, в котором она так безразсудно-смѣло балансировала над прошлым, проходила у самаго края готоваго поглотить ее будущаго, не отдавая себѣ отчета в опасности, не замѣчая ея, забыв об ужасах прошлаго. — Сегодня послѣдній день. А сколько их было всего, этих дней? Теперь, когда она очнулась, она с удивленіем поняла, что их было только три. Неужели только три? Ей казалось что со знакомства с Рональдом прошли недѣли, мѣсяцы, годы, а на самом дѣлѣ прошло только три дня.

Рональд знаком с ней лишь три дня — и он навѣрное, признавал, что их именно три. А для нея это было — три дня и кусочек вѣчности. И этот кусочек вѣчности нельзя было измѣрить. Но вот она очнулась и подсчитала — три дня. Три дня, которые она провела, как лунатик, гуляя по краю крыши, высоко над горем прошлаго, далеко от горя будущаго. И нельзя было больше лукавить с собой. Было совершенно ясно, что она влюблена в Рональда.

Телефон снова загудѣл. На этот раз это был Рональд, и он ждал ее в холлѣ. Нетерпѣливо ждал, у лифта. Здороваясь с ней, он с недоумѣніем взглянул ей в лицо, будто стараясь понять, в чем перемѣна, происшедшая в ней за ночь.

— Что случилось?

Она покачала головой.

— Ровно ничего.

— Но у вас такой усталый, грустный вид. Пожалуйста, не

грустите. Улыбнитесь скорѣе. Я совершенно не могу переносить нашей грусти. Мнѣ необходимо сейчас же утѣшить вас, защитить от грусти.

Он взял ее под руку, и они пошли к выходу.

Она отвернулась, чтобы он не видѣл ея лица.

— Я, дѣйствительно, немного устала. Я все утро укладывалась. Я завтра ѣду в Крым.

Она чувствовала сквозь рукав его пальцы, сжавшіе ея локоть. Нѣтъ, лучше этого не замѣчать. — Я получила телеграмму из санаторіи. Освободилась комната, и я должна занять ее не позже, чѣм послѣзавтра. Иначе придется ждать еще три недѣли, в этом московском пеклѣ. А вы когда уѣзжаете? прибавила она помолчав.

— Уѣзжаю?.. — Она видѣла, что ея вопрос удивил его. — Это будет зависѣть...

Она не рѣшилась спросить: — Зависѣть от чего? Она знала, что он отвѣтит «от вас».

Послѣ обѣда, послѣ оперы, послѣ долгаго, восхитительнаго вечера они оказались здѣсь в подвалѣ на Тверской. Послѣ восхитительнаго вечера, наступила восхитительная ночь. Все было восхитительно, именно таким, как должно было быть. Таинственный приглушенный веселый свѣтъ освѣщал силуэты женщин и мужчин в другом концѣ узкаго, затянутаго коврами помещенія. Казалось, что они были посажены здѣсь только для украшенія, для удовольствія глаз Вѣры и ея спутника и сами по себѣ не существовали. Вѣра и Рональд были здѣсь одни. Все остальное было обстановкой, украшеніем, фоном, в котором расцвѣтало ея счастье. Все было только фоном, и музыка тоже. Она подымалась волной и снова падала, увлекаая с собой Вѣру. Сейчас, если Вѣра захочет, музыка поднимет угол завѣсы, отдѣляющей сегодня ст завтра, и в ея звуках возникнет будущее Вѣры и Рональда, их восхитительное будущее. Но она не хочет. Пусть все останется покрытым неизвѣстностью и музыкой, вѣдь все равно ея будущее будет восхитительно, раз они навсегда вдвоем, и он увезет ее в свою счастливую страну, гдѣ не вѣрят злу.

Теперь запѣли цыгане, и цыгане запѣли для них. Только для них с Рональдом. Цыганам не было дѣла до остальных ушей, слушающих их. Они пѣли для Вѣры, для Рональда. Как хорошо пѣли:

Время измѣнится, все перемѣнится.

Сердце усталое счастье узнает вновь...

Ну да, конечно, конечно. Вѣра, улыбаясь, кивала. Это было именно то, что нужно. Обѣщаніе, подтвержденіе. Все хорошо, и то-ли еще будет? Шампанское обостряло зрѣніе и слух, помогало еще яснѣе разбираться во всем, что происходило сейчас, и правильно оцѣнивать это невѣроятное, это великое, чудесное служіе ея жизни. Когда-нибудь, через пять, через десять лѣтъ, она будет с недоумѣніем спрашивать себя, как могло это случиться, как

могла она, опсзренная, нищая, всѣми брошенная, опять стать счастливой? И все это будет тогда казаться ей загадкой, и она никогда не перестанет удивляться своему чудесному превращенію. Но все это будет потом, а сейчас это таинственное превращеніе кажется ей совсѣм естественным — иначе и быть не могло. Удивляться она будет потом, сейчас она может только восхищаться.

— Теперь нам над^о серьезно поговорить, — он поставил бутылку обратно в никелированное ведро, и квадратики искусственного льда загремѣли мерзлыми голосками: — Да, да, да, надо.

Она взглянула на негг. «Серьезно» не встревожило ее. Вѣдь все было очень серьезно, восхитительно серьезно. Она знала, что ничего, кромѣ добра, она не могла ждать от него и ст их будущаго.

— Нам надо рѣшить вопрос, — продолжал он, — ѣдем-ли мы вмѣстѣ в Крым, или сразу домой, в Нью-Йорк?

Она даже не удивилась. Иначе и бытъ не могло. Она сидѣла тихо, не шевелясь, и слушала его.

— Правильнѣе было бы сразу ѣхать домой и из Нью-Йорка поѣхать на какой-нибудь морской курорт, но если ваше здоровье...

— Мое здоровье — пустыки. Но, чтобы уѣхать, нужно разрѣшеніе, а его мнѣ ни за что не дадут.

— Ну, женѣ американца вряд-ли могут отказать в правѣ выѣзда. А мы завтра же повѣнчаемся в нашем посольствѣ. У вас бумаги в порядкѣ?

Если называть порядком, что в ея труд-книжкѣ написано «разведенная»... Она кивнула.

— Мы еще вернемся в Москву, — говорил он. Пѣніе то заглашало, то заставляло звучать его голос громче, будто он нырял среди свѣтлых сугробов тишины. — И тогда мы поѣдем в Крым. Я еще утром рѣшил, что мы непременно должны вмѣстѣ побывать в Крыму. И всюду, гдѣ проходило ваше дѣтство.

Что он знал о ея дѣтствѣ? Что он знал о ней? Нѣтъ, покой не был таким плотным и защищающим, он вдруг разорвался, как облако, и куски его уже неслись полосками дыма над ея папирсой, уже плыли гдѣ-то под потолком, уносимые цыганскими голосами. И эти цыганскіе голоса... Что они теперь пѣли? Ея сердце замерло от тревожнаго недоумѣнія:

*Обидно, досадно до слез и до рыданья,
Что в жизни так поздно,
Мы встрѣтились с тобой.*

Поздно. Развѣ? Развѣ слишком поздно? Ей не приходило в голову. Может быть, дѣйствительно, уже слишком поздно?

А он говорил:

— Ваше сказочное, трагическое дѣтство. Всю его прелесть и весь ужас его вы никак не можете забыть. Но я постараюсь вылѣчить вас от воспоминаній.

«Прощай на вѣчную разлуку!» — пѣли цыгане. Голос Рональ-

да сливался с отчаянными гортанными цыганскими рыданиями о разлукѣ, о прощаніи.

Это было невыносимо. Нѣтъ, она больше не могла слушать. Ей хотѣлось встать, уйти, убѣжать. Она чувствовала, что не должна здѣсь больше оставаться, что ей надо бѣжать отсюда, спастись.

— Уйдем, — сказала она растерянно. — Мнѣ не нравится, как они поют.

Он сейчас же согласился и поднял руку, подзывая лакея. Но лакей не видѣл, и открывавшаяся перед ней, как дверь, возможность спасенія захлопнулась в горьком цыганском выкрикѣ.

Ему не хотѣлось уходить отсюда. Он, нагнув голову, взглянул на нее просительно и робко.

— В сущности, здѣсь очень пріятно. И вмѣсто того, чтобы спросить счет, он заказал еще бутылку шампанскаго. Если бы не эта бутылка...

«Уходи, уходи», — звенѣли гитары. «Уходи». Но она уже не могла уйти. Она понимала, что не слѣдует больше слушать цыган. Но она была захлопнута в мышеловкѣ. Ах, все равно. Она, кажется, пьяна.

— Я просто устала, — уговаривала она себя. — Я слишком устала и я слишком счастлива.

Рональд говорил:

— Мы полетим на аэропланѣ. Иногда полеты бывают мучительны.

О, нѣтъ, для нея это будет, как полет в рай. О, скорѣй бы только улетѣть. Навсегда. Америка. Развѣ существует Америка, такая Америка, в которой она будет счастлива?

А он продолжал:

— Это очень странно. Вы — знаменитая балерина и вы так красивы, а у меня, глядя на вас, сердце сжимается от жалости. Несмотря на двойной блеск вашей красоты и знаменитости, вы постоянно кажетесь мнѣ маленькой дѣвочкой, заблудившейся в лѣсу. Мнѣ постоянно хочется защитить вас от волков и разбойников, отвести вас домой, накупить вам игрушек и конфет. Я никак не могу забыть, что вы были таким несчастным ребенком.

— Развѣ я рассказывала вам о моем дѣтствѣ? — Она не помнила, может быть, она и нагала ему какую-нибудь фантастическую исторію.

— Нѣтъ. Но я знаю все о вас. Оттого, что я люблю вас.

Логично. Может быть, такая упрощенная логика годится в Америкѣ, но не здѣсь, в Москвѣ.

— Что же вы знаете обо мнѣ?

Этого вопроса не слѣдовало задавать. Он прозвучал, как вызов.

Он так и принял его. Он тряхнул головой, и лицо его вдруг стало мальчишеским — смѣлым.

— Все знаю. Все. Отвѣчайте, был ваш отец князь? Был он близок к царю? Воспитывала вас англійская nurse? Разстрѣляли

Большевики ваших родителей? Остались вы одна на свѣтѣ. И не было-ли чудом, что вы, наконец, попали в балет. Вѣдь, все это правда? Отвѣчайте.

Отвѣчайте... Но он был так увѣрен в правотѣ своих слов, он так ликовал, так гордился своей пронзительностью, что она могла бы просто вздохнуть и склонить голову или улыбнуться и промолчать, и это было бы принято им за подтвержденіе.

— Ваше трагическое, волшебное дѣтство...

«Молчи, молчи», — совѣтовали гитары. Но как молчать? Развѣ можно молчать. Вѣдь он любит не ее, а несуществующую маленькую княжну с разстрѣянными шапкой-мамой. И все только ложь и обман. Та же ложь и тот же обман. Она вдруг увидѣла перед собой огненную догорающую линію, перечеркивающую ее будущее. — Молнія, — подумала она. И оцепенѣла от страха. От страха перед тѣм, что она сейчас сдѣлает, не может не сдѣлать.

— Молчи, молчи... — Это не титары, это стучало ее испуганное сердце. Молчи! Опять эта молнія. В ее ослѣпляющем блескѣ она видѣла все свое прошлое, все прошлое, которое непременно надо было рассказать. Не когда-нибудь потом, а здѣсь и сейчас сознаться во всем до конца. Без этого будущее невозможно.

Надо во всем сознаться, все рассказать, чтобы настало полное пониманіе, полная райская близость. Нѣтъ, нѣтъ, она ничего не скажет. Она крѣпко сжала руки, крѣпко сжала колѣни — не скажу. Буду молчать. Она понимала, что сжимает руки и колѣни, но она больше не чувствовала их. Их не было, они исчезли. Она хотѣла держать губы крѣпко сжатыми. Но онѣ, против ее воли, уже раскрывались, онѣ уже произносили какія-то слова. Сквозь шум в ушах, стук сердца и цыганское пѣніе она слышала свой голос.

— Это все неправда. Мое дѣтство не было ни трагичным, ни волшебным. Нѣтъ, мой отец не был князем. Он был обыкновенным доктором, даже не лейб-медиком. Петербургским доктором с большой практикой, но никакой роскоши у нас не было. Моя мама до замужества была учительницей англійскаго языка, она со мной всегда говорила по-англійски. Послѣ революціи жить стало трудно, но никто не преслѣдовал, не разстрѣливал моего отца. Он погиб вмѣстѣ с мамой в желѣзнодорожном крушеніи. Тогда тетя отдала меня в балетную школу...

— Правда? Но вѣдь, это в тысячу раз лучше! Ваш отец был доктором, как я, как мой отец? Я, конечно, мирился с вашим княжеским происхожденіем, но я, в сущности, терпѣть не могу аристократов. — Он радостно разсмѣялся. — Теперь, когда я знаю, кто вы на самом дѣлѣ... Его рука нѣжно коснулась ее плеча.

Она вздохнула и покачала головой.

— Нѣтъ, вы еще ничего не знаете обо мнѣ.

— Самое главное я знаю. Остальное не так важно. Вы расскажете мнѣ все подробно завтра, когда мы будем летѣть домой. У нас будет столько времени.

«Осторожнѣй, осторожнѣй», — звенѣли гитары. — Ты раз-

сказала то, что можно было. Ни слова больше. Молчи, молчи. Но гитары напрасно звенѣли, напрасно совѣтовали молчать.

Рональд улыбался. Она взглянула ему в глаза, и ей показалось, что она видит его всего насквозь, со всѣми его мыслями. Никогда еще ни с кѣм она не испытывала этого. Никто так не умѣл отодвинуть заслонку, отдѣляющую его от остального міра и дать ей заглянуть в себя, как это дѣлал он.

Необходимо, чтобы и он видѣл ее насквозь, чтобы он знал о ней всю правду.

— Дѣтство совѣм не самое главное. Может быть, там у вас, в Европѣ, в Америкѣ... А у нас в Россіи самое главное горе. У нас человек начинается не с дѣтства, а с горя, — сказал ея голос.

Лицо его стало озадаченным.

— С горя? Развѣ у вас было горе? Вы так избалованы судьбой, вы — знаменитая балерина, всѣ вас обожают...

— Ложь, — перебила она. — Ложь и обман. Слушайте.

Она, торопясь, боясь, что не успеет рассказать ему всю правду, стала быстро говорить. Но выходило совѣм не то и не так. Слова попадались приблизительныя, неточныя, фразы путались и обрывались. Она думала только о том, чтобы рассказать все, как можно, правдивѣе, без преувеличенія и прикрас, не щадя, не жалѣя себя, не рисуясь — всю правду. Рассказать, чтобы раз и всегда освободиться от прошлаго, уничтожить его. Вот, она признается, и тогда настанет торжество правды и счастья. Но как тяжело, как стыдно признаться. Да, она предала своего мужа. Пусть по глупости, но все-таки предала...

Она сидѣла, глядя прямо перед собой на ковер на стѣнѣ, но она не видѣла ни ковра, ни стѣны. Она видѣла себя, свое прошлое. Вот она в своей бѣлой спальнѣ, блаженно усталая послѣ выступления. Она ждет Андрея. Его шаги в коридорѣ. Она бѣжит ему навстрѣчу — Андрей, мнѣ сегодня аплодировали без конца... Но, взглянув на него, обрывает. — Что случилось? — Ничего говорит он неуверенно. — Выпил за обѣдом лишнее и зачѣм-то прочел эпиграмму на Сталина... Так глупо. В ресторанѣ. Могли слышать сосѣди, лакеи...

— Прочел эту эпиграмму. И он читает. Она его успокаивает. Безобидно, пустяки. Конечно, несторожно с твоей стороны, но ничего не будет... Он вѣрит. И все-таки лучше сжечь кое-какія бумаги. На всякій случай — совѣтует она. Письма Бухарина, Радека, Каменева. — Развѣ ты боишься? спрашивает юн. Ничего не боюсь, но береженого Бог бережет. И он соглашается...

Как ярко горят бумаги в каминѣ, как фантастично! Теперь все в порядкѣ. Можно лечь спать — она ворошит пепел кочергой... Спать, спать — она так устала, а завтра столько дѣла. Завтра у них большой пріем, перед их отъѣздом за границу... Они сейчас же крѣпко уснули. Это была их послѣдняя ночь вмѣстѣ. И весь слѣдующій день они почти не видѣлись — у нея было столько хлопот...

И вот вечер. На ней широкое бѣлое платье с перетянутой

талей. Она улыбается себѣ в каждом зеркалѣ. Весь дом ярко освѣщен. Как красиво. Вездѣ цвѣты. Она кричит мужу. — Ты готов, Андрей! Сейчас начнут съѣзжаться, слышишь уже звонят.

Но это не гости. Это за Андреем. Его увозят к Сталину в Кремль. — Я сейчас вернусь, не говори никому. Лицо Андрея совсем бѣлсе, как его крахмальная рубашка.

Не говори никому. Не так трудно молчать. Она рассказала по секрету двум-трем гостям, и уже все приглашенные знают. Никто не танцует, никто не остается ужинать. Притворно успокаивая ее, гости бѣгут из зачумленного дома.

Вѣра бродит одна по пустой освѣщенной квартирѣ. Скоро Андрей вернется... Вѣдь все недоразумѣние, пустяки. На разсвѣтѣ звонок. Она бѣжит открывать.

— Андрей, наконец то... Но это трое чекистов. Обыск.

Взламывают замки, забирают рукописи и письма. Чекист шарит в каминѣ. Пепел? Документы жгли? Она хочет объяснить. — Помолчите, гражданка, прерывает он ее. — Объясните слѣдователю. Ёдем.

Лубянка, кабинет слѣдователя Штрома. Того самого Штрома, который только что был у нея на приемѣ. Она даже не знала, гдѣ он служит. Для нея он был просто знакомый.

Штрсм так и держится, как знакомый. Предлагает ей кофе и папиросы. Улыбается. — Ну-с, красавица, разсказывайте все. Чистосердечно.

Что все? У нея стучат зубы от страха, несмотря на его любовь и улыбку. Что? Ничего не было. Ничего кромѣ этой глупой эпитафии... Ничего, клянусь!

— *Ничего*, повторяет Штром с разстановкой, будто взвѣсивая тяжесть этого слова, *ни-че-го!* Это то и плохо если ничего. Если так, то даже я не смогу вас спасти. Мнѣ вас очень жаль — такая красивая, талантливая... — Но раз вы упорствуете...

Табачный дым, рѣжущій свѣтъ лампы с рефлекторами, пустые, свѣтлые глаза Штрома, его отвратительная улыбка... — Не понимаю, растерянно шепчет Вѣра — она дѣйствительно уже ничего не понимает...

— Не понимаете? Вы, значит, еще совсем неопытны, совсем наивны. Если вы ничего не знаете, если отрицаете всякую вину — это хуже всего. Развѣ вам не ясно, что утверждая, устанавливая какую-нибудь мысль, вы, вмѣстѣ с тѣм, устанавливаете, утверждаете все, что ей противоположно? А что протвиоположно «ничему»? «Все» протвиоположно «ничему». «Все». И утверждая, что вы ни в чем не виноваты, вы в то же время, тѣм самым, утверждаете, что вы виноваты во всем. А раз во всем, то даже и мнѣ не удастся вас спасти. «Все» слишком всеобъемлюще, его власть безмѣрна. С нею нельзя бороться. Раз вы виноваты во всем — вы погибли.

— Вы бредите. Вы издѣваетесь надо мною.

— Ах, какая красивая. — Вот так, в бѣлом платьѣ, на фонѣ этой синей шторы, я бы нарисовал вас. — В манерѣ Винтергальгера. Да... И подумать, что вся эта красота и прелесть пропадут совершенно даром, без смысла, без пользы. Зря пропадут. Зря.

— Не мучьте меня! — кричит Вфра. — Что вы хотите?

— Я хотѣл спасти вас, — говорит он медленно и грустно. — Мнѣ вас жаль. Но я отказываюсь и предоставляю вас вашей судьбѣ. Вы сами требуете для себя высшей мѣры наказанія.

— Высшей мѣры?

Штром кивнул.

— Да. Разстрѣла. Курите, курите. И — помолчав — спрашивает.

— Объясните все таки, что заставляет вас губить себя? Мужа думаете этим спасти. Напрасная жертва. Он уже во всем сознался — его пѣсенка спѣта... Ну давайте кончать. Предоставляю вас вашей судьбѣ. Сейчас я позволю, и вас увезут в тюрьму. Там вас сумѣют заставить сознаться. Там не то, что я — специалисты... художники на этот счет...

— А если... если... вдруг заторопилась Вфра. — Нѣт, не звоните еще. Не звоните. Вы хотите, чтобы я солгала?

— Нѣт. Нам лжи не надо. Вы должны сказать правду. Вѣдь это чистая правда, что вы ничего не знали о преступной дѣятельности вашего мужа? Мы-то о ней хорошо осведомлены, а вам она совершенно неизвестна. Вы даже не подозревали о ней. Так гдѣ же ложь? Ложь только с его стороны. Он нагнал вам всю эту исторію с эпиграммой. А с вас требуется только правда.

— Если я признаюсь, что не знала, что жгла...

— Тогда вы совершенно свободны и никакого наказанія вам не будет. Простим. Ну, рѣшайтесь наконец. Мужа у вас все равно больше нѣт. А жить вам, душенька, все-таки надо. И на свободѣ лучше, чѣм в тюрьмѣ. Так что же — звонить мнѣ?

— Нѣт, — не звоните. Я сознаюсь. Да, я жгла бумаги и не знала, что в них.

— Минуточку, минуточку. — Штром весь подбирается и натягивается, как то весь заостряется. — Сейчас, сейчас. Все по формѣ. Занесем в протокол.

Он сказал в телефонную трубку: — Пришлите мнѣ стенографистку.

Вфра рассказывает все это, не глядя на Рональда, тихим, монотонным голосом. Будте не о себѣ, будто о посторонней. Слишком много подробностей. Не надо подробностей. Но все равно — Рональд поймет. Он все поймет. И опять подробности. Как невыносимо быть безправной лишенкой, как отвратительно жить в коммунальной квартирѣ, как тяжело мыть пол. Воючая тряпка, грязная мыльная вода. Не только свой пол, но и часть общаго коридора. Нѣт, этого не стоит рассказывать, а вот это надо. Как она поняла, что она предала Андрея. «В тот вечер я рѣшила умереть. Но, вѣдь, очень трудно убить себя. Я не смогла, я струсила, не хватило сил. Я осталась жить». И дальше о том, что она назвала «осталась жить». До звонка Штрома и приказа слѣдить за американцем. Как ее наряжали в чужія тряпки, как ей подкрашивали, как завивали ей волосы в парикмахерской НКВД, как Штром вез ее в Метрополь знакомиться с ним. Нѣт, о том, что Рональд сразу

понравился ей, не надо. Все. Теперь все. И совсѣм правдиво. Без прикрас и жалости к себѣ. Она вздохнула, и ей показалось, что ей прошлое отлетѣло от нея вмѣстѣ с этим вздохом. Она, не рѣшаясь еще повернуться к нему, краем глаза взглянула на Рональда. Но развѣ это был Рональд? Развѣ это он сидѣлъ рядом с ней на ковровом диванѣ? Она не узнала его. Она не понимала, в чем перемѣна, она чувствовала только — это не он. Сердце стукнуло и остановилось. Цыганское пѣніе ворвалось во вдруг образовавшуюся тишину. Гитары все так же звенѣли, но теперь онѣ ничего не совѣтовали, онѣ разсыпались в отчаянно-веселом издѣвательском плясовом мотивѣ.

Она смотрѣла на него широко открытыми, непонимающими глазами. Он протянул руку и вынул из никелированного ведра бутылку, квадратички искусственного льда снова зашептались мерзлыми голосками. Он наполнил ее стакан, и аккуратно поставил бутылку в ведро.

— Выпейте, — и уклончиво прибавил: — Очень интересно.

Интересно? Она ждала всего, что угодно. Только не этого «очень интересно».

Не отрываясь, не мигая, она глядѣла на него. Что случилось с ним? И вдруг поняла. Он замкнулся от нея. Она больше не может взглянуть внутрь міра. Он захопнул форточку, отдѣлявшую его от остального міра. Он стал герметически-закупоренным сам в себѣ. И чрезвычайно, подчеркнуто вѣжливым. Вѣжливым и холодным. — Как он это сдѣлал? — подумала она. Но развѣ было важно узнать «как»? Нѣтъ, важно не «как», а «почему». Почему? Почему? Почему? Значит, он не понял?

Он вѣжливо пододвинул ей стакан. Он вѣжливо наклонил голову.

— Выпейте. А потом поѣдем. Теперь уже дѣйствительно пора. Поздно. — И он, не дожидаясь ее согласія, позвал лакея. Пока лакей подходил, он успѣлъ сказать что-то о цыганах. Но она не разобрала, не поняла, что именно. И, заплатив, он все еще продолжал говорить о цыганском пѣніи, помогая ей встать с дивана, идя вмѣстѣ с ней к выходу.

— Осторожно, тут ступенька, — он вѣжливо взял ее под руку, но это была не его рука, не его прежняя манера поддерживать ее под локоть, так нѣжно и заботливо, с такой скрытой готовностью вести и поддерживать ее всегда, всю жизнь. Он просто помогал женщинѣ, с которой шел, не споткнуться. Эта женщина не была она, Вѣра, это была просто женщина, какая-то женщина, не имѣвшая с Вѣрой ничего общаго. Он был очень вѣжлив с этой женщиной, он занимал ее разговором. Вѣра не знала прежде, что он такой разговорчивый. Она не слушала. Она все еще надѣялась. Сумасшедшая надежда — вот они сядут в автомобиль, они окажутся одни, и он обнимет ее и будет молча цѣловать, как по дороге сюда. Но он отодвинулся в угол. Он даже смотрѣлъ не на нее, а в окно. Правда, он говорил что-то о московских ночах, о

московских фонарях и звѣздах, будто объясняя почему он отвернулся к окну.

Вот он какой, — подумала она. — А я не знала, я совсѣм не знала его. — Ей казалось, что он наивный, откровенный, добрый, но вот, он сидѣлъ рядом с ней, холодный, скользкій, замкнутый на ключ. И чужой, до чего чужой! Даже в то утро, когда они познакомились, он не казался ей таким непонятным и чужим. Тогда в его глазах было ласковое любопытство, и он так привѣтливо улыбался, подавая ей руку в первый раз. Неужели сейчас он подаст ей руку в послѣдній раз?

Автомобиль остановился перед гостиницей. Он помог ей выйти. — Может быть, вы зайдете на минутку ко мнѣ?

Вѣдь он «еще вчера» долго просил ее об этом.

— Нѣтъ, спасибо. Очень поздно, и мы оба устали. — Он снял шляпу, чтобы проститься с ней.

Если стать перед ним на колѣни тут, на тротуарѣ?.. Нѣтъ, и тогда ничего не измѣнится. Он вѣжливо поможет ей встать, он не будет слушать, что она кричит, или, выслушав, пожелает ей «спокойной ночи».

Она протянула ему руку.

— Спокойной ночи, — сказала она охрипшим от тоски голосом и добавила: — Спасибо, — сама не понимая, за что благодарит его.

— Это я должен благодарить вас за прелестный вечер. — Он взял ее руку и вѣжливо потряс ее.

В послѣдній раз, — подумала она. Ночной вѣтер налетѣлъ из-за угла, край ее накидки поднялся, будто умоляя о спасеніи, и снова безпомощно повис.

— Холодно. Простудитесь.

Стеклопанная дверь, сверкая отблеском уличных огней, расплывающихся перед ее глазами, полными слез, завертѣлась перед ней. Она вошла, не оборачиваясь. Он даже не сказал: «до завтра» или: «я позвоню вам утром». И она не посмѣла спросить — «когда мы увидимся?» Она знала, она поняла. Никогда. Никогда больше.

Она проснулась от стука. Вошла прислуга с букетом и письмом.

Вѣра взяла письмо. Прислуга наклонилась и подняла с пола платье и бѣлье. Вѣра ждала, чтобы она ушла.

— Вот, — сказала она, прочитав письмо Рональда. — Так и должно было быть. Уф-хал. Уф-хал, — повторила она на распѣв и положила бѣлый листок на цвѣты.

Через полчаса, так и не позвонив, чтобы ей подали кофе, она вышла из отеля и поѣхала на трамваѣ к Штрому на Лубянку. Она приняла рѣшеніе, егс надо было привести в исполненіе. Ей казалось, что она приняла рѣшеніе во снѣ, но это вряд-ли было так. Она не знала. Но она вышла из отеля и в трамваѣ поѣхала на Лубянку. Штром, сия улыбкой и лысиной, встал ей навстрѣчу и поклонился низко и театрально.

— Волшебница. Ничего подобного я не видѣл и, признаюсь, не ожидал. Даже от вас. — Он подвел ее к креслу и бережно усадил, — не доощивал вас, каюсь, не доощивал. Какая филигранная работа, точность, чистота какая, — он стоял перед ней, восторженно и удивленно глядя на нее. — Талант. Самородок. Вѣдь наш американец уже летит во свояси. Мнѣ только что сообщили. Отбыл на аэропланѣ. По вашему желанію — раз, два и готово.

— Дайте папиросу, — она протянула руку к лежащему на письменном столѣ портсигару.

Штром щелкнул зажигалкой. Вѣра закурила. Штром больше не казался ей страшным, а только очень противным. И лампа больше не пугала ее.

— Я исполнила ваше приказаніе, — начала она рѣшительно...

— Просьбу, просьбу, — перебил он. — Какое я имѣю право приказывать вам. Да если бы и имѣл право...

Она махнула рукой.

— Оставьте. Просьба, приказаніе. Не в словах дѣло. Пусть, вашу просьбу. Вы обѣщали за это помочь мнѣ.

— Обѣщал и готов с радостью. — Он улыбнулся, и брови его зашевелились над засверкавшими льдистыми глазами. — Я уже придумал. Вам в награду...

— Нѣтъ! — она отмахнулась рукой. — Никаких наград. Просто отправьте меня к мужу.

Штром как будто поперхнулся.

— К кому? — переспросил он. — К какому такому мужу?

— К моему мужу. К Андрею Луганову.

— Вот что придумали! — Он свистнул и развел руками. — Не ожидал. Никак не ожидал.

— Я рѣшила, — твердо сказала она, стараясь казаться, как можно, спокойнѣе. — Я хочу уѣхать к нему и жить с ним.

— Но отчего же вы так вдруг рѣшили?

Она устало вздохнула и пожала плечами.

— Вам не все равно, отчего? Рѣшила и все тут. Отправьте меня скорѣе.

— Хорошо ли вы обдумали? Теперь, когда перед вами открывается блестящая карьера...

Она не слушала, она нетерпѣливо перебила его.

— Я хочу еще сегодня уѣхать.

— Так вы серьезно? — брови его все сильнѣе шевелились. — Я думал, вы только интересничаете, дѣну себѣ набавляете. А если серьезно, то я вам на чистоту отвѣчу — нельзя вам к Луганову ѣхать. Нельзя, и благодарите вашего Бога, если вы в него вѣрите, что раньше не уѣхали. Пропали бы вы с ним. Совсѣм.

— Мнѣ все равно. Я не боюсь. Пропадут и пусть. Я хочу быть с ним.

— Не упрямитесь. Вы, вѣдь, умница, поймите. Нельзя. Война на носу... Его в Соловки, в Нарымскій край сошлют. Что же вы и туда за ним хотите?

Она кивнула.

— Хочу. Куда он, туда и я.

— Чепуху несете, красавица. Чепуху. Смѣшно. — Он замѣлся в доказательство, что ему, дѣйствительно, смѣшно. — Выбросьте этот вздор из головы и послушайте меня. — Он стоял перед ней, раскачиваясь. — Я хочу предложить вам хорошую службу. Поступайте к нам. Будете опять царить в балетѣ и все, что только пожелаете — тряпки там всякія, мѣха, духи. Подучитесь здѣсь годок, а там — и за границу. С вашими способностями, с вашей внѣшностью — даешь Европу! Знаменитостью станете. А вы — к мужу. Умора! Ну. по рукам. А?

Он протянул ей руку, широко улыбаясь, показывая свои крѣпкіе, бѣлые зубы. — Не пожалѣете.

Она брезгливо спрятала руки за спину.

— Я уже сказала вам. Отправьте меня к Луганову. Ищите себѣ других чекисток. На меня не рассчитывайте больше. Не дадите уфхатъ, я к нему пѣшком пойду.

Он снова свистнул.

— Да куда же вы пойдете? Знаете вы, гдѣ он? — Он вдруг прищурился и подмигнул. — И увѣрены-ли вы, что вы вообще еще можете добраться до него, что он не попал в ликвидацію? Не уфхал, так сказать, совсѣм. А?

Она вскочила.

— Его разстрѣляли? — крикнула она. — Разстрѣляли? — Она вцѣпилась в рукав Штрома и трясла его. — Разстрѣляли? Отвѣчайте.

Он смутился.

— Ничего не знаю. Но возможно, все бывает. И нечего кричать. Успокойтесь.

Но она не слушала. Она продолжала трясти его за рукав.

— Будьте вы прокляты! Будьте вы прокляты — вы, всѣ вы! Что он вам сдѣлал? Чѣм он виноват? И чѣм виновата я? За что нас погубили? Будьте вы всѣ прокляты, прокляты! Всѣ! И весь ваш Совѣтскій Союз! Разстрѣляйте и меня! — кричала она.

Он разжал ея пальцы и толкнул ее обратно в кресло.

— Сидите тихонько, — приказал он шопотом. — Не кричать! Слышите? Тихонько! — Он схватил ее за плечо. Она заметалась, стараясь сбросить его руку, крѣпко державшую ее. — Не кричать! — властно отчеканил он, и она вдруг затихла и ослабѣла. Она смотрѣла в его блѣдное, жестокое, ненавистное лицо. Его свѣтлые пустые глаза еще приблизились к ней. — Успокойтесь! Вы ничего не говорили. Закройте глаза, дышите ровно. Так... Я ничего не слышал, не понял. Если бы вы при ком-нибудь другом... Но на ваше счастье и в сосѣдней комнатѣ сейчас никого нѣтъ. На этот раз сойдет вам с рук.

Он отпустил ея плечо и, отойдя за письменный стол, сѣл и вакурил, отвернувшись от нея. Она осталась в креслѣ. Она тяжело переводила дыханіе.

— Вот что, Вѣра Николаевна, — заговорил он снова весело. — Идите-ка себѣ домой и полежите до вечера. Отдохните, поду-

майте о моем предложеніи. Я понимаю — нервы. Всѣ женщины болѣе или менѣе истерички. Опять же вам не мало пережить пришлось. Но все-таки скандалить не слѣдует, ни к чему это. Некрасиво и опасно. Впредь будьте осторожниѣе. А теперь забудем, мало ли что бывает? Так вот, подумайте хорошенько и позвоните мнѣ вечером. Поѣдем вмѣстѣ обѣдать, за обѣдом и потолкуем о вашей будущей работѣ. Легкая работа, интересная. Опять заживете знатно. Ну, и в балетѣ моя поддержка. Никакія конкурентки не повредят. Пуше прежняго звѣздой засяете.

Он говорил совсѣм просто, объяснял, улыбался, курил, будто она уже согласилась и так же довольна, как и он, предстоящей «общей работой».

— А сейчас извините. Дѣла. Так вечером позвоните. Сейчас, по желанію, можете ѣхать в Лоскутку или в свою прежнюю комнату вернуться. Завтра переселим вас на новую квартиру. Выберем хорошую. Первый сорт. Ну, до пріятнаго, до скорого...

Она встала. На минуту она заколебалась. А что, если бросить ему в голову тяжелую хрустальную чернильницу? «Промахнусь», — подумала она. — «Только чернила разолью». Она повернулась и вышла...

На лѣстницѣ... Но это была уже не лѣстница Лубянки 2, а лѣстница дома на Басманной. И она не спускалась, а поднималась на верх. Как она добралась сюда? Ъхала или шла? Этого она не помнила. Перед дверью она остановилась. Ключа в сумочкѣ не было. Он остался в карманѣ ея стараго платья. Она позвонила. Сейчас она услышит знакомый грубый окрик: — Шляются тут! Ключи забывают! Нанимайте себѣ слуг, чтобы вам двери открывать!

Но лицо сосѣдки, открывшей двери, было очень любезно. — А мы уже начали беспокоиться. Думали, что вы к нам совсѣм не вернетесь. — Заждались вас, Вѣра Николаевна.

Вѣра Николаевна... Впервые ее здѣсь называют так, а не «эй, вы», или «послушайте, как вас там».

Вѣра, не отвѣчая, прошла мимо сосѣдки в свою комнату. Комната была чисто прибрана, даже окна вымыты и пол натерт. Ея старое платье висѣло на вѣшалкѣ, под ним стояли ея старые гудфи, тут же на стулѣ лежало ея бѣлье и чулки рядом с ея кленчатой сумкой. Все это было прислано из Н. К. В. Д., и сосѣдки догадались. Вот чѣм объяснялось почтительное «Вѣра Николаевна», и вымытые окна, и натертый до блеска пол. Удивительно догадливые люди в Москвѣ!

Вѣра пожала плечами. Ей было не до них. Она торопилась, она вздрагивала от нетерпѣнія. Сейчас, сейчас. Она выдвинула ящик и стала искать. Она искала сулему. У ней была сулема. Двѣнадцать таблеток. Гдѣ же онѣ? Неужели пропали? Она перерыла всѣ свои старыя блузки и рубашки. Что дѣлать, если сулема пропала, если ее украл? Но тюбик с сулемой вдруг выпал из вороха

бѣлья и ударился о дно ящика. Она схватила его и высыпала себѣ на ладонь. — Сейчас, сейчас...

Она положила таблетки сулемы на стол и, взяв графин, торопливо пошла на кухню за водой.

У плиты стояло нѣсколько квартиранток. Та, что открыла Вѣрѣ дверь, обратилась к ней:

— А у меня только что кофе вскипѣл, Вѣра Николаевна. Муж принес отличных булочек и ветчины. Милости прошу.

Вѣра наливала воду в графин. Она думала только о том, чтобы вода попала в горлышко графина.

— Так я вас буду ждать, — квартирантка тронула Вѣру за локоть. — Настоящій кофе со сливками.

Вѣра рѣзко обернулась. Вода продолжала бѣжать в цинковую раковину.

— Убирайтесь к чорту! — крикнула Вѣра. — Слышите, к чорту!

Ей хотѣлось уничтожить, убить этих женщин. Она все еще держала мокрый графин в руках. Она подняла его и, высоко взмахнув им, с размаху, как бомбу, бросила им под ноги.

— Будьте вы прокляты, всѣ, всѣ!

Но графин не разбился. Стекло было толстое. Вода, булькая, побѣжала из его горлышка, образуя лужу на полу. Вѣра повернулась, вбѣжала к себѣ и, захлопнув за собой дверь, бросилась на постель.

Она заплакала, утыкаясь, зарываясь головой в подушку, взвизгивая и хохоча.

Это продолжалось долго. В квартирѣ было тихо. Кто-то осторожно, на носках, подходил к дверям, чьи-то голоса переговаривались шепотом за дверью.

— Валерьянки бы дать. — Нѣт, пусть лучше выплается. Это помогает. Валерьянки потом..

Пусть выплается. Да, она выплакалась. Вся, без остатка. Она выплакала все, всю себя до послѣдней капли. От нея больше ничего не оставалось, кромѣ этой пустой оболочки, этой шелухи, валявшейся здѣсь на постели. И все-таки надо было снова пойти на кухню, поднять с полу графин, наполнить его водой. Вода необходима. Без воды никак не проглотить сулему. А с водой? А с водой развѣ можно проглотить?

Сейчас, сейчас, — уговаривала она себя. — Только полежу немного, отдохну и тогда проглочу, непременно проглочу. Сил хватит, сил всегда больше, чѣм кажется. Но она уже знала, что не сможет проглотить сулему. Она уже не вѣрила себѣ. Умереть не удастся. Опять не удастся. Она так слаба, так боится боли. А вѣдь это больно. Ужасно, невѣроятно больно. Сулема. И, вѣдь, не сразу. А долго, нелѣпо долго. Пока все внутри не сторит, не распадется на куски. Сулема. Нѣт, нѣт..

Она встала и, нетвердо ступая, подошла к столу, взяла всѣ габлетки сулемы и бросила их в ведро.

— Не смогу прсглотить. И никогда не смогу. — Она оглянлась на крюк в стѣнѣ. — Нѣтъ. И повѣситься не смогу, нѣтъ.

Она открыла окно и, держась за подоконник, чтобы не упасть, глубоко вдохнула. Теплый воздух наполнил ее грудь, и она почувствовала что-то отдаленно напоминающее радость. — Живу. Все-таки, несмотря ни на что, живу... Но развѣ мнѣ хочется жить? Отчего я не сознавала, что мнѣ хочется жить? И только сейчас, избѣжав опасности смерти... Но развѣ была опасность смерти? Развѣ, если бы я не разсердилась, не бросила бы графин, я сумѣла бы отравиться? отравиться и умереть?

Она слабо покачала головой. Она не знала. И это не было важным для нея теперь. Раз она осталась жить, надо было думать о жизни, а не о смерти. Но как думать? Голова была совсѣм пуста. Она выплакала всѣ свои мысли, всю свою способность разсуждать. И о чем думать? О чем разсуждать? Не о чем, не о чем. Никакого другого выхода нѣтъ и быть не может. Или смерть, или...

Она вымыла руки и лицо, поправила волосы. А, может быть, я все-таки убила себя, — подумала она, глядя в зеркало на свое блѣдное лицо. — Даже навѣрно убила. Только не помню, когда — ночью, во снѣ, или когда возвращалась от Штрома. И это уже новал, загробная жизнь. И в этой загробной жизни, все наоборот. Сначала было наказаніе, без всякой вины, без всякаго преступленія. Преступленіе начинается теперь. Она отбыла наказаніе и получила тѣм самым право на преступленіе. Иначе не было бы справедливости.

Она вышла в прихожую и взяла телефонную трубку. Не клебаясь, она вызвала Н.К.В.Д.

— Соедините меня с кабинетом товарища Штрома. Срочно. По служебному дѣлу, — сказала она властно.

Веселый голос Штрома отвѣтил:

— Дорогуша, вы? Вот умница. А я уже звонил директору балета. Он в восторгѣ. Всѣ там ждут вас. И квартиру уже нашел. Цѣлых три, на ваш выбор.

— Когда можно их посмотреть?

— Когда хотите. Давайте, я заведу к вам часов в семь, вмѣстѣ посмотрим, а потом пообедаем, вспырснем наш союз. Отлично! Так до вечера. А вы все-таки молодец! Я вами гордиться буду. Въдь это я вас открыл. Не забывайте этого.

— Не беспокойтесь. У меня память хорошая. Пришлите сюда машину через час, — добавила она, будто у нея теперь было право приказывать. — До свиданья. Буду ждать вас в Лоскуткѣ.

Она повѣсила трубку и обернулась. Дверь одной из комнат была неплотно затворена. Подслушивали. Вѣра подошла и постучала в дверь. Хозяйка комнаты сейчас же гостеприимно распахнула ее.

— Входите, входите, Вѣра Николаевна. Мы вас ждем. Садитесь сюда, здѣсь вам будет удобнѣе. — Вѣра взглянула на нее и на трех сидѣвших за накрытым столом женщин. Она небрежно кивнула им и сказала совсѣм новым для нея тоном:

— Вы, надѣюсь, не обидѣлись. У меня нервы разстроились. Мнѣ очень жаль...

— Ну, что вы, что вы, Вѣра Николаевна, — заторопились, перебивая друг друга квартирантки. — Какія там обиды? Это так понятно, мы всѣ нервные.

— А как насчет кофе? — хозяйка комнаты взяла со стола кофейник. — Я мигом подогрѣю. Выпьете, Вѣра Николаевна?

Вѣра сѣла в заботливо пододвинутое ей кресло. Как странно, что она чувствует голод, будто ничего не измѣнилось, будто она еще живая.

— Да, с удовольствіем, — сказала она, сознавая, что этим осчастливила хозяйку.

Ирина Одоевцева.

ПѢСНЬ ВАРЯГОВ.

Встало багряное зарево
И завывают рога.
Время желѣзом ударило,
Тѣни легли на снѣга.

Небо родной Скандинавіи,
Рѣчь водопадов сѣдых..
Все, что когда-то мы славили,
Стало добычей чужих.

Враг подступает безжалостный,
Близок неправедный суд.
В лодкѣ, под огненным парусом,
Скальды навстрѣчу плывут.

Были и будем мы твердыми,
Пусть мы в изгнаньѣ умрем.
Помним туманы над фьордами,
Бѣдный отеческій дом.

Там, над сѣдыми утесами,
Дымных костров огоньки.
Дѣвы с медовыми косами,
Вейте героям вѣнки!

Если велѣнія Одина
К нам донеслись с высоты,
Если изранена родина —
Бейте мечами в щиты!

Синее небо бездонное,
Скалы в блестящем снѣгу.
Взвейся стрѣла оперенная,
В горло вонзайся врагу!

Юрій Трубецкой.

СИРЕНЬ

Новая молочница понравилась Вильмѣ. У нея были веселыя ямочки, когда она улыбалась, а глупенькій хорошенькій носик задорно смотрѣлъ в небеса. Кромѣ того она обладала рѣдким умѣніем узнавать послѣднія новости. Вильмѣ, которая жила с бабушкой на окраинѣ города, в двухэтажном домикѣ, утопавшем в сирени, свиданія с молочницей замѣняли газету. Мѣстную газету покупали немногіе. В ней находили мало интереснаго, ни хроники, ни романов. За новостями обращались к молочницѣ, а она, гремя чанами от молока, ходила из дома в дом и собирала новости, точно с корзинкой.

Молочница рассказывала Вильмѣ об арестах и разстрѣлах, о счастливых, спасшихся за границу и о партизанах, скрывавшихся в болотах и лѣсах. Провѣрять ея рассказы Вильма не могла. Она рѣдко покидала старый дом бабушки и послѣднія недѣли, со времени прихода совѣтской власти, почти не соприкасалась с жизнью города. Снисходительно улыбаясь, она слушала повѣствованія молочницы и в душѣ совѣм им не вѣрила. Тѣм не менѣе слушала она их с удовольствіем. Они разнообразили монотонность жизни и развлекали ее послѣ кормленія кур, мытья посуды и других домашних работ.

Весна едва начиналась и зеленые бутоны сирени еще казались твердыми головками, когда над мирным домом бабушки внезапно разразилась гроза. В дом явились представители жилищнаго комитета и реквизировали весь верхній этаж, двѣ комнаты, в которых помѣщалась Вильма. Пришлось переѣхать послѣшно вниз и Вильма не успѣла захватить даже книги, как в верхній этаж уже вселилось двое военных. Один из них был русскій, смуглый и невеселый; другой латыш, красивый, рослый человекъ с ясными голубыми глазами.

Русскій, Иванов, сразу поссорился с бабушкой. Причиной была кошка, которая переѣхала вмѣстѣ с ним, уродливая и худая, с длинным тонким хвостом и черным пятном на носу.

«Онѣ всюду пачкают и гоняются за птицами», заявила бабушка, которая терпѣть не могла кошек. «Я не позволю заводить кошек в моем домѣ».

Иванов разсердился не на шутку. «Еще неизвѣстно, чей это дом, ваш или народа», отрезнулся он. «Я бы вам посоветовал поменьше разговаривать. Ордер у меня на руках. Все значит в по-

рядкѣ. Скажите спасибо, что я привел кошку, а не сварливую старуху вроде вас».

Кошка осталась, а бабушка долго сидѣла на кухнѣ и шепотом жаловалась Вильмѣ на совѣтскую власть. Большевики были сплошь хамы и звѣри. У них даже выраженье глаз было преступное.

Вильма не возражала, но про себя думала, что бабушка ошибается. В памяти у ней встало лицо новаго жильца, латыша Яниса Кукайниса. Он не производил впечатлѣнія ни хама, ни звѣря, и никакая преступность не сквозила в его ясных, свѣтлых глазах. А между тѣм он, повидимому, принадлежал к разряду людей, которых бабушка называла большевиками.

Вильма вскорѣ разговорилась с Янисом. Как-то утром, проходя к калиткѣ через сад, он пріостановился и с ней поздоровался.

«В этом году будет много сирени, яункундзе», сказал он. «Смотрите, сколько бутонов. Вы мнѣ поможете поискать счастья в ваших цвѣтах?»

Вильма чуть улыбнулась. «Люди должны сами искать свое счастье», отвѣтила она. «Помогать им в этом не слѣдует».

Возвращаясь с работы, он снова задержался в саду. «Скажите, яункундзе», спросил он, «вѣдь вам по моему по утрам кто то доставляет молоко. Сейчас найти молчаника так трудно. Не можете-ли вы попросить вашего молчаника нам удѣлять немножко молока. На нас двоих и пол литра хватит».

«Вы хотите сказать, на вас троих. Большую часть молока будет вѣроятно пить кошка».

Янис засмѣялся. «Нехорошо обижать моего друга, яункундзе. Он славный парень, одинокій, одна кошка у него на свѣтѣ».

Молочница согласилась приносить лишній литр, и к Вильмѣ по утрам у калитки стал присоединяться русскій, Иванов. Он молча слѣдил за движеніями молочницы, пока она переливала молоко в его кастрюлю, молча платил и также молча удалялся.

«Большевик» презрительно говорила молочница, смотря ему вслѣд.

На сирени среди сердцевидных листьев стали раскрываться первые душистые цвѣты. Вильма часами сидѣла в саду за раскрытой книгой, но читала мало. Ея мысли постоянно возвращались к Янису и к Иванову. Впервые она столкнулась с людьми, по внѣшнему облику ничѣм не отличавшимися от обыкновенных смертных, а между тѣм принадлежащими к категоріи большевиков. Они были для нея загадкой, и ее влекло к ним любопытство и желаніе их понять.

Как то вечером, послѣ работы, к ней в сад вышел Янис. Он подошел к скамейкѣ, гдѣ сидѣла Вильма, и, сорвав вѣтку сирени, стал вдыхать ея аромат.

«Всегда вы одна и все читаете», замѣтил он Вильмѣ, улыбаясь.

«Напрасно вы думаете, что я одна», сказала Вильма, «ко мнѣ часто приходит ваша кошка, и мы с ней разговариваем».

«Я не шучу, яункундзе», прервал ее Янис, «вы живете очень

одинокой жизнью. Вы вне коллектива. Нехорошо держаться одиночкой, надо стать членом социалистического общества.

«Что это значит?» спросила Вильма, слѣдя глазами за полетом шмеля.

«Вы, яункундзе, все держитесь за прошлое. Вы не осознали духовнаго и политическаго единенія, созданнаго совѣтским правительством. Вы не понимаете, что сознаніе этого единства является движущей силой, влекущей нас к социальной активности и к товарищеской взаимопомощи. Вы все еще вѣрите в старый режим, при котором человек человеку волк, и не видите, что при совѣтской системѣ человек человеку товарищ».

Он бросил вѣточку сирени, которую все еще держал в рукѣ, на книгу, раскрытую у нея на колѣнях.

«Настанет день, когда вам все же придется посмотреть жизни в глаза, и чѣм скорѣе вы станете членом нашего товарищескаго коллектива, тѣм для вас лучше, яункундзе». Он ласково кивнул ей головой и ушел в дом.

Знаменательный разговор с молочницей относительно ея ботинок произошел как раз на слѣдующій день. Разливая молоко, молочница стала жаловаться Вильмѣ на отсутствіе обуви. «Ужасно быстро снашиваются ботинки, когда ходишь из дома в дом с молоком», сказала она. «Скоро придется босиком ходить, а я не привыкла. Хоть бы найти сапожника, чтоб починить подошву, а то, к кому ни приду, всѣ отказываются: то кожи нѣтъ, то времени».

Иванов, который до этой минуты не вмѣшивался в разговор, а хмуро слѣдил, как молочница отмѣривает молоко, внезапно заговорил.

«Дайте сюда ваши сапоги, и я отнесу в мастерскую при нашей части», сказал он.

Молочница от удивленія пролила молоко, затѣм просіяла и стала его благодарить. «Только как же это», сказала она. «Мнѣ придется сначала дѣсьмой зайти и надѣть другія. Можно, я их лучше занесу сегодня послѣ обѣда». И она улыбнулась ему, показывая ямочки.

Иванов как-то невесело улыбнулся ей в отвѣтъ.

«Хорошо, приходите послѣ трех — я к этому времени буду дома», сказал он.

Молочница пришла в половинѣ четвертаго. Поднялась во второй этаж и нѣсколько минут спустя снова была в саду.

«Развѣ не удивительно?» сказала она, подсаживаясь в Вильмѣ. «Взял ботинки и обѣщал, что будут готовы ровно через недѣлю, в четверг. Попросил, чтоб я за ними зашла в будущій четверг в этот же час. И еще псчинка, говорит, безплатная. Прямо не вѣрится. Везет мнѣ сегодня, яункундзе».

Она собралась уходить, но Вильма ее удержала, чтоб нарвать ей большой букет сирени.

«Какая она хорошенькая», думала Вильма, провожая молочницу до калитки. И дѣйствительно, с руками полными сирени, об-

рамлявшей ее жизнерадостное личико, в свѣтлом льтнем платьѣ молочница представляла очаровательную картинку.

Встрѣчи Вильмы с Янисом тѣм временем стали учащаться. Бабушка ворчала, она не довѣряла Янису. Он был заодно с большевиками, жестокими и безсердечными. Он сам был большевиком и навѣрно сам не сстанавливался перед разстрѣлами и убійствами.

Вильму возмущали слова бабушки. Что Янис большевик и стойкій послѣдователь большевиков и их ученія, в этом Вильма нисколько не сомнѣвалась. Но она не могла повѣрить, чтоб этот человек, говорившій с ней в саду о товарищеской взаимопомощи, мог вдруг оказаться безсердечным убійцей и послать человека на разстрѣл. Она не видѣла в нем признаков преступности и не могла себѣ представить, чтоб он мог проявить жестокость к ближнему.

Сирень была в полном цвѣту, и сад благоухал. Сидя на своей любимой скамьѣ под сиренью, Вильма прислушивалась: не раздастся ли скрип калитки, возвѣщавшій о возвращеніи Яниса с работы домой. Она знала, что по дорогѣ он остановится, чтоб с ней поговорить.

«Как нибудь вечером я вас заберу с собой в клуб», заявил он однажды, лѣниво растянувшись на прохладной травѣ у ее ног.

«Клуб? Какой клуб?»

«Наш, совѣтскій. Не могу я спокойно смотрѣть, как вы тут прозябаете. Надо вас перевоспитать в духѣ социализма. В клубѣ вы поймете, что значит коллектив. Вы научитесь цѣнить социалистическое общество, гдѣ не существует врагов рабочего класса».

«Вы вѣрите всѣм этим словам?» спросила Вильма.

«Каким словам?»

«Да словам о товарищеской взаимопомощи, о социалистическом обществѣ».

Янис медленно закурил. «Странная вы, яункундэ», сказал он, «вѣдь этому учит меня партія, а я партійный. Это же принципы построения совѣтскаго общества. Как же мнѣ не вѣрить?»

«И вы вѣрите в...»

«Я вѣрю во все то, чему меня учит партія, яункундэ».

Он стряхнул пепел с папиросы и поднялся с травы. «На днях и вас поведу в клуб», сказал он на прощаніе.

К радостному удивленію Вильмы на слѣдующій день, в среду, вмѣсто Иванова за молоком спустился Янис. Она сперва подумала, что он явился, чтоб имѣть возможность лишній раз с ней поговорить, но его заспанный и непривѣтливый вид сразу ее разубѣдил. Янис спустился за молоком и в четверг, и Вильма, внезапно вспомнив, что уже дня два, как не видѣла русскаго, хотѣла, но как то не успѣла, спросить — не болен ли Иванов.

Около часа спустя к сѣну кухни подошел человек с портфелем. Он поздоровался с Вильмой и сказал, что хочет поговорить с Ивановым.

«Не знаю, дома ли он», отвѣтила Вильма, которая в это время мыла посуду. «Подымитесь навѣрх и постучите».

Повидимому, дома не оказалось никого, и человек с портфелем вскорѣ ушел.

Второй посѣтитель явился часов в двѣнадцать. Это был человек в кожаной курткѣ, который, стоя у калитки, крикнул Вильмѣ через весь сад, что хочет видѣть Иванова.

«Его нѣтъ дома», крикнула Вильма в ствѣт.

«А гдѣ он?»

«Откуда я знаю», не двигаясь с мѣста отвѣтила Вильма. Она лежала ничком на травѣ, всѣм тѣлом прикасаясь к теплой мягкой землѣ. Ей казался, что она чувствует бѣненіе жизни этой земли, и что она является неотъемлемой частью ея. «Хорошо жить на свѣтѣ», подумала она и не замѣтила, как заснула.

Ее разбудил грохот колес извозчика, подѣхавшаго к калиткѣ по плохо мощенной улицѣ. Еще не вполне очнувшись от сна, она приподнялась и увидѣла, как с пролетки сошел Янис в сопровожденіи трех человек. Она узнала двух утренних посѣтителей. Третій был солдат с ружьем. Янис сткрыл калитку, и всѣ четверо прошли по тропинкѣ в дом. Солдат шел послѣдним, и его тяжелые сапоги ударились с гулким стуком об деревянные ступеньки лѣстницы, ведшей в верхній этаж.

За обѣдом бабушка и Вильма молчали, сосредоточенно прислушиваясь к звукам, доносившимся с верхняго этажа. Не было сомнѣнія, что наверху творится что-то неладное. Слышались шаги, голоса, но разобрать, что говорится, было невозможно. Волнуясь за Яниса, Вильма сперва не обратила вниманія на знакомую фигуру, которая появилась на тропинкѣ и легкой походкой направилась к дому. Ее лишь удивило, что молочница приходит в такой неурочный час. И только замѣтив отсутствіе обычных крынок молока, Вильма внезапно вспомнила обѣщаніе Иванова вернуть починенные башмаки в четверг послѣ обѣда.

Ну, да, конечно, вѣдь сегодня был четверг. Вильма вскочила из за стола и подбѣжала к окну, чтоб предупредить молочницу, но не успѣла. Молочница скрылась за входной дверью и быстро поднялась по лѣстницѣ в верхній этаж.

Прошел час, и в дверях снова показалась молочница. Она была не одна. Ей сопутствовали два утренних посѣтителя, а сзади шествовал солдат с ружьем. Извозчик все ждал у калитки. Молочница и ея спутники сѣли в пролетку, которая отѣхала, громяхая деревянными колесами по круглым булыжникам мостовой.

Когда все затихло, Янис спустился в сад.

«Обыск», сказал он спокойно, улыбаясь испуганной Вильмѣ. «Обыск у Иванова».

«У Иванова? Боже мой! Почему?»

Янис медленно зажег папиросу.

«Иванов оказался предателем, янкундзе. Выяснилось, что он поддерживает связь с фашистскими группами за границей и переписывается с родственниками, ярыми врагами совѣтской власти».

«Боже мой... Что же с ним сдѣлали?»

Янис сильно затянулся папиросой и выпустил большое кольцо дыма раньше, чѣм отвѣтил:

«Пока ничего. Его, псевдимоу, предупредили, и он скрылся. Но если его поймут, ему, конечно, не сдобровать. За измѣну полагается высшая мѣра наказанія».

«Что вы говорите! Бѣдный, как мнѣ его жаль».

«Предателей жалѣть не приходится», холодно сказал Янис.

«Но вѣдь это же ваш друг...»

Янис, откинувшись на спинку скамейки, продолжал курить и ничего не отвѣтил.

«А молочница?» наконец спросила Вильма. «Ее увезли?»

«Да, забрали, чтоб провѣрить ея отношенія к Иванову. Она растерялась, когда увидѣла чужих людей, что, конечно, возбудило подозрѣнія».

«Развѣ она не объяснила, что просто зашла за бстинками?»

«Что то она объясняла, но я не прислушивался».

«Но неужели вы не вмѣшались, когда ее увезли? Вѣдь Иванов навѣрно вам говорил о ботинках? Вы могли подтвердить ея рассказ».

«Ничего я не мог подтвердить, так как знаю все дѣло только со слов Иванова, а предателю вѣрить нельзя».

«Ну с какой стати он стал бы вам лгать о ботинках. Он же ваш друг».

«Иванов предатель, а предатель не может быть моим другом», шрервал ее Янис. «Самое лучшее, что вы можете сдѣлать, это вообще забыть об его существованіи. А относительно молочницы не волнуйтесь. Ее отпустят, как только будет доказано, что она не виновна».

Разговор на этом прекратился. У Вильмы он оставил чувство неудовлетворенности. Она не понимала, как можно сразу, в одно мгновение, отказаться от дружбы с человеком, хотя бы и предателем. Ей казалось естественным, чтоб извѣстіе о предательствѣ друга вызвало чувство горя, боли, или обиды, но никак не полного безразличія. Как она ни старалась понять и стать на сторону Яниса и убѣдить себя, что дружба с преступником невозможна, ей все же было жаль Иванова. Она дождалась ухода Яниса в город, собрала нѣсколько стремижек, оставшихся от завтрака, и, подзвав коцку Иванова, накормила ее, чтоб не замѣтила бабушка, под сѣнью сиреневых кустов.

На слѣдующее утро молоко принес мальчик лѣтъ 16-ти, худенькій и застѣнчивый. На взволнованные вопросы Вильмы он сообщил, что сестру его еще не выпустили, и что он будет ее пока замѣнять. Он добавил, что слышал от знакомого, пріятель котораго работает в МВД, что ее еще не подвергали допросу. Затѣм мальчик поблагодарил Вильму за ея участіе и за вниманіе к сестрѣ. Он вспомнил чудный букет сирени, подаренный Вильмой молочницѣ, и объяснил ей, как цѣнила его сестра такое дружеское отношеніе.

Прошло два дня, а молочница все оставалась под арестом. Ве-

чером Вильма стала нетерпѣливо поджидать возвращенія Яниса. Услышав скрип калитки, она кинулась ему навстрѣчу.

«Надо немедленно принять мѣры», воскликнула она. «Вы должны сейчас же пойти и сказать им, что она ни в чем не виновна, а просто зашла взять ботинки».

«Чего вы от меня хотите?» сказал Янис и стал разсѣянно отщипывать цвѣты с вѣтки сирени: «мнѣ даже неизвѣстно, в чем ее обвиняют. Если я вмѣшаюсь, сразу рѣшат, что я заодно с Ивановым. И так уж я на подозрѣннн, как со-квартирант. Мое положеніе очень щекотливое, а вы никак не можете этого понять».

«Я понимаю прекрасно», с возмущеніем сказала Вильма. «Я понимаю, что она ни в чем не виновна, и что вы бситесь заступиться за невиннаго человѣка».

Янис пожал плечами. «Вы говорите глупости», сказал он. «Вы забываете, что я партійный, а партія требует всегда быть на чеку. Как член партіи и гражданин совѣтскаго союза, я не могу заступаться за измѣнника. Вѣдь и она и Иванов обвиняются в измѣнѣ, в величайшем преступленіи пртив совѣтскаго правительства».

Вильма сердито от него отвернулась и ушла к себѣ в комнату.

«Вѣдь это же дикая чепуха, какое то сумасшествіе», думала она, нѣсколько успокоившись немного погодя. «Невиннаго человѣка обвиняют в измѣнѣ, но сказать, что он невинен нельзя, потому что раз его обвиняют, значит, он измѣнник. А еще гсворят о том, что человѣк человѣку товарищ. Это просто ужас какой-то».

Сирень кончилась. Коричневый ободок показался на послѣдних блѣдных цвѣтах, а молочница все продолжала сидѣть в заключеніи. На мальчика, брата ея, было грустно смотрѣть, так на него вліяло отсутствіе сестры. Мальчик рассказывал, что знакомый, пріятель котораго работает в МВД, считал ея положеніе неблагопріятным. Ее обвиняли в любовной связи с Ивановым и подозрѣвали, что ей извѣстно, гдѣ он скрывается. Что-же касается ботинок, ея словам не вѣрили. Ботинки, правда, были найдены под кроватью Иванова, но со стоптанными каблуклами и дырявой подошвой и, слѣдовательно, ни в какой мастерской они не побывали, а были повидимому просто забыты во время очередного ночного посѣщенія.

«Попросту забыл отдать в починку, как узнал, что за ним идет слѣжка, и его могут с минуты на минуту арестовать», с горечью подумала Вильма.

Послѣ разговора с мальчиком, Вильма снова стала поджидать Яниса. Солнце уже сѣло, когда раздался скрип калитки.

С бьющимся сердцем и вся пунцовая от волненія она ему передала рассказ мальчика.

«Всѣ эти обвиненія гроша мѣднаго не стоят», закончила она, задыхаясь от возмущенія; «чего было молочницѣ приходить сюда, если ей было извѣстно, что Иванов бѣжал, и гдѣ он скрывается? Во всем этом нѣтъ ни доли правды».

«Я вам уже нѣсколько раз повторял, что дѣло молочницы меня не касается», раздраженно сказал Янис, порываясь уйти.

«Да, не поймите вы наконец, что эта женщина сидит уже больше двух недѣль и совершенно неизвѣстно, сколько еще будет сидѣть! А вам стоит сказать слово, и ее тотчас отпустят. Вы говорите о товарищеской взаимопомощи, а сами пальцем не хотите двинуть».

Он попытался ее отстранить. «Я не знаю ничего, что послужило бы на пользу слѣдствію», заявил он наконец. «А что касается товарищеской взаимопомощи, какой она мнѣ товарищ, когда она любовница предателя».

«Вы безчеловѣчны, вот и все», воскликнула Вильма в отчаяніи. «Вы так все выворачиваете, что просто теряешь голову и не знаешь, что вам отвѣчать. Вы потеряли всякія человѣческія чувства. В вас живет лишь страх, страх за свою судьбу, страх перед наказаніем, перед начальством, перед вашей партіей. И вот вы притворяетесь, что вѣрите всей этой чепухѣ. А вы попросту боитесь, боитесь за свою шкуру».

«Пустите меня».

«Что-же боитесь, а я не боюсь», продолжала Вильма, крѣпко держась за его рукав. «Я пойду к ним и все им объясню. И про ботинки, про то, что она совѣм не знала Иванова. Может это и не подѣйствует, но хоть моя совѣсть будет чиста».

«Будь я на вашем мѣстѣ, я бы не вмѣшивался в это дѣло», рѣзко прервал ее Янис. «Подумайте о своей бабушкѣ, раньше чѣм пускаться на всякія глупости».

«Бабушка? При чем тут бабушка?»

«При том, что ваше вмѣшательство в дѣло о государственной измѣнѣ не может не обратить вниманія властей на вас и на всю вашу семью. При том, что ни вы, ни ваша семья не принадлежите к рабочему классу. При том, что ваша бабушка домовладѣлица, и что у нея, как и у Иванова, вѣроятно есть родня за границей. При том, что ваша бабушка женщина старая, и что лагерь в ее годы вещь незавидная. Вот при чем ваша бабушка. А она вам близкій человек, тогда как молочница чужая».

«Боже, какое вы низкое, ничтожное существо! Вѣдь вы это говорите только из страха, что я вас все-таки втяну в дѣло молочницы».

Янис посмотрѣлъ на Вильму с нескрываемой злобой. Когда он заговорил, в его голосѣ Вильмѣ послышалась угроза.

«Как знаете», сказал он. «Пеняйте на себя, если с вашей бабушкой что нибудь случится. Мое дѣло сторсна. Я вас предупредил, а там видно будет».

Вильма почувствовала себя совершенно безсильной. Она не сомнѣвалась, что его предупрежденія были продиктованы страхом, боязнью возможных осложнений. Как могли заподозрить невинную старую женщину, потому только, что ее внучка выступила на защиту правды. Неужели кто нибудь стал бы ее за это арестовывать и куда то ссылать. И тут же Вильма вспомнила молочницу, ее навивныя ямочки и глупенькій вздернутый носик. Ее же арестовали.

Вильма плакала долго и безутѣшно, прежде чѣм ей удалось заснуть. Зато сны ей приснились чудесные. Сад был снова в полном

цвѣту. Вокруг сирени вились и жужжали пчелы, а на скамейкѣ под сиренью сидѣла кошка руссага и старательно умывалась. «К гостям», подумала Вильма во снѣ и тут же увидѣла молочницу, котрая шла ей навстрѣчу, радостная и веселая, с охапкой сирени в руках. А рядом стоял Иванов и улыбался новой привѣтливой улыбкой.

Вильма прѣснулась поздно. Ее разбудила бабушка.

«Такая неудача. Придется снова искать молочника. А найти все труднѣе и труднѣе», ворчала бабушка, распахивая ставни.

«Что такое?» переспросила Вильма, шурясь от яркаго свѣта, заполнившаго комнату.

«Молочник сказал сегодня утром, что больше нам молока носить не будет».

«Это вдруг почему?» удивилась Вильма, потягиваясь и сладко зѣвая.

«Он сказал, что ему тяжело видѣть наш дом. Сказал, что даже сирень в нашем саду ему противна. Оказывается, он вчера вечером встрѣтил своего знакомаго, того, у котораго прїятель работает в МВД. И вот знакомый ему и сообщил. Вчера утром разстрѣляли его сестру».

Мирдза Путниньш.

КАРУСЕЛЬ.

Я люблю оборот многоцвѣтной твоей карусели,
Род земной — золотой, и зеленый, и бѣлый, как лунь, —
Бури терпкаго марта, цвѣтуція вишни в апрѣлѣ,
Пьяный, солнечный май и спокойный, зеленый июнь.

Будет рушить июль свои жаркія грозы нещадно
И медвяный и свѣтлый струиться из августа сок,
И сентябрь подойдет, и тихонькс рукою прохладной
Он приспустит на небѣ сіяющих дней колесо.

И сквозь иней еще просіает прощально природа
Золотым Октябрем, ржавым пурпуром листьев горя,
И как долгіе-долгіе сонные сумерки года,
Будут биться и плакать и мерзнуть дожди ноября.

Закружатся снѣжинки безшумною бѣлою пляской
И рождественской елкой запахнет декабрьская мгла,
И мохнатый январь, новогодней плѣняющій сказкой,
Будет виснуть сосулькой за льдистым рисунком стекла.

Будут пышны сугробы и сини студеня тѣни,
Будут яркими искры и звонкой морозная сталь, —
И сквозь бѣлую смерть, сквозь глухую мятель сновидѣній,
Как ребенок во снѣ, шевельнется несмѣло февраль.

Лидія Алексѣва.

„КАМЕРГЕР И ГИШПАНКА“

ИЛИ „РУССКІЕ В КАЛИФОРНІИ“

(Историческій роман)

(См. «Возрожденіе» т. т. 2-5).

ГЛ. 10. ВОЛНЕНИЕ В МОНАСТЫРЬ СВ. ФРАНЦИСКА

Миссія св. Франциска Ассизскаго лежала милях в трех от крѣпости в началѣ большой красивой долины. Это было богатое помѣстье площадью в пятнадцать квадратных миль плодороднѣйшей земли, частью обработанной бесплатным трудом индѣйцев, духовных дѣтей миссіи, частью лежавшей под паром, лугами и лѣсом.

Когда кавалькада стала приближаться к миссіи, Лангсдорф подѣхал к Рѣзанову с сіяющим лицом.

— Хох эсселенц, а я таки прав! То были Пикусы Ауратусы.

— Какія пикусы? — с удивленіем спросил Рѣзанов, давно забывшій про птиц.

— А тѣ двѣ птицы с золотым опереньем. Это калифорнійскіе дятлы. По латыни Пикус Айратус.

«Пойдет теперь долбить меня этот нѣмецкій пикус!» — подумал с досадою Рѣзанов.

Лангсдорф уже осѣдлал своего коня.

— И представьте себѣ, хох эсселенц, что у этих златокрылых дятлов оказывается прелюбопытнѣйшіе и своеобразнѣйшіе нравы и обычаи...

К счастью Рѣзанова показались ворота миссіи.

— Страшно интересно, милый доктор, и в другое время я вас послушаю с наслажденіем. Теперь же, простите, — мы подѣзжаем.

Мир с полезным нѣмцем был возстановлен.

Перед входом в церковь гостей ждали хозяева миссіи, падре Роман Абеля, высокій и худой, и его помощник, Мартын Ландаэта, толстяк с добродушным лицом. По обѣим сторонам паперти стояли два караульных солдата из крѣпости с мушкетами, — наглядное подтвержденіе слов Люиса о том, как правительство оберегало своих отцов.

Когда Рѣзанов подѣхал и спрыгнул с лошади, солдаты взяли

на караул. Монахи обнажили головы. Кланяясь в пояс, падре Абеля сказал:

— Привѣтствую вас, дорогой гость, издадека приплывшій к берегам благословенной нашей Калифорніи. До сего времени мы лишь по слухам знали о вашей великой странѣ, боголюбивым и могучим императором Александром управляемой, да проидит Господь его дни! С тѣмъ большей радостью видим мы здѣсь, в стѣнах нашей скромной обители, вас, перваго представителя сей великой страны и ея славнаго державнаго властелина. Да благословит же Господь Бог ваше пребываніе в Калифорніи и да ниспошлет Он вам во всѣх ваших добрых дѣлах споспѣшествованіе.

Рѣзанов с лейтенантами подошли под благословеніе падре Абеля, попрыскавшаго их головы св. водой, Лангсдорф же на правах свободомыслящаго натуралиста ограничился тѣм, что лишь галантно раскланялся. Пожали руки монахам, назвав себя, и прошли за ними в церковь, гдѣ в честь высоких путешественников была отслужена короткая служба, во время которой Рѣзанов и лейтенанты, слѣдуя примѣру монахов, преклонили колѣна, Лангсдорф же, вѣрный себѣ, остался на ногах. Послѣ службы, Рѣзанов подошел к столу со свѣчами и взял одну свѣчу, чтобы исполнить просьбу Кончи. Потом, подумав, взял другую: дай-ка, мол, поставлю на всякій случай и за самое Кончу — за исполненіе ея самаго завѣтнаго желанія, а потом скажу ей, — вот обрадуется. Оставив на столѣ золотой, он взял вторую свѣчу, зажег обѣ и поставил мѣстному святому, — Франциску Ассизскому.

Из церкви монахи повели гостей в смежную ризницу похвастаться облаченіем и церковными сосудами мадридской работы, потом в трапезную, гдѣ их ждала легкая закуска с вином.

— Обѣд будет попозже, — сказал падре Абеля, — а пока не угодно ли подкрѣпить силы перед осмотром наших владѣній. Ну-те, отец Мартын, распрядитесь-ка по своей части.

Добродушный толстяк Ландаэта с большой готовностью вооружился бутылксы вина собственнаго издѣлія, разлил его по стаканам из толстаго стекла, причмокнул и подмигнул лейтенантам. Тѣ выпили, крикнули и сейчас же сами подставили свои стаканы.

Рѣзанов поинтересовался, сколько лѣтъ вину.

— А вот сочтем, — отвѣтил толстяк Мартын. — Миссія наша основана была в сентябрѣ 1776 года. В сентябрѣ слѣдующаго, по случаю первой годовщины, я сам первую бочку с этим вином в подвал вкатил. Выходит ему, значит, лѣтъ под тридцать.

Подивились, повторили и пошли осматривать мѣстные достопримѣчательности, которыми монахам не терпѣлось похвастаться. Через кладбище при церкви, гдѣ могил пока было мало, но великолѣпных кастильских роз очень много, прошли в полукруглое зданіе вокруг монастырскаго двора осмотрѣть школу и кустарныя мастерскія, гдѣ неопитыя обоего пола учились под руководством послушников и молодых монахов всяким ремесламъ.

— Да у вас тут универсальная фабрика, — сказал Рѣзанов, посмотрѣвъ мастерскія, — вы можете существовать, добывая и обрабатывая все, что вам нужно, своими руками.

— Так то оно так, — отвѣтил падре Абелья. — На Бога не можем рсчитать. Многомилостив к нам. А все же многого нам не хватает: орудій, инструментов, самых простых необходимых вещей для хозяйства, — стекла, посуды, сковород, кастрюль. Должны бы мы получить все это из «Благочестиваго фонда Калифорніи», как наши склады в Мексико зовутся. Да трудно допроситься у них. И доставка очень дальняя. Вот хотя бы взять топоры. Уж так нужны нам, — как в хозяйствѣ без топора обойтись! А взять негдѣ.

«Так, так, — подумал Рѣзанов. — Конча правду сказала. Топоры вывезут».

Посмотрѣли еще «ранчерню», гдѣ жили всѣ двѣнадцать сотен краснокожих рабочих, и верхом поѣхали любоваться на монастырскіе огороды, поля и дуга, разстилавшіеся на пятнадцать миль в даль и в ширь.

— Истинно блгословен ваш край, — сказал Рѣзанов.

— Да уж такое изобиліе, синьор камареро, что подчас не знаем, что с нашим дсбром и дѣлать, — отвѣтили отцы.

«Тоже запомним», подумал Рѣзанов.

Во второй половинѣ дня вернулись с большим аппетитом в трапезную, гдѣ гостей на этот раз ждал цѣлый пир. Монахи любили сладко поѣсть и попить и были рады случаю, когда они могли позволить себѣ это удовольствие без особых угрызений совѣсти.

Бесѣду вел Рѣзанов. Поговорили о видѣнном монастырском хозяйствѣ, которое он расхвалил на всѣ лады. Потом отцы засыпали его вопросами, и он, отвѣчая на них, стал рассказывать о положеніи церкви и духовенства в Россіи и во Франціи, об іезуитах в Россіи, пригрѣтых Екатериной в то время, как Испанія их гнала, об интригах патера Губера при дворѣ Павла. Затѣм перейдя на болѣе легкія темы, он с юмором рассказал нѣсколько безобидных, но очень забавных придворных анекдотов и, подготовив таким образом почву, закончил своей неудачей в Японіи, изобразив ее в шутливом духѣ. Он был в ударѣ и слушатели были очарованы.

Старое вино развязало языки. Бесѣда становилась непринужденной. Подали всякія сласти — «дульчес» и душистый ликер.

Подошло удобное время приступить к главной цѣли визита. И Рѣзанов велѣл лейтенантам кликнуть Панаева, давно привезшаго подарки на мулѣ, взятом в крѣпости, и тоже уже сладко накормленнаго и напоеннаго монахами. Развязали тюк, и Рѣзанов достал из него два куса тяжелой золотой парчи. Большой кусок он передал падре Абелье с Мартыном, а меньший падре Урія для его миссіи в Сан Хозе. У монахов глаза разбѣжались. Такой роскошной парчи им еще не приходилось видывать. Три куса тонкаго англійскаго сукна на их сутаны привели их в окончательный восторг. Разсыпаясь в благодарностях, они спросили, представляют ли полученные подарки образцы русскаго производства.

— Парча, так вам понравившаяся, русская, — отвѣтил Рѣзанов. — Она из числа тѣх подарков, которые японскій император отказался принять, к счастью для вас.

Посмѣялись.

— А прекрасное сукно?

— О, сукно это аеглицкое, — небрежно отвѣтил Рѣзанов. — Оно досталось мнѣ вмѣстѣ с другими товарами при покупокъ моего корабля от американскаго шкипера.

Монахи переглянулись.

— А много ли у вас такого товара, коли не секрет, синьор камареро?

— Какой же секрет! Порядочно. Сотни двѣ тонн с лишним наберется.

Монахи обмѣнялись еще болѣе выразительными взглядами.

— А позвольте спросить, Су Экселленція, какой же это именно товар?

— Да всякая дрянь, не взыщите на словѣ. Желѣзные и мѣдные издѣлія, кожаные, стекло, фаянс, ну что там еще? Мануфактура, галантерея. Цѣлая лавка. Всего не упомяну.

Монахи пришли в волненіе.

— А на что, собственно, товар этот нужен синьору камареро?

— Да совѣм не нужен. Держу его для балласта в трюмѣ, чтоб корабль не мотало зря.

Падре Абеля воздѣл руки к небу.

— Діос міо! Такая цѣнность — для балласта!

Засучив рукава, толстяк Мартын приступил к дѣлу вплотную.

— Что же, синьор камареро, у вас там и земледѣльческія орудія, может быть, есть?

— Есть.

— И всякіе инструменты, может быть? Рубанки, пилы, косы?

— Есть, есть. Топоров гряда...

Высокій, как жердь, Абеля взмахнул рукавами сутаны, точно птица крыльями.

— Топоры!

Подсучивая все нервнѣе рукава, Мартын продолжал перечислять:

— Может быть, посуда, утварь кухонная?

— Этой дряни, всяких стаканов, тарелок, чашек, бутылок, кастрюлек, сковород — сколько угодно.

Монахи пришли в неопишемое волненіе.

— Синьор камареро, вы не можете себѣ представить, каким богатством вы владѣете! Мы уже два года топоров от нашего «Благочестиваго фонда» добиться не можем, не говоря с прочем. Синьор камареро, продайте нам ваш товар!

Рѣзанов изобразил полное удивленіе, разведя руками.

— Как же я могу? Как я слышал, торговля с иностранцами у вас вѣдь строго запрещена?

— Ах, Экселленція, если б вы знали, какое это для нас счастье! Вы легко можете себѣ представить, какое огромнѣйшее хозяйство у всѣх наших девятнадцати миссій с населеніем в двадцать пять тысяч человекъ. А самых необходимых предметов, чтобы вести такое сложное хозяйство и содержать населеніе, у нас часто не хватает.

— Как справляемся! Миссии, которые расположены поглуше, торгуют себѣ, с Божьей помощью, помаленьку с американскими шкиперами, потихоньку пристающими к их берегам. Ну, а миссиям повиднѣе, как нашей, приходится терпѣть. Подумать только — при таком хозяйствѣ и топоров нѣтъ!

Рѣзанов поддал жару.

— Жаль, жаль. А у меня их должно быть сотни три-четыре зря валяются.

Рукава сунан всѣх трех монахов снова взлетѣли к небу.

— Боже ж, Ты, мой Боже!

Падре Абеля сокрушенно замолчал. Падре Мартин подталкивал его локтем с одной стороны, падре Урія с другой.

Русскіе лейтенанты с Лангсдорфом слѣдили за этой игрой, затаив дыханіе, кое-что улавливая из отрывочных объясненій падре Урія доктору, об остальном догадываясь по интонаціи и мимикѣ монахов и Рѣзанова.

Наконец, падре Абеля взмолился еще раз:

— Синьор камареро, уж, пожалуйста, будьте такой добрый, выручите нас! Уступите ваш товар нам и другим миссиям.

— Друзья мои, да как же я могу! — снова развел Рѣзанов руками. — Всей душой бы рад. Да не могу же я преступить испанскіе законы. Выйдет вѣдь очень неладно, ежели я тайком от вашего правительства начну с вами торговать, пользуясь его гостеприимством. Кромѣ того, для устойчивости корабля мнѣ нужен груз. Я не могу идти назад на Аляску с пустым трюмом.

— Ну, с этой бѣдой справиться легко б, — махнул рукой падре Абеля. — У нас от излишков продуктов склады ломятся. Вам бы, вѣроятно, они пригодились на Аляскѣ?

— Да как сказать? — отвѣтил Рѣзанов с безразличным видом. — Продукты, понятно, хоть съѣсть можно, а товары зря только гниют.

— Вот видите, синьор камареро. Позвольте-ка мы удалимся на минутку обсудить вопрос.

Монахи отошли к окну и с жаром заговорили вполголоса.

Лангсдорф воспользовался случаем и подошел к Рѣзанову.

— Хох-эксцелленс, я преклоняюсь пред вами. Вы геній дипломатин.

И вернувшись на свое мѣсто, он поднял стакан и еще раз крикнул «хох!». Рѣзанов только ухмыльнулся в отвѣт.

Падре Абеля вернулся к Рѣзанову.

— Синьор камареро, поставим вопрос так. О продажѣ товаров нам не будет рѣчи. На это губернатор не согласится. Но вы уступите нам ваш груз в обмѣн на наши продукты. Согласны?

— Пожалуй, если вам так уж хочется, — снизошел Рѣзанов. — Но при условіи, что вы возьметесь сами оборудовать этс дѣло, Монахи вздохнули с облегченіем.

— Да, да, мы беремса. Позвольте приѣхать к вам на корабль, посмотреть товар?

— Сдѣлайте одолженіе. Вы будете желанными гостями.

Мартын Ландарта разлил отвальную бутылку. Падре Абеля поднял стакан.

— Позвольте же, синьор камареро, выпить за успѣх нашего дѣла во славу Божью. Ваше здоровье!

Монахи вышли проводить рѣдких гостей за ворота. Кавалькада быстрым аллюром двинулась в обратный путь. По обычному спокойному виду Рѣзанова трудно было бы догадаться, как все ликовало в нем. Ему не терпѣлось подѣлиться своей удачей с Кончей, которая в теченіе двух дней так тѣсно вошла в его жизнь.

Она ждала его, вышивая, за трельяжем кастильских рсз на верандѣ. При его входѣ черныя бабочки ея рѣсниц вспорхнули.

— Успѣшно?

— Пока очень. Святые отцы так и ухватились за мои товары. Общуют устроить обмѣн на свои продукты.

— Я вам говорила. Остальное предоставьте им, мнѣ и времени. Мнѣ еще мысль пришла в голову. Нѣтъ ли у вас товаров и по нашей женской части?

— Вороха! Тончайшее полотно, китайскій шелк, бархат, шали, туфли, чулки, ленты — масса красивых лент разных цвѣтов!

Она разсмѣялась.

— Вы точно уже настоящій купец расхваливаете свой товар! А муслин с вышивкой есть?

— Вот вы и поставили купца в тупик. Это что ж такое?

— Ну, кисейка такая тоненькая, разбитая узорами. У нас ее очень много носят.

— В таком случаѣ навѣрно есть. Д'Вольф подбирал товары с расчетом на здѣшній спрос.

— Я вам продам все это за хорошія деньги. Наши синьоры и синьориты ухватятся за ваши тряпочки, как отцы за топоры. Только мнѣ нужны образчики. Вот, что мы сдѣлаем. Я позабегу по программѣ ваших развлеченій на завтрашній день. Мы позавтракаем пораньше. Потом Люис повезет вас на охоту неподалеку. Часов в двѣнадцать вы вернетесь к себѣ отдохнуть.

— Очень кстати. Ко мнѣ послѣ полудня пріѣдут отцы смотреть товары.

— Буэно. А потом вы пріѣдете к нам. Я вечером даю байле в честь вашу.

Рѣзанов вдруг заартачился.

— Благодарю за честь, но это невозможно. Мое появленіе на балѣ в комендантском домѣ до пріѣзда вашего отца и до полученія отвѣта от губернатора было бы с моей стороны большой дипломатической безтактностью.

— Да вы что же думаете, — я вам сфициальный бал хочу дать? Ничего подобнаго. Соберется как-кто запросто, и мы стануем под гитары, как это часто у нас бывает.

— Все равно, простите, я пріѣхать не могу.

— Что ж вы будете сидѣть на своей «Юнонѣ» и, слыша музыку, представлять себѣ, как я танцую с другими?

Рѣзанов разсмѣялся.

— Нѣтъ, это, пожалуй, будет слишком большое испытаніе.

— Значит, прїѣдете?

— Что ж с вами подѣлаешь!

— Оптимю! А вот послѣзавтра вы пригласите насъ всѣхъ на «Юнону» осмотрѣть корабль. Мнѣ это в самом дѣлѣ интересно. И кстати покажете намъ ваши дамскіе товары. Но пока мамѣ ни слова об этом. Если заранѣе скажете, мама навѣрно откажет. Она трусиха и ужасно боится воды.

— Как же я ее приглашу?

— В этотъ день вы утромъ к намъ не прїѣзжайте, а пришлите мамѣ записку с приглашеніемъ, конечно, самымъ неофициальнымъ. И тогда я все устрою.

— Какая вы умница!

— А вы свѣчку поставили?

— Дѣв! Одну за Розу, другую за исполненіе вашего самаго большаго желанія.

— А почему вы знаете, что у меня такое желаніе есть?

— Конечно, знаю. Ваше самое большое желаніе сейчасъ, это — чтобы мое дѣло удалось. А хотите вы этого, потому что вы добрая и, во-вторыхъ, потому что, добившись осуществленія нашего плана, вы лишній разъ сами себѣ докажете свою силу, свое умѣнье владѣть людьми. Правда?

— Ну, можетъ быть, правда.

— А за то, что вы такая милая, дайте вашу ручку.

Онъ поцѣловалъ протянутую ручку и задержалъ в своей рукѣ, за-любовавшись ею.

— Знаете, мнѣ думается, это самая прелестная маленькая ручка, которую я когда либо видѣлъ!

— А вы знаете, синьоръ камареро, что у насъ не в обычаѣ, чтобы кавалеръ говорилъ дамѣ такіе комплименты на второй день знакомства с нею. Не знаю, какъ у васъ в Россіи, а испанскіе нравы очень строги. В Мадридѣ, напримѣръ, вы даже не могли бы говорить со мною безъ присутствія дуэньи.

— Я это знаю. Но вѣдь у васъ тутъ дуэней нѣтъ?

— Мы здѣсь на окраинѣ переросли этотъ глупый обычай. Но реха в домѣ у насъ все еще осталась.

— Реха? Что это такое?

Она указала на угловое окно залы, выходившее на тотъ конецъ веранды, гдѣ они находились. На окнѣ была желѣзная рѣшетка.

— А вотъ эта рѣшетка.

— Васъ за эту реху сажаютъ в угол, когда вы нашалите?

Она разсмѣялась.

— Нѣтъ! Какъ бы вамъ это объяснить? Вотъ. Когда кавалеръ начинаетъ чувствовать къ дамѣ, ну, интересъ больше обыкновеннаго, онъ, чтобы сказать ей об этомъ, садится подъ реху снаружи, а дама сидитъ внутри.

— Значит, пора мнѣ подъ реху садиться! Я ужъ давно чувствую къ вамъ интересъ больше обыкновеннаго!

— Давно! Мы с вами только два дня знакомы.

— А мнѣ кажется два года. Вам не кажется?

— Правда! Хоть вы и иностранец, с вами так легко, как рѣдко с кѣм бывало. Мысли и слова так сами и текут. Почему бы это?

— Может быть, потому, что люди мы с вами, как у нас в Россіи говорится, из одного тѣста выпеченные, которым мало того, чѣм довольствуются другіе.

Эти слова напомнили ей разговор с Сантьяго минувшей ночью, и она вспыхнула.

— Я вас еще не поблагодарила за свѣчки. Я, право, очень благодарна вам, синьор камареро.

— И за вторую?

— И за вторую.

Из казарм прибѣжал Люис, чтоб звать Рѣзанова на охоту. Помахав лейтенантам, он вбѣжал на веранду. Пока он говорил с Рѣзановым, Конча подошла к двери. Чувствуя, что лейтенанты говорят о ней, любуясь ею, она сорвала двѣ алых розы и кинула им, смѣясь. Почтительно прижав розы к сердцу, лейтенанты молча склонились в глубоком поклонѣ.

Условившись с Люисом, Рѣзанов вышел. Еще раз поцѣловав ручку Кончѣ, он лихо вскочил в сѣдло и с мѣста взял крупной рысью.

ГЛ. 11. ПЕРЕД БАЛОМ

На слѣдующее утро, перед шоколадом, у Кончи с Люисом слышен очень крупный разговор насчет задуманнаго ею бала. Когда она наканунѣ мельком упомянула об этом, Люис понял, что она разумѣла небольшую домашнюю вечеринку. На это он согласился. Теперь же оказалось, что Конча задумала дать бал в гарнизонном залѣ со многими приглашенными. Этому он рѣшительно воспротивился.

— Без разрѣшенія губернатора я такого официальнаго чествованія русскаго посла допустить не могу, — сказал он. — Самое большее, на что я могу пойти, это — небольшая вечеринка в нашем домѣ без всяких приготовленій.

Конча промолчала. Боясь, что она поставит на своем в его отсутствіе и разукрасит гарнизонный зал для бала, Люис велѣл дежурному офицеру запереть зал на ключ и без его разрѣшенія никому его не давать.

Таким образом, от первоначальной затѣи Кончѣ пришлось отказаться. Но уступать было не в ея правилах. Сейчас же был придуман новый план. Она позвала своего вѣрнаго рыцаря Сантьяго.

— Милый мальчик, у меня к тебѣ большая просьба, — сказала она. — Не ѣзди на охоту.

— Конча, мнѣ так хочется. Подумай, какое это будет удовольствіе охотиться в обществѣ синьора камареро. Я потом об этом всю жизнь буду вспоминать.

— Милый, мнѣ тебя жаль. Но ты мнѣ нужен. Это насчет бала. Вѣдь мы даем его в честь нашего русскаго друга. Надо ему угодить.

— Изволь, я останусь.

Когда все уѣхали, включая Джевараино и нѣскольких гарнизонных офицеров, Конча приказала:

— Теперь, Сантяго, живо за дѣло. Прежде всего скажи к Рафаэлю Саль и скажи ей, чтобы она летѣла сюда. Затѣм отправляйся на «Юнону» и достань мнѣ нѣсколько русских флагов.

— Как я их спрошу, когда там никто не говорит по-испански?

— Умные мальчики объясняются жестами, если им языка не хватает.

Рафаэлла Саль жила с семьей в поселкѣ у лагуны близ миссии. Лѣтъ шесть назад она была «фаворитой» Калифорніи. Несмотря на свои двадцать два года, она и теперь была все так же прелестна, но соперничать с Кончей не могла, и первенство «фавориты» перешло к новой младшей красавицѣ. У Рафаэллы было два главных ухаживателя: Люис и нѣкій Вильям Стурджис, единственный американец из Новой Англии, которому разрѣшено было жить в поселкѣ миссии. Лѣтъ семь назад, когда американцы еще допускались в Калифорнію, слабый грудью Стурджис приплыл туда на одном из кораблей своего отца, очень богатаго бостонскаго купца, чтобы полѣтиться благодатным калифорнійским климатом и винсградом. Почти у входа в залив Сан-Франциско он попал в сильный шторм. Команда и корабль погибли, его одного выбросило на берег. Послѣ больших хлопот ему удалось добиться разрѣшенія остаться навсегда в Сан-Франциско, под строгим условіем не совершать экскурсій внутрь страны и не переписываться с Бостоном без вѣдома коменданта. Стурджис снял акр земли у миссии в поселкѣ и построил свой коттедж. Представительностью молодой бостонец не мог похвастаться: лицо худое в веснушках, рост маленькій. Но он был славный малый, легко со всеми дружился, хорошо танцевал, происходил из старой почтенной англійской семьи. Все это дало ему положеніе одного из самых завидных женихов. Покорила его сердце тогдашняя «фаворита», Рафаэлла Саль, и год спустя по приѣздѣ, он сдѣлал ей предложеніе. Оно было принято не столько самой Рафаэлой, сколько ея родителями. Ввиду того, что жених был американским подданным, ему пришлось обратиться в Мадрид за разрѣшеніем жениться на испанской подданной. Прошеніе осталось без отвѣта. Тѣм временем стала подрастать Конча, обѣщавшая затмить красоту Рафаэллы, и Стурджис начал пріударять за ней. Ей он понравился, как единственный образованный человек, с которым можно было говорить о вещах болѣе интересных, чѣм набившія ей оскомину мѣстные излюбленныя темы: пѣтушійные бои, карты, бѣга, удалство ковбоев на сосѣдних ранчо. К тому же у Стурджиса была довольно большая бібліотека, на которую Конча стала дѣлать жадныя набѣги. Кромѣ того она стала брать у него уроки англійскаго языка. Все это привело к тому, что Стурджис стал считаться одним из трех главных претендентов на руку Кончи. Дру-

гими были: брат Рафаэлы Саль, Игнаціо, первый пѣвец, танцор и наѣздник, и Дон Антонио де Кастро из Монтерея, первый красавец и сорви голова в Калифорніи. И вот теперь, на несчастье Стурджиса, Салья и Кастро, исключительный жених, точно с неба свалился в Калифорнію в лицѣ блестящаго русскаго камергера.

Пока Сантьяго скакал за Рафаэлой Саль и за русскими флагами, охотники успѣшно били куропаток близ залива. Вдоль и поперек его плавали стада выдр, размножившихся здѣсь в послѣдніе годы в изобиліи благодаря запрету русским промышленникам появляться вблизи испанских берегов Калифорніи.

Около полудня пошабали. Проводив гостей до «Юноны», Люис в отличнѣйшем настроеніи вернулся домой и, весело позванивая шпорами, вбѣжал в зал, чтобы похвастаться пред Кончей своими охотничьими трофеями. Вбѣжал и остановился, как вкопанный. Зал был неузнаваем. Вся мебель была вынесена. Двѣ продольныя стѣны были задрапированы в три ряда краснос-оранжевыми испанскими флагами, скрывавшими грубую штукатурку. Одна боковая лицевая стѣна была задрапирована русскими флагами, которые Сантьяго ухитрился таки достать на «Юнонѣ» при помощи сообразительнаго Ивана.

— Это что такое? — рявкнул на весь дом Люис.

Конча, ждавшая с Рафаэлой Саль этой минуты в смежной столовой, выпѣла в залу.

— Ты чего орешь? — спокойно спросила она.

— Я тебя спрашиваю, что это такое? — вновь крикнул Люис.

— Русскіе флаги, — так же спокойно отвѣтил Конча.

— Гдѣ ты их взяла?

— На «Юнонѣ».

— Как ты смѣла? Комендант я тут или нѣтъ? Я тебѣ строго сказал: никаких официальных чествованій!

— При чем тут официальные чествованія? Мнѣ просто захотѣлось придать нашему залу хоть сколько-нибудь нарядный вид. Эти шершавыя стѣны, эти балки над головой, эти полы в щелях — я их ненавижу! Как в такой конюшнѣ принимать представителя одного из самых блестящих дворов Европы! Боже мой, Боже мой! Неужели я ничего лучшаго этих гадких стѣн никогда в своей жизни не увижу!

Она всхлипнула. Люис сразу сбавил тон.

— Ты могла бы задрапировать стѣны одними испанскими флагами. Это бы еще куда ни шло.

— Очень деликатно выставлять на показ свои флаги, не повѣсив рядом флагов страны нашего гостя!

Люис, однако, был неумолим.

— Нѣтъ, этого без разрѣшенія губернатора я допустить не могу. Изволь сейчас же их убрать!

В предвкушеніи предстоящаго триумфа Конча отвѣтила по-латливо:

— Хорошо. Я их уберу. Но развѣшивала их Рафаэлла Саль. И она велѣла тебѣ сказать, что если ты их уберешь, она весь вечер сегодня будет танцовать с одним Вильямом Стурджисом.

А Сурджиса Люис ревновал к Рафаэлю по старей памяти.

Для завершения эффекта, красивая Рафаэлла сама выплыла из столовой и, уперев руки в бедра, прошла мимо Люиса, покачивая ими.

— Да, да, да, — пропѣла она, не глядя на Люиса, — и не только сегодня, а, может быть, и всегда!

Это было слишком. Растерянный Люис быстро выбѣжал.

Вслѣд ему раздался задорный смѣх. Конча, по обыкновенію, торжествовала.

Когда Рѣзанов вернулся на «Юнону», Иван доложил ему, что прѣзжал молодой комендантскій барчук просить восемь русских флагов.

— Да как же ты его понял?

— Показывает на семь. Говорит «байле» и ногами подпльсывает. С собой флаг гишпанскій привез, показывает рядом, мой, русскій надо, и восемь пальцами изобразил. Ну, я смекнул, вѣрно бал вам дают, и флаги русскіе для парада требуются. Поговорил с Панаевым, дали. Ничего? Барчук то больно ладный.

— Ничего то, ничего. Вот только парад этот мнѣ совсѣм не нравится.

Скоро прѣехали отцы Абеля с Мартыном. Задрал полы суктан, лазили с Панаевым в трюм. Их накормили, чѣм Бог послал, напоили «геттингенским пуншем». Они потягивали его с удовольствіем, в восторгѣ потирая руки.

— Товары ваши для нас просто клад, синьор камареро. Клад с неба свалившійся. Тсвары то, видать, англійскойковки? Замѣчательнѣйшіе!

— Все же не понимаю, как вы добьетесь разрѣшенія получить мой тсвар, — сказал Рѣзанов на прощанье.

— С Божьей помощью синьор камареро! Мы так пристанем к губернатору с нашими нуждами и жалобами, что он рад будет дать разрѣшеніе, лишь бы отвязаться от нас.

Когда пришло время одѣваться, чтобы ѣхать на вечеринку, Хвостов пришел доложить, что, как видать в подзорную трубку, гости съѣзжаются к комендантскому дому разодѣтыми в пух и прах. На офицерах парадная форма одна лучше другой.

— Прикажете и нам парадные мундѣры надѣть?

Рѣзанов поморщился.

— Видать, придется. Не ударять же лицом в грязь пред гишпанцами.

В силу того же соображенія он, скрѣпя сердце, велѣл Ивану подать и себѣ полный мундир.

Конча в это время тоже одѣвалась, нервничая и изводя Розу необычайной придирчивостью. Все было не по ней. Роза стояла пред своей госпожей, держа платье наготовѣ. Конча, устав от нервной суеты, вдруг поникла пред зеркалом в истомѣ, склонив голову на руку.

— Как я устала! Что это со мной? И какая я блѣдная!

— Ничуть, барышня. Вы такая красивая, как никогда, сегодня.

Конча помолчала, о чем то задумавшись.

Вдруг голос Донны Игнаціи у порога вернул ее к дѣйствительности.

— Ты готова, Конча? Пора!

Конча провела рукой по лицу, вскочила.

— Живо, живо, живо, Роза!

Платье было в миг надѣто. Став на колѣни, Роза проворными пальцами стянула шнуровку на корсажѣ, внизу оканчивавшемся мыском, еверху ловко обрисовывавшем прелестную упругость юной груди.

Конча поправила в послѣдній раз волосы и взглянула в зеркало на чуть открытую грудь свою и бѣлоснѣжныя покатыя плечи.

— Роза, я прекрасна?

Экспансивная индіанка, стоя на колѣнях с молитвенно сложенными ладонями рук и восторженно устремленными на всю комнату глазами, в экстазѣ прошептала:

— Как королева из королев!..

Конча выбѣжала в зал. Минуту спустя, дѣйствительно, как юная королева, она величественно стояла рядѣм с матерью, с удивительным для нея лѣт достоинством отвѣчая на поклоны собиравшихся гостей.

ГЛ. 12. ГЛУБОКІЙ РЕВЕРАНС.

Зал, принявшій нсвой, праздничный вид, благодаря красиво задрапированным стѣнам, быстро наполнялся. Приглашенные съѣзжались заблагосвременно, чтобы не пропустить момента входа в зал важнаго гостя. Картина быстро наполнявшагося зала была очень нарядна и красочна для такого захолустья. Военные были или в бѣлых мундирах с красными бархатными жилетами и такого же цвѣта штанами и шарфами, или в малиновых мундирах с зелеными жилетами и такого же цвѣта штанами и шарфами. Среди них мелькали сизые фраки с короткими панталонами и бѣлыми чулками с серебряными пряжками молодых синьоров из поселка миссіи и стильные шелковые фраки и панталоны, бѣлые шелковые жилеты и чулки нѣскольких пріѣзжих столичных франтов из Монтерея, гостивших в крѣпости или миссіи. На этом фонѣ желтыми и красными пятнами выступали платья замужних дам из парчи или атласа и пестро мелькали воздушныя платья с цвѣточками всяких цвѣтов на синьоритах такого же фасона, но далеко не такого изящества, как платье Кончи из бѣлаго мерцающаго шелка. Картину дополняли алые мундиры крѣпостных музыкантов-индѣйцев, уроженцев юга. Старшій из них, типичный индѣец с лицом кирпичнаго цвѣта под сѣдыми волосами, прозвищем Гато, что значит кот по-испански, был дирижером.

Когда русскіе гости показались, толпа разступилась, и шествіе вышло довольно торжественным. Впереди шел Рѣзанов во всем блескѣ своего расшитаго камергерскаго мундира с золотым ключом, звѣздой и лентой, с золотыми лампасами на бѣлых панталонах, с золотым галуном на треуголкѣ с плюмажем, которую

он держал под мышкой. За ним попарно шли лейтенанты в полной парадной формѣ, казавшіеся великанами среди малорослых испанцев, и Лангсдорф с Д'Вольфом в черных шелковых фраках, таких же коротких штанах и бѣлых чулках. Лангсдорф, оказавшійся большим франтом, нес в рукѣ тонкій полотняный платок, какіе тогда недавно еще вошли в моду в Западной Европѣ, как часть и мужского и дамскаго туалета.

Поцѣловав руку Донны Игнаціи, Рѣзанов подошел к Кончѣ. Та окинула его восхищенным взглядом.

— Какой мундир, синьор камареро! Миѣ такая роскошь и всѣмъ не могла бы присниться!

— Прикажете открыть с вами бал? — спросил он в оцѣт, в свою очередь охватывая в одно цѣлое восхищенным взглядом всю ее с ног до головы, такую новую для него, праздничную и еще болѣе прелестную в бальном платьѣ.

— Нам принадлежит это почетное право.

— Но что же мы будем танцевать? Я ваших испанских танцев не умѣю.

— Мы уж не так отстаем от Европы, как вы думаете! Ваш вальс нам уже знаком, хотя еще и не очень привился.

Она повернулась в сторону Гато, ждавшаго ее приказа, и подняла руку.

— Вальс, Гато!

Оркестр заиграл мелодичный вальс, подобранный самим Гато из отрывков мотивов, занесенных из Европы в Калифорнію шкиперами, и названный им «Лунный свѣтъ на заливѣ». Рѣзанов и Конча открыли бал, скользя и ловко кружась в вихрѣ вальса на удивленіе всему залу. Только еще одна пара — Люис с Рафаэлой Саль послѣдовала их примѣру. Теперешняя и бывшая «фавориты» были законодательницами в мѣстном свѣтѣ, устанавливавшими в нем всякія нововведенія. Пока только онѣ одни могли позволить себѣ смѣлость научиться этому новому быстрому танцу в обнимку, пришедшему в Европѣ на смѣну степенным на старых классических танцев.

Рѣзанов, слывшій в Петербургѣ одним из лучших танцоров в офицерскіе годы, ловкости своей не утратил, и Конча оказалась достойной ему партнершей. Их вальс вызвал фурор и зависть. Весь зал аплодировал. Сѣв, Конча попросила Рѣзанова сдѣлать тур с Рафаэлой Саль.

— Я вижу — ей смерть, этого хочется. А я на вас люблююсь.

Любоваться было чѣм. Красивая Рафаэлла не боялась надѣть при рыжем цвѣтѣ своих волос ярко-желтое платье, и оно ей шло. При свѣтѣ множества только что зажженных свѣчей золотая пара закружилась, вызывая новые восторги гостей, зависть дам и кавалеров и особенно Лангсдорфа: нѣмец оказался не только большим франтом, но и страстным танцором, и ему не терпѣлось похвастаться своим искусством.

Когда новые аплодисменты смолкли, Конча поднялась, уступив свое мѣсто подлѣ матери Рѣзанову.

— Теперь мы вам покажем наши танцы, — сказала она и снова дала знак оркестру.

— Гатс, борреро!

Двѣ пары стали друг против дружки: Конча с Игнаціо Саль и его сестра с Вильямом Стурджисом. Под музыку в шесть восьмых, напоминавшую старинную испанскую «Паван», танцоры продолжали «балансэ» и «шэн», послѣ этого одна пара выбыла, мѣсто ея заняла новая и танец повторился. Это было граціозно, но однообразно. Послѣ того, как нѣсколько пар смѣнилось, Конча пригласила Рѣзанова.

— Научились?

— Чему учиться!

Стали в пары и лейтенанты с Лангсдорфом и сразу легко протанцовали національный испанскій танец.

Лангсдорф подошел к Рѣзанову.

— Скучно танцуют, хох экселленц. То ли дѣло наш европейскій контраданс. В нем могло бы принять участіе все общество. Не поучить ли?

Рѣзанов спросил Кончу.

— Отлично!

И, встав, она объявила всѣм всеуслышаніе, что доктор синьора камареро покажет фигуры французскаго контраданса, пользующагося успѣхом при всѣх европейских дворах. Раздались аплодисменты. Лангсдорф подбѣжал к эстрадѣ и на скрипкѣ Гатс наиграл ему мотив первой фигуры. Гато схватил его и передал своим гитаристам и скрипачам. Так повторялось перед каждой фигурой. Наладив музыку, Лангсдорф подхватил Рафаэлу Саль, Хвостов хорошенькую Дельфину Ривьера, и через полчаса эти двѣ пары танцовали всѣ шесть фигур хоть куда, а еще через полчаса весь зал плясал их — худо ли хорошо ли — под дирижерством Лангсдорфа, оказавшагося мастером на всѣ руки. Проворный и ловкій, он летал по залу, поправляя ошибки танцующих и бойко отдавая приказанія на смѣси ломанных испанских слов с французскими и португальскими. Когда дѣло наладилось, он вскочил на эстраду, с удовлетвореніем наблюдая результат своих уроков и без стѣсненія покрикивая на учеников и учениц.

— Какой смѣшной нссик у вашего доктора, — замѣтила Конча Рѣзанову. — Он им точно вынюхивает что то все время. Я думаю, он доставил вам не мало хлопот эти дни, стараясь узнать больше здѣсь, чѣм мы могли бы ему позволить.

Рѣзанов с удивленіем посмотрѣл на нее.

— Доктор вам жаловался?

— Бог мой! Как мог он!

— Откуда же вы знаете?

— Догадка, наблюдательность. Что, правда?

— Синьорита Концепціон! Вы все больше поражаете меня! Точно чувствуя, что говорят о нем, Лангсдорф подлетѣл к Кончѣ и Рѣзанову, прося их принять участіе в танцѣ.

— На этот раз, — сказал он, — будет контраданс-монстр.

Он превзошел себя. В шестой фигурѣ весь зал носился в га-

лопѣ, собирався в круг, в «корбейль», выравнивался в цѣпь и бѣгал по сосѣдним комнатам, по верандѣ, по двору, со смѣхом слѣдуя за Лангсдорфом, который, как юркій бѣс неся впереди с развѣвающимися фалдочками шелковаго фрака, с бѣлым платочком в рукѣ, никому не давая отдыха. Даже грузную комендантшу он вовлек в общее веселье и кружил до тѣх пор, пока послная донна Игнація не свалилась на стул, задыхаясь от усталости и душившая ее смѣха.

Рѣзанов почти исключительно танцевал с Кончей. В промежутках между танцами у них не прекращался оживленный разговор. Это было всеми замѣчено, но судачили об этой бальной интимности добродушно. И когда Люис в разговорѣ с Рафаэллой обратил ея вниманіе на поглощенных друг другом Кончу с Рѣзановым, рыжеволосая красавица стѣной стала за всего закадычнаго друга.

— Развѣ наши балы существуют не для того, чтобы позволять себѣ на них немножко больше, чѣм в ежедневной жизни? Развѣ мы с вами никогда того же не дѣлаем?

Люис отвѣтил глупленным взглядом и успокоился.

Уже в десятом часу, по провинціальному, донна Игнація пригласила гостей к ужину. В столовой длинный стол сверкал начищенным массивным серебряным сервизом с фамильными гербами рода Морара. Главныя мѣста были оставлены для Кончи и Рѣзанова: сказав, что она предпочитает распорядиться, не присаживаясь, донна Игнація попросила Рѣзанова вести к столу, вмѣсто нея, Кончу.

Проголосдавшіеся гости без церемоній накинлись на любимую їду: гору устриц, поданных на льду, «тамали» — род пирожков с фаршем из мяса и кукурузы, куриц в рисѣ под густым красным соусом и, в заключеніе, всякія «дульцес».

— Сегодня самый веселый вечер в нашем домѣ с тѣх пор, как я себя помню, — говорила Конча, почти не притрагиваясь к їдѣ. — Ваш доктор уморителен. И ваши великаны-лейтенанты заставили не одно сердце биться быстрее. Вообще, ваш прїѣзд всколыхнул нашу глушь. Тѣм несноснѣе станет она, когда вы уїдете.

— Как может быть несносен рай! — возразил Рѣзанов.

— Да, рай! Это вам так кажется послѣ ужасов вашей Аляски. В этом раю три главных интереса, наполняющіе нашу жизнь. Наши мысли: кукуруза, пшеница и скот. У нас замѣчательная кукуруза, превосходная пшеница и чудный жирный скот. Мы о них говорим с утра до вечера и ночью видим их во снѣ. Может быть, этого не совсѣм достаточно, чтобы наполнить жизнь немножко требовательной дѣвушки? Впрочем, что ж! Живут тут другія, проживу и я. Если вы вернетесь сюда через десять лѣтъ, вы меня не узнаете. Как полагается, я послушно выйду замуж за кого мнѣ прикажут...

Рѣзанов разсмѣялся.

— Будто бы? Что то это на вас не очень похоже! А выбирать у вас есть из кого. Вон сколько у вас женихсв. И всѣ они выгля-

дят такими «славыми, веселыми ребятами. С ними не соскучишься.

— Если находить удовольствие в вѣчных разговорах о пѣтушинных боях и качествах пѣтухов, о бѣгах и качествах лошадей, о ковбоях и качествах скота! Вы думаете, я ничего лучшаго не заслуживаю? Что ж! Взгляните вон на мою большую пріятельницу, Елену де Кастро. Вон, там, эта толстушка рядом с моим братом Джервазіо. По выбору родителей она вышла замуж за одного из наших «славных, веселых ребят». Святая Дѣва благословила ея союз, принося ей каждый год по ребенку в теченіе трех лѣтъ. Елена растолстѣла, успокоилась. Успокоюсь и я. Через десять лѣтъ у меня будет, вѣроятнс, десять дѣтей, я превращусь в бочку и буду без видимой скуки говорить о пѣтухах, лошадях и породах скота. И вам будет очень весело со мной!

— Уж будетъ бы это один выход? Вы намедни упомянули об америкацѣ, замѣтив, что он много интереснѣе других. Посмотрите, как он влюбленно смотрит на вас. Мнѣ нравится его открытое лицо. Судя по глазам, он добрый, честный малый...

— Поставьте нас рядом. Мы удивительно подходим друг к другу! Я страшнс тронута вашими заботами обо мнѣ, синьор камареро. Извольте. Я выйду за милаго Вильяма. Он богат. Я поѣду в Бостон. Буду блистать среди чваншаго и скупого купечества Новой Англій. Я то, с моим характером! Славный Стурджис, как он обрадуется, когда я скажу ему, что вы меня за него прсватали!

Она подняла стакан с вином в сторону Стурджиса, не свсдвшаго с нея глаз и ревниво поглядывавшаго на великолѣпнаго Рѣзанова, и выпила стакан до дна. Лице маленькаго Вильяма расплылось в счастливую улыбку.

— Как сбрадовался, бѣдненькій! Он уж потерял, было, всякую надежду! — Она оглянула стол — Ну, кажется, всѣ кончили, можно вставать.

Она вскочила, разслала во всѣ стороны воздушные поцѣлуи обѣими руками, прося не благодарить и убѣжала. Дамы и нѣкоторые кавалеры потянулись в зал. Другіе остались покурить.

«Дурит дѣвица», подумал Рѣзанов, вынимая портсигар с короной Александра, — подарок его. «Мслодо вино. Убродится, устоится. Иль может быть...»

Его мысли прервал Люис, подошедшій полакомиться турецкими папирсами с длинными мунштуками.

— Оказывается, экселленція, вы отчаяннѣйшій сердцеѣд, — сказал он, улыбаясь и беря папиросу. — Моя сестра от вас без ума. И это немудренс. Вы первый интересный кабаллеро, попавшій в нашу глухую дыру из другога свѣта. И вы совсѣм вскружили ей голову.

Рѣзанов быстро взглянул на Люиса, но сразу убѣдился, что брат Кончи добродушно шутил.

— Но смѣю вас увѣрить, амиго міо, что мы только квиты, — отшутился он. — Что ж дѣлать, что ж дѣлать! Такова, видно, моя судьба!

Оба разсмѣялись.

— Но шутки в сторону, — заключил Рѣзанов, туша папи-

росу и направляясь в зал, — синьорита Концепціон дѣвушка совершенно замѣчательная. Большое счастье имѣть такую сестру.

И, пожав руку Люиса повыше локтя, он вошел в зал.

Кончи еще не было. Синьориты и молодые синьоры, успѣвшія освоиться с блестящим гостем, толпою окружили его, непрерывно стараясь с ним заговорить. Но всѣ онѣ оказались глупышками на один лад и разговориться с ними было трудно. Конча во всѣх отношеніях стояла неизмѣримо выше их.

Вдруг она вбѣжала и хлопнула в ладоши. Пред ней сразу разступились, и по образсвавшемуся проходу она быстро прошла на середину зала, остановилась там, замерла. Лицо ея было блѣдно, глаза горѣли. Постепенно сии полузакрылись, голова, точно под тяжестью волос, медленно запрокинулась. Музыканты, тоже успѣвшіе подкрѣпиться, быстро разобрали свои инструменты. Гато, подняв руку со смычком, впился глазами в Кончу. Ея руки плавно поднялись над головой и вытянулись. Публика сразу отступила к стѣнам. Как одна грудь, весь зал восторженно выдохнул одно многозначительное слово:

— Хота!

И замер в ожиданіи.

Конча шевельнула пальцами вытянутых рук и чуть слышно приказала:

— Кастаньеты!

Сантьяго метнулся к эстрадѣ, схватил поданную ему пару кастаньет и всунул их в руки Кончи. Она дала знак Гато. Оркестр грянул зисыйный мотив хоты.

Вдруг ножки ея простучали быструю дробь, а рука вытянулась в направленіи Игнаціо Саль. Он подскочил, взял ее за руку. Теперь каблук и носки обоих простучали быструю дробь. Вдруг они отскочили друг от друга и поклонились друг другу почти до полу. Потом вытянулись и пустились каждый в быстрый пляс, она — с выраженіем лукаваго кокетства на лицѣ, он — с снисходительным выраженіем горделиваго мужского превосходства. Но не успѣлъ он разойтись, как это выраженіе смѣнилось выраженіем полного конфуза: неожиданным ухарским жестом — щелчком почти у самаго его лица, Конча вдруг прогнала его и быстрым поворстом головы подозвала ему на смѣну его соперника, Антоніо Кастро. Под смѣх публики Игнаціо Саль смущенно ретировался, а счастливый соперник пробил подошвами бравурную трель. Но не успѣлъ он разойтись, как слѣдует, как задерный щелчок у лица прогнал и его, и на его мѣсто был вытребован малenkій Стурджис. Теперь Конча явно повела танец в сторону Рѣзанова. У всѣх мелькнула мысль, что сейчас сна прогонит и третьяго поклонника, и на его мѣсто окажется приглашенным русскій посол. А дальше что? Неужели у Кончи хватит рѣшимости и с тѣм прсдѣлать такую же штуку? «Слуга покорный», подумал и Рѣзанов, малодушно мѣрив глазами разстояніе до двери. Но было поздно. Конча летѣла прямо на него. Уже оставалось не больше десяти шагов. Еще болѣе задорный щелчок, и Стурджис под взрыв смѣха тоже ретировался. Изгнанными, Конча постояла мгновение,

всей своей позой как бы говоря: «Прочь вы всѣ, не вас мнѣ надо!» и легко скользнула в сторсну Рѣзанова. Зал замер. Глаза донны Игнаціи с испугом слѣдили за дочерью, и рот, ахнув, остался открытым. Но лицо Кончи неожиданно утратило надменное выраженіе, глаза скромно опустились, она сдѣлала еще два шага и, широко раздувая юбку вокруг себя по полу, присѣла пред Рѣзановым, точно перед королем, в глубоком придворном реверансѣ. Так неожиданен, понятен, красив и благороден был этот новый жест, что зал дрогнул от крикск одобренія и бурных аплодисментов.

«Да она настоящій талант», думал Рѣзанов, кланяясь Кончѣ в отвѣт. «Как сна выразительно это сдѣлала! И какой реверанс! Хоть прямо сейчас ко двору!»

Не успѣли зрители опомниться, как неугомонная Конча уже придумала спать что то новое. Продолжая импровизированный танец одна, она стала кружиться по залу, все замедляя темп, точно невыразимо устав, послѣ только что пережитаго взрыва эмоцій. Слѣдя за ея движеніями, Гато соразмѣрно замедлял темп хоты.

— Смотрите, смотрите на ея ножки! — восторженным шопотом заговорил вдруг очутившійся подлѣ Рѣзанова Сантьяго. — Смотрите, что она ими дѣлает! Правда чудныя ножки? Я уж знаю, сейчас начнется «Сон». Смотрите, смотрите ножки ея говорят; «как мы устали, как мы хотим спать, мы засыпаем, мы сейчас заснем!»

— Эль Сон! Эль Сон! — снова заволновались кругом. — Теперь фаворита будет танцовать «Сон»!

Руки Кончи опустились и безсильно повисли по сторонам. Глаза полузакрылись. Постоая так немного, она в полной истомѣ подняла руки и с полузакрытыми глазами стала кружиться медленно, все медленнѣе, вся изгибаясь, точно отдаваясь в объятія сна и чуть шевеля длинными тонкими пальцами вокруг лица и головы, характерно передавая таким образом картину засыпанія.

«Талант, талант», думал Рѣзанов. «И какая прелесть! Что из нея может выйти, попади она в опытыя руки!»

Скользя по залу, Конча приблизилась к серединѣ его. Там она остановилась, необычайно граціозно изогнувшись еще раз всѣм тѣлом с выраженіем крайней истомы на лицѣ и замерла, как бы заснула. Зал пришел в дикій восторг. Точно обезумѣвъ от него, испанцы срывали с себя все, что у них было самага цѣннаго при себѣ, — часы, цѣпочки, кольца, булавки из галстуков, выхватывали пригорошни червонцев из карманов, и все это летѣло, как выраженіе их восторга, к ножкам фавориты*), Стурджис, стоявшій рядом с Рѣзановым, сорвал с себя все, что у него было, в заключеніе выхватил из галстука крупный брилліант-булавку и швырнул ее вслѣд за другим. Заражаясь общим волненіем, Рѣзансв,

*) Этот обычай старой испанской Калифорніи имѣл чисто символическое значеніе выраженія восторга. Через нѣсколько дней послѣ бала вещи и деньги в деликатной формѣ возвращались кавалерам через посредство их родных или друзей.

не разсуждая, вдруг отстегнул свой камергерскій золотой ключ и метнул его в общую массу. Замѣтив его движеніе, Конча вспыхнула, подхватила ключ прежде, чѣмъ онъ коснулся пола и, прижимая его къ сердцу, опустила еще разъ в глубокомъ реверансѣ.

Рѣзановъ еще разъ подошелъ къ ней, выражая свой восторгъ.

Тяжело дыша, она прервала его, возвращая ему ключъ.

— Я устала, мнѣ жарко. Сантьяго, милый, дай поскорѣе мою бѣлую мантилью. Синьор камареро, проводите меня на веранду. Ночь должна быть восхитительна.

Куда то метнувшійся Сантьяго, вернулся с бѣлой шелковой мантильей и накинулъ ее на плечи Кончи. Они направились къ выходу. Закадычная пріятельница Кончи, Елена да Кастро, сейчас же взяла под руку Джервазіо и вышла с нимъ вслѣдъ за первой парой, чтобы отвратить отъ Кончи пересуды.

Дойдя до конца веранды, гдѣ розы вились в изобиліи со всѣхъ сторонъ, Конча присѣла на балюстраду. Рѣзановъ сталъ подлѣ нея, прислонясь о столбъ, поддерживавшій трельяжъ надъ головой. Елена с Джервазіо вышли на дворъ и, отдавшись, стали прогуливаться взадъ и впередъ.

Ночь была восхитительна в самомъ дѣлѣ.

— Синьорита Концепціон...

— Конча...

— Конча... Вамъ, конечно, часто говорили, какъ вы несравненно хороши. Но...

Она нервно дернула плечомъ.

— Но никто никогда не говорилъ мнѣ этого с такимъ убійственнымъ равнодушіемъ! Вы говорите это по привычкѣ, синьор камареро?

— Привычки такой мнѣ некогда было завести, Конча. Всю жизнь мою я былъ занятъ. Мнѣ некогда было привыкнуть говорить пустые комплименты.

— И на досугъ теперь вы рѣшили немножко поупражняться.

— Вы злы сегодня, Конча, нервничаете. Нервен и я. Ваши удивительные танцы, эта ночь сейчасъ — напомнили мнѣ, что я... еще живой человѣкъ, а не только винтъ в государственной машинѣ.

У нея с одного плеча сползла мантилья. Оба подняли руки, чтобы исправить ее, ихъ руки встрѣтились. Онъ взялъ ее ручку. Она была горяча, быстро бился пульсъ. Больше трехъ лѣтъ прошло со смерти Ани, и къ другимъ женщинамъ онъ за это время не подходилъ. В эту ночь онъ объ этомъ вспомнилъ.

Конча обернулась къ нему лицомъ. Глаза ея под черными рѣсницами горѣли. Влажные губы полураскрылись. Она в упоръ глянула ему в самые глаза. Это былъ призывъ, это было признаніе.

Его рука уже сжала ея кисть. Но это продолжалось только мгновеніе.

Обычная улыбка вдавила на лицѣ двѣ ироническихъ складки отъ носа къ угламъ рта.

— Впрочемъ, какой я живой человѣкъ в сравненіи с вами! — солгалъ онъ. — Вы вотъ дѣйствительно воплощеніе живой жизни, дитя еще в сравненіи со мною, старикомъ.

Она с досадою вырвала руку.

— Старик! А! Ну, да, конечно, я знаю, вы смотрите на меня просто, как на дѣвченку... Пойдемте в зал. Ничегъ восхитительнаго в этой нсчи нѣтъ. Звѣзды, как звѣзды, небо, как небо! Надо-бло...

И вся сразу потухшая, она направилась обратнс в зал. Елена с Джервазіо нагнали их у порога.

А тѣм временем в залѣ, воспользовавшись отсутствіем Рѣзанова, Хвостов и Давыдов сговорились угостить испанцев русским трепаком. Хвостов напѣлъ мотив Лангсдорфу, тот наиграл его Гато, оркестр бслѣ или менѣ складно грянул казачка, и Давыдов пошел чесать псд шумные аплодисменты всего зала. При входѣ Рѣзанова, он было остановился, сконфузившись, но тст сам захлопал в ладоши и махнул, чтобы он продолжал.

Тогда к Рѣзанову подошел Хвостов.

— Ваше высокопревосходительство, разрешите уж мы с Давыдовым настоящую русскую в полном видѣ изобразим.

— Да сдѣлайте одолженіе. Им этс очень нравится.

Опять напѣли мотив Лангсдорфу, и тот побѣждал учить оркестр. Дамы в нетерпѣннн окружили лейтенантов. Давыдов жестами объяснил, что ему нужен платок для тсловы. Кто то дал ему красную шелковую мексиканскую бандану. Повязав ею голову, Давыдов взял в руку платочек Лангсдорфа и стал русской бабой, только с бородой.

— Я, — ткнул он в себя пальцем, — синьора, он, — показал он на Хвостова, — синьор. Ну, а теперь с Божьей помощью...

И вот, в домѣ испанскаго коменданта Сан-Франциско, под акомпанемент оркестра краснокожих индѣйцев под дирижерством нѣмца, впервые за время существованія Америки, грянула русская. Хвостов пожеманился плечами, пошутил бровью, поскулил лицом и пошел печатать «с кондачка» — с пятки на носок. Потом, помахивая платочком, поплыл Давыдов, и великан Хвостов пустился чесать вокруг него мелким бѣсом.

— Чеси, чеси, чеси, чеси! — поддавал ему жару Давыдов.

— Шиши, шиши, шиши, шиши! — по-своему подхватывал нѣмец.

— Чи-чи, чи-чи, чи-чи, чи-чи! — поощряли испанцы и испанки, хохоча до истерики.

Присутствовавшіе на этом «байле» гости псмнили его до сѣдых волос и при всѣх удсбных случаях рассказывали, как два русских великана-моряка, свалившіеся будто с неба в 1806 году в Калифорнію и оказавшіеся обаятельными людьми, плясали на балу у коменданта Сан-Франциско один свой очень веселый національный танец в присядку, который у русских называется «Чичи»...

По окончаніи русской, Рѣзанов с своими кавалерами скоро уѣхал. Люис с Джервазіо поѣхали прсводить их до берега. Лишь только они скрылись, капитан Де Кастро и Игнаціо Саль подошли к Кончѣ и с мрачным видом попросили ее выйти с ними на веранду поговорить по важному делу. Конча вышла.

— Синьорита Концепціон, — начал капитан, — для вас не секрет, что мы оба любим вас. И мы поклялись друг другу, мы не

допустим, чтобы вы достались кому бы то ни было, кромѣ сдого из нас, тѣм менѣ этому русскому камергеру.

Конча слушала с возраставшим гнѣвным удивленіем. От офицеров шел крѣпкій винный дух.

— Вы с ним сдним провели сегодня весь вечер...

— Вы нас прогнали чуть не щелчками в нос, а пред ним присѣли точно перед королем...

— И послѣ этого вышли с ним вдвоем на веранду.

— Вот наш ультиматум: или вы выйдете замуж за одного из нас, кому выпадет жребій...

— Или мы вызовем этого длинноногого камергера, чорт его дери, на дуэль...

— И превратим его в рѣшетс. Выбирайте!

Конча пришла в бѣшенство.

— Как только вернется Люис, — начала она медленным, гнѣвно вибрировавшим на низких грудных нотах голосом, — я велю ему послать губернатору рапорт об этой вашей выходкѣ, и вас арестуют. — Вдруг она топнула ножкой. — Дрянные мальчишки! Смѣют ультиматум мнѣ ставить! Вот мой ультиматум: вон с глаз моих, пока Люис не вернулся!

И она ушла, гнѣвно хлопнув дверью.

Дѣло женихов было явно проиграно. Оставалось одно испытанное средство: залить горе вином. И, вскочив на лошадей, они ускакали куда-то на всю ночь бражничать.

Событія в комендантском домѣ начинали развертываться.

(Продолженіе слѣдует).

БЛОК И ГУМИЛЕВ

Страшен жребій русскаго поэта
И неотвратимый рок влечет —
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевскаго на эшафот...

М. В о л о ш и н. (Стихи,
памяти Блока и Гумилева).

В 1895 году появилась в свѣтъ тетрадка в 42 страницы под необычайным названіем: “Русскіе Символисты. Сборник первый”.

В тетрадкѣ были стихи никому невѣдомых авторов, весьма странные и по формѣ и по содержанію.

“О, закрой свои блѣдныя ноги”!

восклицал один из поэтов, в “поэмѣ”, состоявшей из этой единственной строки. Другой, рекомендовавший свое творчество как “лирику намеков”, обращался к читателю, привыкшему к Надсону и Апухтину с образцами этих “намеков”:

Мертвецы, освѣщенные газом,
Алая лента на грѣшной невѣстѣ —
О, мы пойдем цѣловаться к окну!
... Это больница, гдѣ в траурѣ дѣти,
Это — на льду олеандры!..

Третій поэт так рисовал картину вечера:

Всходит мѣсяц обнаженный
При лазоревой лунѣ...

“Русскіе символисты” попались в руки Владиміру Соловьеву. Соловьев высмѣял “сборник, не отягощающій читателя размѣрами и увеселяющій содержаніем”, сопроводив свою рецензію собственными пародіями, откровенно говоря, довольно плоскими:

Мандрагоры имманентныя
Зашуршали в камышах,
А шершаво-декадентныя
Рифмы в вянущих ушах...

В разностѣ Соловьева сильно досталось вождю новоявленных символистов, автору “обнаженного мѣсяца, всходящаго при лунѣ” — “некоему Валерію Брюсову”. — “Если г. Брюсову больше четырнадцати лѣтъ, всякія литературныя надежды на его счет неумѣстны”, — был приговор Соловьева. Нѣсколько лѣтъ спустя, тот же Брюсов, уже знаменитость, в предисловіи к своей книгѣ, вызывающе названной

Chef d'Oeuvre, упрекал Соловьева: "Даже вы, — один из наших учителей, не поняли нас"...

Дѣйствительно, даже Владимір Соловьев не догадался, что перед ним не литературный курьез, а начало коренной ломки и переоцѣнки цѣнностей в русской поэзіи, да и не в одной только поэзіи...

Соловьев высмѣял первый и два послѣдних сборника "Русских Символистов". Остальная "большая критика" того времени — Скабичевскій, Михайловскій, Пыпин — не сплзшли даже до этого. Спустя какія нибудь десять лѣтъ, эти вершители литературныхъ судеб, вмѣстѣ с писателями, которыхъ они выдвигали, отошли в тѣнь. Новые люди, называвшіе себя символистами, — шумя на всю Россію, расцѣлили безчисленныхъ послѣдователей и учеников, овладѣли воображеніемъ русскаго читателя, особенно молодежи. Наступила новая эпоха — полная противоположность той, которой она пришла на смѣну. Унылый огород реалистической литературы, вдругъ расцвѣлъ, какъ какой-то фантастическій сад. Пальмы повсей, небывалой поэзіи, выросшія со сказочной быстротой, в уровень (так, по крайней мѣрѣ, тогда казалось) с лермонтовскими, зашелестѣли по новому, но, какъ будто, такъ же упоительно. На тускломъ небѣ російской словесности вспыхнули новыя, яркія звѣзды. На смѣну "Оловянному вѣку" посредственностей, наступил, казалось, новый Золотой вѣкъ.

**

В прошлой книжкѣ "Возрожденія", в замѣткѣ о Вячеславѣ Ивановѣ, я писал: "Что осталось от русскаго символизма? Это долгій и сложный разговор". Я не хочу занимать читателя этимъ разговоромъ — онъ увелъ бы насъ слишкомъ далеко... Говоря коротко — "золотой вѣкъ" длился всего десять или двѣнадцать лѣтъ. Позолота его была сусальной. Фейерверкъ кончился, "звѣзды" упали на землю, вмѣсто сіянія распространяя чадъ. Пальмы оказались искусственными и райскіе цвѣты бумажными... И большинство книгъ того времени — напоминаютъ теперь какія то безформенныя руины — по которымъ можно больше догадываться о напрасно растроченныхъ в "поискахъ" и "дерзаніяхъ" поэтовъ-символистовъ дарованіяхъ, порою исключительно блестящихъ, чѣмъ читать всерьозъ всѣ эти "симфоніи", "вѣнки сонетовъ" и "ассирійскіе сѣверные цвѣты"...

На смѣну обманувшимся в своихъ иллюзіяхъ и — не на долго — обманувшимъ-очаровавшимъ читателя, символистамъ, пришли другіе поэты. Они были мило сдержаннѣй и скромнѣй. Они не стремились создавать сверх-искусство или новую религію, но зато имъ удалось создать такіе стихи, которые мы любимъ, читаемъ и перечитываемъ с волненіемъ, которые и послѣ насъ будутъ перечитываться с волненіемъ и любовью.

Эти поэты, по разному связанные с символизмомъ, многому у него научившіеся и еще больше в немъ отвергшіе — идя каждый своимъ путемъ, не зарыли талантовъ и не растратили ихъ на "дерзанія" и "поиски". Эти поэты: Блокъ, Гумилевъ, Анненскій, Мандельштамъ, Ходасевичъ, Ахматова, пожалуй, Есенинъ, м. б. еще два-три имени.

Блокъ и Гумилевъ, безспорно, первые среди нихъ. Только они двое занимаютъ прочное мѣсто в славномъ спискѣ, открывающемся именами

Державина и Пушкина. Мѣста остальных могут — и будут мѣняться, их точный удѣльный вѣс еще невозможно установить. Но Гумилев и Блок — уже внѣ преувеличеній или недооцѣнок литературной моды, уже вышли на “столбовую дорогу”, стали всенародными. Вполнѣ законно любить стихи Анненскаго или Мандельштама — больше стихов Гумилева или Блока. Можно даже такое предпочтеніе обосновать. Но все таки, оно останется всего лишь личным “особым мнѣніем”, ни для кого не обязательным.

Я близко знал и Блока и Гумилева. Слышал от них их только что написанные стихи, пил с ними чай, гулял по петербургским улицам, дышал одним с ними воздухом в августѣ 1921 года — мѣсяцѣ их общей — такой разной и одинаково трагической смерти... Как ни неполны мои замѣтки о них — людей, знавших обоих, так близко, как знал я, — в Россіи осталось, может быть, два-три человѣка, в эмиграціи — нѣтъ ни одного...

Блок и Гумилев. Антиподы — в стихах, во вкусах, мировоззрѣніи, политических взглядах, наружности — рѣшительно во всем. Туманное сіяніе поэзіи Блока — и точность, ясность, вывѣренное совершенство Гумилева. “Лѣвый эсѣр” Блок, прославившійся в “Двѣнадцати” Октябрѣ: “мы на горе всем буржуям — мировой пожар раздуем” и “бѣлогвардеец”, монархист Гумилев. Блок, относившійся с отвращеніем к войнѣ и Гумилев, пошедшій воевать добровольцем. Блок, считавшій мір “страшным”, жизнь безсмысленной, Бога жестоким или несуществующим и Гумилев, утверждавшій — с предѣльной искренностью — что “все в себѣ вмѣщает человѣкъ, который любит мір и вѣрит в Бога”. Блок мечтавшій всю жизнь о революціи, как о “прекрасной неизбежности” — Гумилев, считавшій ее синонимом зла и варварства. Блок, презиравшій литературную технику, мастерство, выучку, самое званіе литератора, — обмолвившійся о ком то:

Был он только литератор модный

Только слов кощунственных творец...

и Гумилев, назвавшій кружок своих учеников *целом* поэтов, чтобы подчеркнуть важность умѣнія, необходимость изучать поэзію, как ремесло. И, так, вплоть до наружности: сѣверный красавец, с лицом Скальда, вьющимися волосами, в поэтической бархатной курткѣ с мягким разстегнутым воротником бѣлой рубашки — Блок и некрасивый, подтянутый, “разноглазый”, коротко подстриженный, в чопорном сюртукѣ, Гумилев...

Противоположные во всем — всю свою недолгую жизнь, Блок и Гумилев то глухо, то открыто враждовали. Последняя статья, написанная Блоком “О душѣ”, появилась незадолго до его смерти — рѣзкій выпад против Гумилева, его поэтики и мировоззрѣнія. Отвѣтъ Гумилева на эту статью, по гумилевски сдержанный и корректный, но по существу не менѣе рѣзкій, напечатан был уже послѣ его разстрѣла.

Осенью 1909 года Георгій Чулков привел меня к Блоку. Мнѣ только что исполнилось пятнадцать лѣтъ. На мнѣ был кадетскій мундир.

Тетрадку моих стихов прочел Чулков и стал моим литературным покровителем.

Что же описывать чувства, с которыми я входил в квартиру Блока?.. Блок жил тогда на Малой Монастной, в пятом этажѣ.

Большое, ничѣм не занавѣшенное окно с широким видом на крыши, деревья, Каменноостровский. Блок всегда нанимал квартиры высоко, так, чтобы из окон открывался простор. На Офицерской 57, гдѣ он умер, было еще выше, вид на Новую Голландію, еще шире и воздушнѣй... Мебель красного дерева — “русскій ампир”, темный ковер, два больших книжных шкапа по стѣнам, друг против друга. Один с отдернутыми занавѣсками — набит книгами. Стекла другою, плотно затянуты зеленым шелком. Потом я узнал, что в этом шкапу, вмѣсто книг стоят бутылки вина — “Нюи” елисеѣвскаго разлива № 22. Наверху полныя, внизу опорожненныя. Тут же пробочник, нѣсколько стаканов и полотенце. Работая, Блок время от времени подходит к этому шкапу, наливает вина, залпом выпивает стакан и опять садится за письменный стол. Через час, снова подходит к шкапу. “Без этого” — не может работать.

Каждый раз Блок наливает вино в новый стакан. Сперва тщательно вытирает его полотенцем, потом смотрит на свѣт — нѣтъ ли пылинки. Блок самый серафическій, самый “неземной” из поэтов — аккуратен и методичен до странности. Напримѣр, если Блок заперся в кабинетѣ, всѣ в домѣ ходят на цпочках, трубка с телефона (помню до сих пор номер блоковскаго телефона — 612-00!..) снята — все это совсѣм не значит, что он пишет стихи или статью. Гораздо чаще он отвѣчает на письма. Блок получает множество писем, часто от незнакомых, часто вздорныя или сумасшедшія. Все равно — от кого бы ни было письмо — Блок на него непременно отвѣтит. Всѣ письма перенумерованы и ждут своей очереди. Но этого мало. Каждое письмо отмѣчается Блоком в особой книжкѣ. Толстая, с золотым обрѣзом, переплетенная в оливковую кожу, она лежит на видном мѣстѣ на его аккуратнѣйшем — ни пылинки — письменном столѣ. Листы книжки разграфлены: № письма. От кого. Когда получено. Его краткое содержание. Краткое содержаніе и дата отвѣта...

Почерк у Блока ровный, красивый, четкій. Пишет он не торопясь, увѣренно, твердо. Отличное перо (у Блока всѣ письменныя принадлежности отборныя) плавно движется по плотной бумагѣ. В до блеска протертых окнах — широкій вид. В квартирѣ тишина. В шкапу, за зелеными занавѣсками, ряд бутылок, пробочник, стаканы...

— Откуда в тебѣ это, Саша? — спросил однажды Чулков, никак не могшій привыкнуть к блоковской методичности. — Нѣмецкая кровь, что ли? — И передавал удивительный отвѣт Блока. — Нѣмецкая кровь? Не думаю. Скорѣе — самозащита от хаоса.

**

Чулков, близкій к Блоку человек, вошел в кабинет, потряхивая своей лохматой гривой, улыбаясь актерским лицом, тыча пальцем в мой кадетскій мундир. — Вот привел к тебѣ военнаго человека, ты

хоть не любишь армию, а его не обижай"... Я, велѣд за Чулковым, робко ступал не совѣм слушавшимися меня от робости ногами.

Больше всего меня поразило то, как Блок заговорил со мной. Как с давно знакомым, как с взрослым, точно продолжая прерванный разговор. Заговорил так, что мое волненіе не то что прошло — я просто о нем забыл. Я вспомнил о нем, с новой силой уже потом, спустя часа два, спускаясь вниз по лѣстницѣ, с подаренным мнѣ Блоком экземпляром перваго изданія "Стихов о прекрасной Дамѣ" с надписью "На память о разговорѣ".

Потом у меня собралось нѣсколько таких книг, всѣ с одинаковой надписью, только с разными датами. О чем были эти разговоры? Была у меня пачка писем Блока — из его Шахматова в наше виленьское имѣніе, гдѣ я проводил каникулы. Письма были длинные. О чем Блок мнѣ писал? О том же, что в личных встрѣчах, о том же, что в своих стихах. О смыслѣ жизни, о тайнѣ любви, о звѣздах, несущихся в безконечном пространствѣ... Всегда туманно, всегда обворожительно... Почерк красивый, четкій. Буквы оторваны одна от другой. Хрустящая бумага от Друса. Конверты на карминной подкладкѣ. Туманные слова, складывающіяся в зыбко-мерцающія фразы...

Зачѣм Блок писал длинные письма или вел долгіе разговоры со мной, желторотым подростком, с вѣчными вопросами о техникѣ поэзіи на языкѣ? Время от времени, какойнибудь такой вопрос с моего языка срывался.

— Александр Александрович, нужна ли кода к сонету? — спросил я как то. К моему изумленію Блок, знаменитый "мэтр", вообще не знал, что такое кода...

В дневникѣ Блока — осенью 1909 года — есть запись: "говорил с Георгіем Ивановым о Платонѣ. Он ушел от меня другим человѣком". В этой записи, быть может, объясненіе и писем и разговоров. Должно быть Блок не замѣчал моего возраста и не слушал моих наивных реплик. Должно быть, он говорил не столько со мной, сколько с самим собой. Случай — я был перед ним, в его орбитѣ, — и он посылал мнѣ свои туманные лучи, почти не видя меня.

**

В эту блоковскую орбиту попадали немногіе — но тѣ, что попадали, всѣ казались попавшими в нее случайно. Настоящих друзей, скольконибудь ему равных, у Блока не было. Связи его молодости, либо оборвались, либо переродились, как в отношеніях Блока с Андреем Бѣлым, — в мучительно сложную, неразрѣшимую путаницу. Обычной литературной среды Блок чуждался. А близкіе к нему люди, приходившіе к нему запросто, спутники его долгих утренних прогулок и частых ночных кутежей — были все какіе то чудачки.

Нормальным человѣком и к тому же, все таки, — хотя и второстепенным писателем, — был среди них один Чулков. — Но что связывало Блока с этим милым, поверхностно талантливым, изобрѣтателем "мистическаго анархизма", в который никто, в том числѣ и сам Чулков, всерьез не вѣрил?

Непонятна и его дружба с Пястом, еще непонятнѣй — с Евге-

ніем Ивановым и В. Зоргенфреем — которым кстати посвящены два шедевра блоковской поэзии: одному — “У насыпи во рву некошенном”, другому — потрясающе “Шаги Командора”.

Пяст, поэт-дилетант, лингвист-любитель, странная фигура в вѣчных клѣтчатых штанах, носившій канотье чуть ли не в декабрь, постоянно одержимый какой-нибудь “идеей”: то устройства колонии лингвистов на островъ Эвелъ, то подсчетом ударений в цоканьѣ соловья — и реформы стихосложенія, на основаніи этого подсчета, и с упорством маниака говорившій только о своей, очереднѣй, “идеѣ”, пока он был ею одержим... Евгений Иванов — “рыжій Женья” — рыжій от бороды до зрачков, готовившій сам себя обѣд на спиртовкѣ из страха, что кухарка обидится на чтонибудь и “возьмет да подсыпет мышьяку”. “Рыжій Женья”, в противоположность болтливому Пясту, молчал часами, потом произносил ни с того, ни с сего какое-нибудь многозначительное слово: “Бог” или “смерть” или “судьба” и снова замолкал. — Почему Бог? Что смерть? Но рыжій Женья смотрит странно, странными рыжими глазами, скалит бѣлые, мелкіе зубы, точно хочет укусить, и не отвѣчает. Зоргенфрей — среднее между Пястом и Ивановым — говорит вполне вразумительно и логично. Только заводит разговор большею частью, на тему о ритуальных убійствах — это его конек. Он большою знаток вопроса — изучил Кабалу, в перепискѣ с знаменитым ксеендом Пранайтисом. Точно в насмѣшку, природа дала ему характерную еврейскую вѣшность, хотя по отцу он прибалтійскій нѣмец, а по матери грузин...

Почему эти люди близки Блоку? Чѣм близки? Вѣрнѣе всего — он их не замѣчает. Они попали в его орбиту — общаясь с ними он видит только себя, свое одиночество в “Страшном мірѣ”. И их лица, их голоса, даже их странности, к которым он привык — то же, что аккуратно протираемый полотенцем стакан, разграфленнаѣ “получено-отвѣчено” книжка с золотым обрѣзом, методическій порядок на письменном столѣ. Все та же “самозащита от хаоса”...

Эти четверо — Зоргенфрей, Иванов, Пяст и Чулков — неизмѣнные собеседники Блока, когда, время от времени, его тянет на кабацкій разгул. Именно — кабацкій. Холеный, барственный, чистоплотный Блок любит только самыя грязныя, проплеванныя и прокуреныя “злачныя мѣста”: “Слон” на Развѣзжей, “Я” на Петербургской сторонѣ. Послѣ “Слона” или “Яра” — к цыганам...

... Чад, несвѣжія скатерти, бутылки, закуски. “Машина” хрипло выводит — “Пожалѣй ты меня дорогая” или на “Сопках Манджуріи”. Кругом пьяницы. Навеселѣ и спутники Блока. — “Бог”, неожиданно выпаливает Иванов и замолкает, скалясь и поводя рыжими зрачками. Зоргенфрей тягуче толкует о Бейлисѣ. Пяст, засыпая, бормочет о Лопе де Вега...

Блок такой же, как всегда, как на утренней прогулкѣ, как в своем свѣтлом кабинетѣ. Спокойный, красивый, задумчивый. Он тоже много выпил, но на нем это не замѣтно.

Проститутка подходит к нему. “О чем задумались, интересный мужчина? Угостите портером”. Она садится на колѣни к Блоку. Он не гонит ее с колѣн. Он наливает ей вина, гладит ее нѣжно, как ребенка по головѣ, о чем то ей говорит. О чем? Да о том же, что всегда.

О страшном мірѣ, о бессмысленности жизни. О том, что любви нѣтъ. О том, что на всем, даже на этих окурках, затоптанных на кабацком полу, как луч, отражена любовь...

— Сапа, ты великій поэт! — кричит пришедшій в пьяный экстаз Чулков и, расплескивая стакан, дѣзет пѣловаться. Блок смотрит на него ясно, трезво, задумчиво, как всегда. И, таким же, как всегда трезвым, глуховатым голосом, медленно, точно обдумывая отвѣтъ, отвѣчает:

— Нѣтъ. Я не великій поэт. Великіе поэты сгорают в своих стихах и гибнут. А я пью вино и печатаю стихи в "Нивѣ". По полтиннику за строчку. Я дѣлаю то же самое, что дѣлает Гумилев, только без его сознанія правоты своего дѣла.

* *

С тѣм, что Блок одно из поразительнѣйших явленій русской поэзіи, за все время ея существованія — уж никто не спорит, а тѣ, кто спорит, не в счет. Для них, по выраженію Зинаиды Гипсіус, "дверь поэзіи закрыта навсегда". Но вокруг создателя этой поэзіи, ея первоисточника, — Блока человѣка — еще долго будут идти противорѣчивые толки. Если они теперь утихли, это только потому, что спорить некому... Там — Блок забыт, по циркуляру политбюро, как "несозвучный эпохѣ", *здесь* — в силу все возрастающей усталости и равнодушія ко всему, кромѣ грустно доживаемой жизни... Но когда-нибудь споры о личности Блока вспыхнут с новой силой. Это неизбежно, если Россія останется Россіей и русскіе люди русскими людьми. Русскій читатель никогда не был и, даст Бог, никогда не будет холодным эстетом, равнодушным "ценителем прекраснаго", которому мало дѣла до личности поэта. Любя стихи, мы тѣм самым любим их создателя — стремимся понять, разгадать, — если надо — оправдать его.

Александр Блок.

Блок, как раз, как будто нуждается в оправданіи. "Двѣнадцать" — одна из вершин поэзіи Блока и, именно потому, что она одна из вершин, на имя Блока и на все написанное им ложится от нея зловѣщій отвлѣск кощунства в отношеніи и Россіи, и Христа. Стихи подлинных поэтов вообще, а педевры их поэзіи в особенности, неотдѣлимы от личности поэта. И раз Блок написал "Двѣнадцать", — значит...

Дальше я расскажу, как умирал Блок. Одного его предсмертнаго бреда достаточно, чтобы это "значит" потеряло значеніе. Но прежде чѣм показать, как он сам, умирая, относился к своей прекрасной и отвратительной поэмѣ, я хочу попытаться объяснить, почему Блок не не отвѣтствен за созданіе "Двѣнадцати", не запятан, невинен.

Первое — чистые люди не способны на грязный поступок. Вто-

рое — люди самые чистые могут совершать ошибки, иногда страшные, непоправимые. Блок был человек исключительной душевной чистоты. Он и низость — исключают друг друга понятия. Говоря его же стихами, он

... был весь дитя добра и свѣта,

был весь свободы торжество.

И он же написал “Двѣнадцать”, гдѣ во главѣ красногвардейцев идущих приканчивать штыками Россію, поставил — “в свѣжем вѣнчикѣ из роз” Христа!.. Как же совмѣстить с этим свѣт, свободу, добро? Если Блок, дѣйствительно, “дитя добра и свѣта”, как он мог благословить преступленіе и грязь?

Объясненіе в том, что Блок только казался литератором, взрослым человеком, владѣльцем “Шахматова”, “квартиронанимателем”, членом каких то союзов... Все это было призрачное. В нереальной реальности, в которой он жил и писал стихи, Блок был заблудившимся в “Страшном мірѣ” ребенком, боявшимся жизни и не понимавшим ее...

Одаренный волшебным даром, добрый, великодушный, предѣльно честный с жизнью и с самим собой, Блок родился с “ободранной кожей”, болезненной чувствительностью к несправедливости, страданію, злу. В противовѣ “страшному міру” с его “мірской чепухой”, он, с юности, создал мечту о революціи-избавленіи и повѣрил в нее, как в реальность. Февральская революція, послѣ головокруженія первых дней, разочаровала Блока. Предпарламент, министры, выборы в Учредительное собраніе — казались ему профанаціей, лозунг “Война до побѣднаго конца” — приводил в негодование...

И, в картавых, домогательских выкриках человеконенавистника и атеиста Ленина Блоку почудилась любовь к людям и христіанская правда...

Предѣльная искренность и душевная честность Блока — вѣдь самѣйшій. А если это так, то кощунственная, прославляющая октябрьскій переворот, поэма “Двѣнадцать”, не только была создана им во имя “добра и свѣта”, но она и есть, по существу, проявленіе свѣта и добра, обернувшееся страшной ошибкой.

Я не прощу. Душа твоя невинна.

Я не прощу ей никогда.

Писала, прочтя “Двѣнадцать”, Зинаида Гиппиус. Эти ея строчки, подтверждают мои слова. Их противорѣчивость только кажущаяся. По существу, они — как все у Гиппиус — очень точны и ясны. Гиппиус близко знала Блока и очень любила его. То что, в своей непримиримости, она так рѣзко отказывается Блока простить, только усиливает силу ея признанія — утвержденія: “душа твоя невинна”.

За созданіе “Двѣнадцати” Блок расплатился жизнью. Это не красивая фраза, а правда. Блок понял ошибку “Двѣнадцати” и ужаснулся ея непоправимости. Как внезапно очнувшійся лунатик, он упал с высоты и разбился. В точном смыслѣ слова он умер от “Двѣнадцати”, как другіе умирают от воспаления легких или разрыва сердца.

Вот краткій перечень фактов. Врачи, лечившіе Блока, так и не

могли опредѣлить, чѣм он, собственно, был болен. Сначала они старались подкрѣпить его быстро падавшія без явной причины силы, потом, когда он стал, неизвѣстно от чего, невыносимо страдать, ему стали впрыскивать морфій... Но все таки от чего он умер? “Щеет умирает, потому что дышать ему больше нечѣм”. Эти слова, сказанныя Блоком на пушкинском вечерѣ, незадолго до смерти, быть может, единственно-правильный диагноз его болѣзни. За нѣсколько дней до смерти Блока в Петербургѣ распространился слух: Блок сошел с ума. Этот слух опредѣленно шел из большевизанствовавших литературных кругах. Впослѣдствіи, в совѣтских журналах говорилось в разных вариантах о предсмертном “помѣшательствѣ” Блока. Но никто не упомянул одну многозначительную подробность: умирающаго Блока, навѣстил “просвѣщенный сановник”, кажется теперь благополучно разстрѣленный, начальник Петро-гос-лит-издата Ионов. Блок был уже без сознания. Он непрерывно бредил. Бредил об одном и том же: всѣ ли экземпляры “Двѣнадцати” уничтожены? Не остался ли гдѣ нибудь хоть один? — “Люба, хорошенько поищи, и сожги, всѣ сожги”. Любовь Димитріевна, жена Блока, терпѣливо повторяла, что всѣ уничтожены, ни одного не осталось. Блок ненадолго успокаивался, потом опять начинал: заставлял жену клясться, что она его не обманывает, вспомнив об экземплярѣ, посланном Брюсову, требовал везти себя в Москву. — Я заставлю его отдать, я убью его... И начальник Петро-гос-лит-издата Ионов, слушал этот бред умирающаго...

Брюсов, бывшій “безумец”, “маг”, “теург”, во время войны сильно начавшій склоняться к “союзу русскаго народа”, теперь занимал ряд правительственных постов — комиссарствовал, засѣдал, ревизировал частныя бібліотеки “в пользу пролетариата”. Писал, как всегда, множество стихов, тоже, разумѣется, прославлявших пролетариат и его вождей. Возможно, что по привычкѣ “теургов” заглядывать в будущее — слава живого Ленина, сочинял, уже про запас, оду на его смерть:

Вот лежит он Ленин, Ленин,
Вот лежит он скорбен тлѣнен...

Пильняк рассказывал, как курьез, что на второй или третій день послѣ посѣщенія Блока Ионовым Брюсов в московском “Кафѣ поэтов” подробно, с научными терминами, объяснял характер помѣшательства Блока и его причины. Партийная директива была уже принята бывшим “безумцем” к исполненію.

**

В дни, когда Блок умирал, Гумилев из тюрьмы писал женѣ: “Не безпокойся обо мнѣ. Я здоров, пишу стихи и играю в шахматы”. Гумилев незадолго до ареста вернулся в Петербург из поѣздки в Крым. В Крым он ѣздил в поѣздѣ Нѣмица, царскаго адмирала, ставшаго адмиралом красным. Не знаю, кто именно, сам ли Нѣмиц или кто то из его ближайшаго окруженія состоял в том же, что Гумилев, таганцевском заговорѣ и, объѣзжая в специальном поѣздѣ, под охраной “красы и гордости революціи” — матросов-коммунистов, Гумилев и его то-

варищ по заговору заводили в крымских портах среди уцѣлѣвших офицеров и интеллигенціи связи, раздавали, кому надо, привезенное в адмиральском поѣздѣ из Петербурга оружіе и антисовѣтскія листовки. О том, что в окруженіи Нѣмица был и агент Че-ка, провокатор, слѣдившій за ним, Гумилев не подозрѣвал. Гумилев вообще был очень доврчив, а к людям молодым, да еще военным — особенно. Провокатор был точно по заказу сдѣлан, чтобы расположить к себѣ Гумилева.

Он был высок, тонок, с веселым взглядом и открытым юношеским лицом. Носил имя извѣстной морской семьи и сам был моряком — был произведен в мичманы незадолго до революціи. Вдобавок к этим, располагающим свойствам, этот “приятный во всѣх отношеніях” молодой человек писал стихи, очень недурно подражая Гумилеву...

Вернулся Гумилев в Петербург загорѣвшій, отдохнувшій, полный планов и надежд. Он был доволен и поѣздкой и новыми стихами и работой с учениками-студистами. Ощущеніе полноты жизни, расцвѣта, зрѣлости, удачи, которое испытывал в послѣдніе дни своей жизни Гумилев, сказалось между прочим

Н. С. Гумилев.

в заглавіи, которое он тогда придумал для своей “будущей” книги: “По срединѣ странствія земного”. “Странствовать” на землѣ, вѣрнѣе ждаты разстрѣла в камерѣ на Шпалерной, ему оставался не полный мѣсяц...

Гумилев в день ареста вернулся домой около двух часов ночи. Он провел этот послѣдній вечер в кружкѣ преданно влюбленной в него молодежи. Послѣ лекціи Гумилева — было, как всегда, чтеніе новых стихов и разбор их, по всѣм правилам акмеизма — обязательно “с придаточным предложеніем” — т. е. с мотивировкой мнѣнія; “нравится, потому что...”. “Плохо, оттого что...”. Во время лекціи и обсуждения стихов царил строгая дисциплина, но когда занятія кончались, Гумилев переставал быть мѣтром, становился добрым товарищем. Потом студисты рассказывали, что в этот вечер он был очень оживлен и хорошо настроен — потому так долго, позже обычного и засидѣлся. Нѣсколько барышень и молодых людей пошли Гумилева провожать. У подъѣзда “Дома Искусства” на Мойкѣ, гдѣ жил Гумилев, ждал автомобиль. Никто не обратил на это вниманія — был “нэп”, автомобили перестали быть, как в недавнія времена “военнаго коммунизма”, одновременно и диковиной и страшилищем. У подъѣзда долго прощались, шутили, улавливались “на завтра”. Люди, пріѣхавшіе в стоявшем у подъѣзда автомобилѣ с орденом Че-ка на обыск и арест ждали Гумилева в его квартирѣ.

Двадцать седьмого августа 1921 года, тридцати пяти лѣтъ отроду, в расцвѣтѣ жизни и таланта Гумилев был разстрѣлен. Ужасная,

безмысленная гибель? Нѣтъ — ужасная, но имѣющая глубокой смысл. Лучшей смерти сам Гумилев не мог себя пожелать. Больше того, именно такую смерть, с предчувствием, близким к ясновидѣнію, он себя предсказал:

умру я не на постели,
При нотаріусѣ и врачѣ.

**

Сергей Бобров, автор “Лиры лир”, редактор “Центрофуги”, футурист и кокаинист, близкій к В. Ч. К., и вряд ли не чекист сам, встрѣтив вскорѣ послѣ разстрѣла Гумилева М. Л. Лозинскаго, державшего своей скверной мордочкой эстета-преступника, сказал, между прочим, небрежно, точно о забавном пустякѣ:

— “Да... Этот ваш Гумилев... Нам это смѣшно. Но, знаете, пикарно умер. Я слышал из первых рук. Улыбался, докурил папиросу... Фанфаронство, конечно. Но даже на ребят из особаго отдѣла произвел впечатлѣніе. Пустое молодечество, но, все таки, крѣпкій тип. Мало кто так умирает. Что-ж — сваял дурака. Не лѣз бы в контру, шел бы к нам, сдѣлал бы большую карьеру. Нам такіе люди нужны...”

Эту жуткую болтовню дополняетъ рассказ о том, как себя держал Гумилев на допросах, слышанных лично мной уже не от полу-чекиста, как Бобров, а от чекиста подлиннаго, слѣдователя петербургской Чека, правда, по отдѣлу спекуляціи — Держжибашева. Странно, но и тон рассказа и личность рассказчика выгодно отличались от тона и личности Боброва. Держжибашев говорил о Гумилевѣ с неподдѣльной печалью, его разстрѣл он назвал “кровавым недоразумѣніем”. Этому Держжибашева знали многіе в литературных кругах тогдашняго Петербурга. И многіе, в том числѣ Гумилев — как это ни дико — относились к нему... с симпатіей. Впрочем, Держжибашев был человекъ загадочный. Возможно, что должность слѣдователя была маской. Тогда объясняется и необъяснимая симпатія, которую он внушал и его неожиданный “индивидуальный” разстрѣл в 1924 году.

Допросы Гумилева больше походили на ученые диспуты, гдѣ обсуждались самые разнообразныя вопросы — от “Принца” Маккиавели до “красоты православія”. Слѣдователь Яковсон, ведшій таганцевское дѣло, был по словам Держжибашева, настоящим инквизитором, соединившим ум и блестящее образованіе с убѣжденностью маниака. Больше опаснаго слѣдователя нельзя было бы выбрать, чтобы подвести под разстрѣл Гумилева. Если бы слѣдователь испытывал его мужество или честь, он бы, конечно, ничего от Гумилева не добился. Но Яковсон Гумилева очаровал и льстил ему. Называл его лучшим русским поэтом, читал наизусть гумилевскіе стихи, изощренно спорил с Гумилевым и потом уступал в спорѣ, сдавался, или притворяясь, что сдался, перед умственным превосходством противника...

Я уже говорил о большой довѣрчивости Гумилева. Если прибавить к этому его пристрастіе ко всякому проявленію ума, эрудиціи, умственной изобрѣтательности — наконец не чуждую и Гумилеву слабость к лести — легко себя представить, как, незамѣтно для себя, Гумилев попал в разставленную ему Яковсоном ловушку. Как незамѣтно, в

отвлеченном спорѣ о принципахъ монархіи, онъ призналъ себя убѣжденнымъ монархистомъ. Какъ просто было Якобсону послѣ диспута о революціи вообще установить и запротоколировать признаніе Гумилева, что онъ непримиримый врагъ октябрьской революціи. Вѣрнѣе всего, сдержанность Гумилева не измѣнила бы его судьбы. Таганцевскій процессъ былъ для петербургской Че-ка предлогомъ продемонстрировать передъ Чека всероссийской свою самостоятельность и независимость. Какъ разъ тогда шелъ вопросъ о централизаціи власти и права казней въ рукахъ коллегіи В. Ч. К. въ Москвѣ. Именно поэтому такъ старались и спѣшили Якобсонъ и прочіе. Но кто знаетъ!.. Притворись Гумилевъ человѣкомъ искусства, равнодушнымъ къ политикѣ, замѣшаннымъ въ заговоръ случайно, м. б. престижъ его имени — въ тѣ дни для большевиковъ еще не совсѣмъ пустой звукъ — перевѣсилъ бы обвиненіе? М. б. въ этомъ случаѣ и доводы Горькаго, специально изъ за Гумилева ѣздившаго въ Москву, убѣдили бы Ленина...

**

... Семилѣтній Гумилевъ упалъ въ обморокъ, отъ того, что другой мальчикъ перегналъ его, состязаясь въ бѣгѣ. Одиннадцати лѣтъ онъ покушался на самоубійство: неловко сѣлъ на лошадь — домашніе и гости видѣли это и смѣялись. Годъ спустя онъ влюбляется въ незнакомую дѣвочку гимназистку. Онъ слѣдитъ за ней, бродитъ за ней по улицамъ, наконецъ, однажды подходитъ къ ней, задыхаясь, признается: “я васъ люблю”. Дѣвочка отвѣтила “дуракъ” и убѣжала. Гумилевъ былъ потрясенъ. Ему казалось, что онъ ослѣпъ и оглохъ. Онъ не спалъ почками, обдумывалъ способы мести: сжечь домъ, гдѣ она живетъ? похитить ее? вызвать на дуэль ея брата? Обида, нанесенная двѣнадцатилѣтнему Гумилеву была такъ глубока, что въ тридцать лѣтъ онъ вспоминалъ о ней смѣясь, но съ отгѣнкомъ горечи...

Гумилевъ подросткомъ, лежась спать, думалъ объ одномъ, какъ бы прославиться. Мечтая о славѣ онъ вставалъ утромъ, пилъ чай, шелъ въ царско-сельскую гимназію. Часами блуждая по парку, онъ воображалъ тысячи способовъ осуществить свою мечту. Стать полководцемъ? Ученымъ? Изобрѣсти перпетуумъ мобиле? Безразлично что — только бы люди повторяли имя Гумилева, писали о немъ книги, удивлялись и завидовали ему.

Понемногу эти дѣтскіе мечты сложились въ стройное міровоззрѣніе, которому Гумилевъ былъ вѣренъ всю жизнь. Гумилевъ твердо считалъ, что право называться поэтомъ принадлежитъ тому, кто не только въ стихахъ, но и въ жизни всегда стремится быть лучшимъ, первымъ, идущимъ впереди остальныхъ. Быть поэтомъ по его понятіямъ достоинъ былъ только тотъ, кто, яснѣе другихъ сознавая человѣческія слабости, эгоизмъ, ничтожество, страхъ смерти, на личномъ примѣрѣ, въ главномъ и въ мелочахъ, силой воли, преодолеваетъ “ветхаго Адама”. И, отъ природы робкій, застѣнчивый, болѣзненный человѣкъ — Гумилевъ “приказалъ” себѣ стать охотникомъ на львовъ, уланомъ, добровольно пошедшимъ воевать и заработавшимъ два Георгія, заговорщикомъ. То же, что съ собственной жизнью, онъ продѣлалъ и надъ поэзіей. Мечтательный грустный лирикъ, онъ, чтобы вернуть поэзіи ея прежнее значеніе, рискнулъ сорвать свой чистый

и подлинный, но негромкий голос, выбирал сложныя формы, “громовыя” слова, брался за трудныя эпическія темы. Девиз Гумилева в жизни и в поэзіи был: “всегда линия наибольшаго сопротивленія”. Это міровоззрѣніе дѣлало его в современном ему литературном кругу одиочким, хотя и окруженным поклонниками и подражателями, признанным мѣтром и все таки непонятым поэтом. Незадолго до смерти — так за полгода — Гумилев мнѣ сказал: “Знаешь, я сегодня смотрѣлъ, как кладут печку, и завидовал — угадай кому? — кирпичикам. Так плотно их кладут, так тѣсно, и еще замазывают каждую щелку. Кирпичъ к кирпичу, другъ к другу, всѣ вмѣстѣ, одинъ за всѣхъ, всѣ за одного. Самое тяжелое в жизни одиночество. А я так одинок...”

**

Всю свою короткую жизнь Гумилев признанный, становившійся знаменитым, был окружен непониманіем и враждой. Очень остро сам сознавая это, он так пронизировал над окружающими и над собой.

Я вѣжливъ с жизнью современной
Но между нами есть преграда —
Все, что смѣшитъ ее, надменную,
Моя единая отрада.

Побѣда, слава, подвигъ — блѣдныя
Слова затеряныя нынѣ,
Гремятъ в душѣ, как громы мѣдныя,
Какъ голосъ Господа в пуслынь.

О нѣтъ, я не актеръ трагическій,
Я проницатель и суше.
Я злуюсь, какъ идолъ металлическій,
Среди фарфоровыхъ игрушекъ.

Онъ вспомнитъ головы курчавыя,
Склоненныя къ его подножью,
Жрецовъ молитвы величавыя,
Лѣса охваченные дрожью,

И видитъ, горестно смѣющійся,
Всегда недвижныя качели,
Гдѣ дамъ съ грудью выдающейся,
Пастухъ играетъ на свирѣли.

Наперекоръ этой чуждой ему современности, не желавшей знать ни подвиговъ, ни славы, ни побѣдъ, Гумилевъ и в стихахъ, и в жизни старался дѣлать все, что бы напомнить людямъ о “божественности дѣла поэта”; о томъ, что

в Евангеліи отъ Іоанна

Сказано, что слово это Богъ.

Всѣми ему доступными средствами всю жизнь, отъ названія своей

юношеской книги “Путь конкистадора” до спокойно докуренной перед разстрѣлом папирасы — Гумилев доказывал это и утверждал. И говоря, что он умер за Россію, надо добавить — и за поэзію.

*
*

Блок и Гумилев ушли из жизни, раздѣленные взаимным непониманіем. Блок считал поэзію Гумилева искусственной, теорію акмеизма ложной, дорогую Гумилеву работу с молодыми поэтами в литературных студіях вредной. Гумилев, как поэт и человек, вызывал в Блокѣ отталкиваніе, глухое раздраженіе. Гумилев особенно осуждал Блока за “Двѣнадцать”. Помню фразу сказанную Гумилевым незадолго до их общей смерти, помню и холодное, жестокое выраженіе его лица, когда он убѣжденно говорил — “Он, т. е. Блок, написав “Двѣнадцать”, вторично распял Христа и еще раз разстрѣлял Государя”.

Я возразил, что независимо от содержанія “Двѣнадцать”, как стихи, близки к гениальности. — “Тѣм хуже, если гениальна. Тѣм хуже и для поэзіи, и для него самого. Діавол, замѣть, тоже гениален — тѣм хуже и для діавола, и для нас”...

Теперь, когда со дня их смерти прошло 28 лѣтъ, когда больше нѣтъ “Александра Александровича” и “Николая Степановича”, лѣваго эсера и монархиста, ненавистника войны, орденов, погон и “гусара смерти”, гордившагося “нашим славным полком” и собиравшимся писать его исторію, когда остались только вѣчные Блок и Гумилев — как грустное утѣшеніе нам, пережившим их, — ясно то, чего они сами не понимали.

Что их вражда была недоразумѣніем, что и как поэты, и как русскіе люди они не только не исключали, а скорѣе дополняли друг друга. Что разъединяло их временное и второстепенное, а в основном, одинаково дорогое для обоих, они, не сознавая этого, братски сходились.

Оба жили и дышали поэзіей — внѣ поэзіи для обоих не было жизни. Оба беззавѣтно, мучительно любили Россію. Оба ненавидѣли всякую фальшь, ложь, притворство, недобросовѣтность — в творчествѣ и в жизни были предѣльно честны. Наконец, оба были готовы во имя этой “метафизической чести” — высшей отвѣтственности поэта перед Богом и собой — идти на все вплоть до гибели и, на страшном личном примѣрѣ, эту готовность доказали.

Георгій Иванов.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА.

Сквозь петербургскій мрак и петербургскій снѣг
Один, как и всегда, проходит человѣкъ.
По самые глаза наставил воротник
И медленно идет, сутулясь, как старик.
А город спит. И на замках дома.
Лишь вѣтер сходит в улицах с ума.
Как окаянный грѣшник, воет он
В разбѣгах Монферрановых колонн.
Причитывает, молится, свистит.
От холода растрескался гранит.
И, словно вспугнутая сѣрая сова,
Метется не замерзшая Нѣва.
Как будто слыша в бурѣ тайный знак,
Сквозь петербургскій снѣг и петербургскій мрак,
Он видит: Мѣдный всадник на скалѣ
Фантомом мчится в мутно-вьюжной мглѣ.
Как страшный зрак невѣдомой судьбы,
Россию Петр сам вздернул на дыбы
И бросил в смуту, в этот снѣжный мрак,
Гдѣ дьявольскій хлобыщет красный флаг!
.....
С усилием, выпрямившись во весь рост,
Он слышит революціи норд-ост,
Что смѣшиваясь с зовом прошлых лѣтъ,
Творит из музыки невыносимый бред...
И полумертвый, скорбный человѣкъ
Идет домой, сквозь петербургскій снѣг,
Вдоль опозоренных дворцов и колоннад,
Чтоб не вернуться в этот мір назад!

Юрій Трубецкой.

СТРАШНОЕ БЕЗМОЛВІЕ РОССИИ

(См. "Возрожденіе", т. 5)

Гиль-Родионов и его «Дружина».

Полковник Родионов попал в нѣмецкій плѣн, защищая в 41 году Минск. Он был взят раненым, в безчувственном состояніи. Дивизія со-бѣтской арміи, которой он командовал, рассыпалась по лѣсам и в значительной части сдалась в плѣн. Солдаты не хотѣли воевать за совѣтскую власть, и Родионов ничего не мог измѣнить. В числѣ других высших офицеров Красной арміи Родионов был объявлен в приказѣ Сталина врагом народа, так как он не выполнил приказа, предписывающаго беречь "последній патрон для себя". Может быть это, а может быть общій дух антибольшевизма, разгорѣвшійся в лагерях для военноплѣнных, но что то заставило Родионова задуматься о своем долгѣ перед родиной.

Родионов, в лагерѣ военноплѣнных, перед лицом голодной смерти, стал антибольшевиком. Вокруг него сплотилась небольшая группа солдат и офицеров, и это содружество смертников было названо "Дружина". Всего их было 25 человек. "Дружина" вскорѣ стала пропагандным антикоммунистическим центром в огромном лагерѣ, гдѣ она была. В непривлекательной темнотѣ неосвѣщаемых помѣщеній, члены "Дружины" дѣлали доклады, устраивали диспуты, разжигали споры и рѣшали идеологическія проблемы. Всѣ тогда искали для себя правильный путь в событіях, и поэтому вскорѣ "Дружина" стала своеобразным политическим центром военноплѣнных. Вскорѣ ей удалось завязать связи с антибольшевистскими организаціями на волѣ, и тѣ предприняли хлопоты об освобожденіи "Дружины" из лагеря. Надо сказать, что в 41 году военноплѣнным солдатам и даже офицерам часто удавалось уходить из лагерей. Нѣмецкое командованіе, до передачи лагерей в руки тыловых гражданских и полицейских органов, охотно выпускало плѣнных, если за ними пріѣзжали их родственники. Часто отпускали плѣнных также по просьбѣ различных русских организацій, сельских общин и т. д. Естественно, каждая русская организація старалась освободить из плѣна как можно больше людей. На заводах и на фабриках, в учрежденіях и в сельских общинах вездѣ можно было повстрѣчать бывших военноплѣнных. Инженеры, врачи, педагоги — все это в основном были плѣнные, отпущенные командованіем нѣмецкой арміи. (Позже, когда разгорѣлась партизанская война, эти люди снова были взяты в лагеря военноплѣнных). Удалось освободить и Дружину

Родионова, 25 солдат и офицеров, ставших антикоммунистами. Формальной причиной для освобождения была необходимость поддержания порядка в одном лесном районе, куда Дружина и направилась после своего освобождения из лагеря.

Вскоре Дружина стала серьезной боевой силой. Из многих городов и районов в Дружину стекались бѣжавшие из советской армии солдаты и офицеры. Молодежь из городов и сел оккупированных территорий тоже рвалась к организации и оружию, она вступала в Дружину или переселялась в район, где была расположена Дружина, чтобы скрыться от принудительного труда, который начинал вводиться немцами.

Выполняя пожелание политического антибольшевистского комитета, в который вошел и Родионов, принявший имя "Гиль", Дружина собирала по лесам и по укромным местам оружие, брошенное при отступлении советской армией. Немцы, я думаю, были не мало удивлены, когда вскоре им стало известно, что Дружина уже насчитывает 3.500 солдат и офицеров и вооружена не только легким оружием, но имеет артиллерию и даже танки, найденные по лесам и отремонтированные собственными силами.

Дружина храбро сражалась за свой район, когда в нем был выброшен крупный военный десант советских войск, и закончила бои тем, что около 250 солдат десанта перешли к ней. С тех пор она спокойно стояла в своем районе, поддерживая порядок и спокойствие и помогая населению перестроить жизнь на новых началах.

Когда начался разгром "красной" в немецком тылу, он коснулся и Дружины. В район, охраняемый Дружиной, явился отряд войск СС, уполномоченный министерства Розенберга и целый штаб нацистских чиновников. Они имели задачу взять в свои руки район, занятый Дружиной. На первый раз Дружина просто изгнала отряд немцев и всех чиновников из своей зоны. Гиль-Родионов, по предложению антибольшевистского комитета обратился к немецкому командованию со следующим заявлением:

"Дружина, которой я командую по поручению антибольшевистского комитета, является добровольным формированием, созданным для защиты населения и поддержания порядка в порученном ей районе. Она сама добыла для себя оружие и одежду, питание же получает от населения своего района. Она является дружественной германской армии. Районы, занятые ею, добросовестно поставляли продовольствие для германской армии по нормам, установленным германской армией по соглашению с русскими гражданскими учреждениями. Это будет делаться также и впредь.

Однако, я считаю своим долгом заявить, что попытка подчинить Дружину германским тыловым учреждениям, отнять в районах власть от выбранных населением и утвержденных германской армией старшин, как и попытка разрушить налаженный порядок жизни встретит противодействие как со стороны Дружины, так и населения".

Дальше в заявлении Гиль-Родионов просил командование германских войск наказать виновных в посылке карательного отряда войск СС и в безобразиях и безчинствах, которые учинил этот отряд и прибывшие с ним чиновники.

Отвѣтом на эту жалобу Гиль-Родионова был приказ Дружинѣ разе-
ржиться. Приказ исходил не от арміи, куда было подано заявленіе
Гиль-Родионова, а от генеральнаго комиссара Бѣлоруссіи Вильгельма
Кубе, присланнаго Гитлером для управленія завоеванной вотчиной.
Кубе дал трехдневный срок для выполненія своего приказа. В это же
время до Дружины дошли вѣсти о том, что антибольшевистскія орга-
низациі в городах подверглись разгрому, извѣстные Дружинѣ анти-
большевики арестованы или разстрѣляны. Надо было рѣшить вопрос,
подчиниться ли нѣмцам или отстаивать свое право на свободу. И рѣ-
шеніе было принято. Во всѣ райны, которых можно было достигнуть,
были посланы оперативныя группы из солдат и офицеров. Они аресто-
вали всѣх нѣмцев, найденных ими в этих районах: гестаповцев, жан-
дармов, сборщиков налогов, ландвиртшафт-комендантов. Всего к утру в
штаб Дружины было доставлено около 400 нѣмцев. Половина из них
были простые солдаты и их отпустили. Нѣсколько десятков чиновников
и офицеров, доброжелательно относившихся к населенію, были также
отпущены. Остальные разстрѣлены.

Жребій был брошен. К мѣсту стоянки Дружины двинулись кара-
тельные отряды. На поддержку им была послана дивизія германских
войск. Гиль-Родионов знал, на что он шел. Сжегши танки, уничтожив
тяжелое вооруженіе, Дружина ушла в непроходимые лѣса и болота. С
боем Дружина прошла мимо Минска, уничтожая на своем пути нѣмец-
кіе гарнизоны, и скрылась в болотах у Пинска, куда нѣмцы не риско-
вали посылать свои войска.

Вскорѣ Дружина Гиль-Родионова превратилась в бригаду парти-
зан, добывшую громкую славу в боях. Она теперь называлась "За
Родину". В бригаду Гиль-Родионова из Москвы были посланы специа-
льные эмиссары. Они обѣщали Гиль-Родионову прощеніе Сталина, если
только он согласится и поможет "очистить" Дружину от идейных вра-
гов совѣтской власти, которых в Дружинѣ было не мало. Сломленные
трудностями, Гиль-Родионов согласился на это. В партизанской бригадѣ
начались аресты и разстрѣлы. Прилетѣвшіе из Москвы люди, прикры-
ваясь авторитетом командира бригады Гиль-Родионова, арестовывали
и уничтожали по-одиночкѣ тѣх, кто проявил себя наиболѣе неприми-
мым к Сталину. За эту измѣну дѣлу антикоммунизма Гиль-Родионов
поплатился своей головой. Уже тогда, когда Сталин простил его и
наградил высоким орденом "за выполненіе особых заданий правитель-
ства", было принято рѣшеніе убить Гиль-Родионова. В глубоком гер-
манском тылу его убили уцѣлѣвшіе антибольшевики из Дружины, вче-
рашніе его друзья... С тѣх пор слѣды партизанской бригады Гиль-
Родионова затерялись и о ней ничего больше не было извѣстно.

Каминскій создает русскую СС-дивизию.

Другая судьба постигла формированія, возникшія в глубинѣ
Брянских лѣсов, в Локотском округѣ. В самом началѣ войны в этот
округ явился инженер Воскобойников, бывшій в заключеніи в одном
из западных полит-изоляторов, захваченных нѣмцами при наступленіи.
Воскобойников был давній убѣжденный враг коммунистическаго ре-
жима. Много лѣт он провел в ссылках, на принудительных работах, в

турьмах. Однако, это не сломило его воли к борьбѣ и когда он неожиданно получил свободу, он пошел в народ, чтобы помочь народу найти правильный путь. В глубинѣ Брянских лѣсов, вдалекѣ от желѣзной дороги и от важных стратегических путей, лежит Локотскій район, округ с 35 тысячами населенія. Сюда в 41 году и пришел Воскобойников. Прекрасный организатор, человек большой душевной чистоты, Воскобойников сразу же завоевал симпатіи населенія. По его предложенію округ был объявлен самоуправляющимся, независимым от воюющих сторон. Нѣмецкое командованіе, которое было заинтересовано в сохраненіи спокойствія в своем тылу, охотно согласилось и признало этот округ. Началось возстановленіе жизни округа на новых основах. Колхозы были объявлены собственностью крестьян. Как и во всѣх других мѣстах, стремленіе населенія к новому строю жизни воплотилось в установленіи демократических порядков на своей землѣ. В селах выбирались старшины, суд был тоже выборным, основные хозяйственные и иные вопросы рѣшались самим населеніем.

Воскобойников понимал, что округ будет нуждаться в защитѣ, и по его инициативѣ была предпринята попытка организациі вооруженной силы. Сначала это был отряд всего лишь из 50 человек, вооруженных винтовками старого образца. На каждую винтовку приходилось по 10 патронов. В отряд на добровольных началах шла сельская молодежь, среди которой было не мало бывших комсомольцев и даже членов компартіи. Антибольшевики из Локотскаго округа объявили отказ от места по отношенію к коммунистам, если они будут доплены по отношенію к новым порядкам. И они не ошиблись. В отрядѣ самообороны и на выборных общественных должностях было не мало бывших коммунистов, ставших убѣжденными антикоммунистами.

В Москвѣ понимали значеніе опыта, предпринятаго Воскобойниковым в Брянских лѣсах. Там учитывали, что симпатіи населенія находятся на сторонѣ Воскобойникова и его сторонников. Надо было помѣшать создать в маленьком размѣрѣ антибольшевистское государство. В 42 году в округ был брошен большой десант совѣтских войск. Населеніе, поднятое Воскобойниковым, отчаянно защищалось и в концѣ концов отбило свой округ, отбросивши десант дальше в лѣса. Но в одном из боев погиб Воскобойников, и послѣ этого событія в округѣ повернулись иначе. В результатѣ прошедших выборов, во главѣ округа и отряда самообороны стал инженер Каминскій. Еще до войны он жил в этом округѣ, работал на мѣстном спирто-водочном заводѣ и ничѣм особенным себя не проявил. При Воскобойниковѣ он выдвинулся не столько мужеством и дѣловитостью, сколько хитростью.

Став во главѣ округа, Каминскій поставил себѣ иную задачу. Он не вѣрил в возможность в маленьком округѣ сдѣлать большое дѣло. Ему была необходима поддержка нѣмцев, и он стал искать ее. Вскорѣ отряд, созданный Воскобойниковым, был перевооружен и назван "РОНА" — Русская Освободительная Народная Армія. Каминскій сам ѣздил по лагерям военнопленных и подбираал кадры для своего отряда. Странно, что больше всего его симпатіи склонялись к людям с сомнительным прошлым, достаточно безпринципным и готовым слѣпо слѣдовать за ним, если это общает им личныя выгоды. Такими людьми окружил себя Каминскій, но все же не они являлись опредѣляющей силой. Отряд

разрастался за счет мѣстнаго населенія и бывших партизан, переходивших в него в знак своего нежеланія защищать Сталина. В основном это была молодежь. Вскорѣ отряд насчитывал уже около 5000 солдат. В началѣ 43 г., когда намѣтилось отступленіе нѣмцев, отряд был передвинут на запад, в район Лепеля. С помощью Каминскаго, нѣмцы подчинили себѣ этот отряд и стали использовать его для борьбы против партизан. Вскорѣ отряд получил названіе “Русская Дивизія СС”, чему Каминскій не только не сопротивлялся, но был рад, получив званіе генерала войск СС и личную награду Гитлера.

Так из замѣчательнаго начинанія Воскобойникова и его друзей, политических узников большевизма, родилась “русская дивизія СС”, так люди с нечистой совѣстью и грязными руками воспользовались антибольшевистским порывом народа.

“Дружина” Гиль-Родионова должна была попасть на службу к Сталину, отряд Воскобойникова — на службу к Гитлеру. Но и Гиль-Родионов и Каминскій рѣздили общую судьбу.

В 44 году Каминскій дал нѣмцам согласіе участвовать в подавленіи возстанія в Варшавѣ. Несмотря на всѣ возраженія со стороны старших командиров дивизіи, он не измѣнил своему слову. Но когда выяснилось, что дивизія может отказаться подчиниться ему, так как никакой вражды к варшавским повстанцам у русских солдат и офицеров не было и они считали невозможным для себя принимать участіе в разгромѣ возставших, Каминскій объявил, что из всѣх полков дивизіи в Варшаву будут взяты только добровольцы. Таких тоже набралось нѣкоторое количество, главным образом из числа тѣх, кого подбирал сам Каминскій. Был сформирован свободный полкъ, который под командой полковника Ф. вошел в Варшаву и открыл боевыя дѣйствія против повстанцев. Этим Каминскій подписал себѣ смертный приговор. На пути из Варшавы к Ратибору, гдѣ располагалась дивизія, он был убит. Как погиб Каминскій — об этом никто не узнал. На дорогѣ была найдена его машина, забрызганная кровью. Вмѣстѣ с ним погибли шофер и начальник штаба. Трупы исчезли неизвѣстно куда. Нѣмцы предприняли слѣдствіе, но, дѣйствительно, не осталось никаких слѣдов, которые позволили бы разгадать загадку исчезновенія. Впослѣдствіи эта загадка разъяснится, здѣсь же умѣстно будет сказать, что наряду с дружиной Гиль-Родионова, дивизіей Каминскаго, многими другими начинаніями и замыслами, возникала в то время еще одна сила, которая оказалась способной продолжать борьбу даже в самых трудных условіях. Сила эта была вызвана к жизни великим отчаяніем и великой болью за свой народ, попавшій между гитлеровским молотом и сталинской наковальней.

Борьба против всего свѣта.

В маѣ 42 года нѣмцы разгромили основные антибольшевицкіе кадры в оккупированных областях. Но не удалось вырвать ростки зародившагося антибольшевицкаго движенія народа. Многіе погибли от руки нѣмцев, но не всѣ. Одни избѣжали ареста, другіе бѣжали из тюрем, третьи вошли в борьбу уже послѣ разгрома антибольшевицких организацій.

Возникла борьба антибольшевиков на два фронта. Естественно, это уже не было массовое движение. Мужественные одиночки и небольшие группы антибольшевиков стали на путь борьбы против всех. Это была борьба порожденная страшным отчаянием, почти не имевшая шансов на успех, но оставившая по себе глубокую память. На Украине эту борьбу организовали, главным образом, сторонники Андрея Мельника, создавшего украинское правительство, разгромленное немцами (сам Мельник в это время был уже в тюрьме). Отдельно от них, но в том же направлении действовали сторонники Степана Бандеры, организовавшие партизанские отряды, стремившиеся вначале к сотрудничеству с немцами, а потом вынужденные отказаться от этой мысли и перейти к борьбе на два фронта. В отличие от сторонников Мельника, Бандера до своего заключения в концлагерь меньше значения придавал подпольной борьбе и все внимание направлял на создание партизанских отрядов — УПА — Украинской повстанческой армии, которые по его мысли должны были стать при изменившихся условиях освободительной армией украинского народа. Остатки УПА сохранились до сих пор и скрываются в Карпатах, ожидая развития событий. Сколько их сейчас — сказать трудно, но повидимому немного, так как все реже до нас вести о них. В Белоруссии и в прилегающих районах России эта борьба велась небольшими группами.

Первые сигналы.

Сейчас еще недоступно для обозрения все поле подпольной борьбы русских антибольшевиков, участвовавших после разгрома, но начиная с августа-сентября 42 года в различных местах оккупированной немцами территории все чаще раздавались сигналы сопротивления. На западе России первым таким сигналом была битва в темоте, проведенная антибольшевистским подпольем против карательного отряда войск СС.

В Белоруссии, недалеко от небольшого городка Кирова, расположено село К о з у л и ч и. Теперь на окраине села находится большое кладбище, усыпанные крестами. По виду крестов и по надписям на них можно установить, что все погребенные здесь, а могил не менее 250, умерли в один день. Это так и было на самом деле. В дни разгрома немцами антибольшевистских организаций, в этом селе разыгралась одна из трагедий, показательных для того времени. Небольшая группа антибольшевиков, уходя от немецкого разгрома, отходила в лес. Состояла она из молодежи в возрасте от 18 до 25 лет и насчитывала всего 65 человек. Это был небольшой отряд, созданный антибольшевистским политическим комитетом в гор. Б. Когда члены этого комитета были схвачены немцами, отряд снялся со своей стоянки и попытался уйти в лес. Велел за ним в погону бросился отряд войск СС под командой майора Ранхвера. Три сотни эсэсовцев против нескольких десятков плохо вооруженных и необученных солдат антибольшевистского отряда, вынужденного защищаться от немцев. Тем не менее крошечный отряд под командой В. Ипатьева, в прошлом капитана советской армии, отбивался от немцев и продолжал отходить к полосе непроходимых лесов, надеясь найти в них укрытие.

Село Козуличи расположено почти на границѣ этихъ лѣсов. Спасеніе было близко, но отряд Ипатьева был истощен переходами, обременен ранеными и поэтому он остановился в Козуличах на почевку. Это позволило нѣмцам настичь его здѣсь. На разсвѣтѣ разгорѣлся бой. Русскіе антикоммунисты были окружены. Положеніе казалось безвыходным, и они предприняли смѣлую вылазку в сторону лѣса. Судьба покровительствовала им, и они прорвались, оставив в окруженіи небольшую группу из 6 человекъ, прикрывавших отход отряда и его прорыв. Всѣ эти шесть человекъ погибли, не уходя с баррикады, воздвигнутой на сельской площади.

Майор Ранхвер был разъярен случившимся. Добыча ускользнула из его рук. Повидимому предстояло неприятное объясненіе с начальством, его эсэсовская "честь" была задѣта, и он учинил кровавую расправу над населеніем. Все населеніе было собрано на площади села. Эсэсовцы стали провѣрять документы и тѣх, у кого их не оказывалось, а такихъ было большинство, так как никакихъ документов вообще не выдавалось для населенія, отводили в сторону. Потом отобранныхъ 250 человекъ эсэсовцев закрыли в большой сарай на окраинѣ села и подожгли сарай. Вырывавшіеся из сарая люди встрѣчались пулеметным огнем, солдаты швыряли в горящее зданіе гранаты. Всѣ 250 человекъ погибли в огнѣ или под пулями и отряд войск СС, сдѣлав свое кровавое дѣло, отправился к мѣсту своей стоянки.

Через четыре дня майор Ранхвер был убит на улицѣ городка, гдѣ стояла его отряд. К трупу было приколото письмо, в котором извѣщалось, что всѣ солдаты и офицеры отряда Ранхвера присуждаются русскими антибольшевиками к смерти за насиліе над населеніем. С тѣх пор за отрядом СС неотступно слѣдовала тѣнь небольшой группы русских, которые не пропускали случая привести свою угрозу в исполненіе. Солдаты отряда убивались на постах, они не смѣли выйти на прогулку, наконец, было произведено отравленіе отряда и большинство из его солдат и офицеров погибли от яда. Отряд перестал существовать.

Глубокое подполье.

В тѣх условіях, какія существовали тогда, не могло быть и рѣчи об организованном и централизованном сопротивленіи нѣмцам. Антибольшевистское подполье, ставшее в то же время и антинѣмецким, рассматривало свою борьбу против нѣмцев, как вынужденное выступленіе и продолжало все же питать надежду на то, что с ухудшеніем положенія на фронтѣ, нѣмцы поймут, что единственным их шансом на побѣду является сговор с антибольшевистскими русскими силами. Поэтому антибольшевистское подполье проявляло активность лишь в той мѣрѣ, в какой это было совершенно необходимо для того, чтобы нѣмцы всегда чувствовали присутствіе третьей силы, могущей нанести им удары.

Из кого состояло подполье, боровшееся на два фронта? В нем не были представлены массы, это не было массовое движеніе. Обычно, во главѣ групп стояли люди, которые в 41 году начинали широкую и открытую борьбу против большевизма, рассчитывая получить в этой борьбѣ поддержку от нѣмцев. Они ошиблись в своих расчетах. Обви-

нять этих людей в их ошибкѣ невозможно, для них врагом номер один был Сталин и они искали силу, на которую можно опереться в борьбѣ против его диктатуры. Они знали свою страну и знали, что никакой ви́дший враг не удержится в ней, если того не пожелает народ, их мало смущала мысль, что нѣмцы могут завоевать Россію, так как они знали, что, завоевав Россію, нѣмцы должны весь свой народ посадить в бункера на неоглядных просторах Россіи, чтобы держать в повиновеніи народ, не желающій ни сталинского режима, ни власти иностраннаго захватчика.

Говорить об идеологіи подполья почти невозможно. Там собрались люди, ставящіе своей задачей освобожденіе Россіи и предоставленіе народу права рѣшать свою собственную судьбу.

Всѣ, кто боролся тогда, видѣли будущее Россіи в обрѣтеніи свободы, в созданіи дружбы с другими народами міра. Естественно, что русским антибольшевикам рисовалась дружба не только с Германіей, Германія была ближе потому, что она пришла и еще потому, что в подпольѣ жило чувство недоумѣнія и обиды по поводу дружбы западных демократій с совѣтским тоталитарным режимом. В этом было тогда очень трудно разобраться.

Антибольшевистское подполье не раздиралось противорѣчіями идеологического характера. И не только потому, что оно было слишком занято борьбой, но и потому, что оно было дѣйствительно едино в своих устремленіях к свободѣ. В подполье уходили люди, рѣшившіе до конца выполнить свой долг и знающіе, что в 99 случаях из ста их ждет гибель. Я не мог бы назвать ни одного монархиста, солидариста, социалиста в подпольѣ, но я мог бы рассказать очень много, и это была бы только крошечная частичка пѣлаго, о людях, представляющих себѣ будущую Россію государством свободы и демократіи, живущих тѣми идеалами, которые бесплодно провозглашаются нынѣ на собраніях Объединенных Націй.

Значительный кадр подполья состоял из бывших военнѣслужащих совѣтской арміи. В подпольѣ можно было встрѣтить и бывшаго коммуниста, и бывшаго комсомольца. Боевые группы подполья состояли не только из молодежи, но и из людей зрѣлаго возраста и совершенно не воинственных профессій. Борьба в тѣх условіях требовала от чловѣка индивидуальнаго мужества, личной жертвенности, и часто этими качествами оказывались в избыткѣ надѣленными люди наиболее мирных профессій: врачи, учителя, инженеры. Наряду с интеллигентами, в подполье приходили бывшіе офицеры совѣтской арміи, люди, у которых нѣмцы истребили семьи, молодежь, рвущаяся к борьбѣ за Россію.

Невозможно сказать, кого было больше в боевых организаціях подполья — интеллигентов или простых людей, повидимому в каждом отдѣльном мѣстѣ это опредѣлялось мѣстными условіями и личностью организатора, но единство дѣйствій всего подполья было органическим его качеством и удары сопротивлявшагося подполья направлялись в едином направленіи.

Это был принцип антикоммунистическо-антинемѣцкаго подполья. Уже давно было замѣчено, что с нѣмцами можно говорить только им понятным языком силы. Слабое относительно подполье не могло, конечно, оказаться достаточной защитой для народа против нѣмецких звѣрств, но в нѣкоторой мѣрѣ оно уменьшало эти звѣрства.

Нѣмцам было совершенно понятно, когда в началѣ 43 г. в цѣлом рядѣ городов оккупированной территории появились предупреждения антибольшевистскаго подполья, в которых на русском и на нѣмецком языкѣ было написано примѣрно слѣдующее (текст восстанавливается по памяти):

«ОКО ЗА ОКО. Нѣмцы убивают невинное мирное население. За каждаго убитаго русскаго будет убиваться нѣмец, преимущественно гестаповец или розенберговец.

Совѣтскіе агенты открывают имена антибольшевиков и передают их нѣмцам на расправу. За каждое предательство со стороны русскаго — смерть.

Большевизм наш враг. Нѣмцы наши враги. Боритесь со всеми врагами».

Вскорѣ эта угроза стала реализоваться на дѣлѣ.

Ночной взрыв.

Это было в Слуцкѣ. Гестапо захватило группу антибольшевиков. Чтобы устрашить население, всѣ они были повѣшены в воскресный день на площади города. Но в этом городѣ была не одна группа, а нѣсколько. К ним на помощь из другого крупнаго города Бѣлоруссїи прибыла еще одна группа. Кровавый подвиг нѣмцев не мог остаться без отвѣта, и было принято рѣшеніе произвести нападеніе на Гестапо. Но как напасть в городѣ, переполненном нѣмцами? Началось кропотливое изученіе обстановки и через два мѣсяца возможности были найдены. Постепенно в зданіе Гестапо русскіе полицейскіе, завербованные подпольем или посланные на работу в полицію, проносили взрывчатыя вещества. И однажды ночью город пробудился от страшнаго взрыва. Люди торопливо одѣвались и выходили на улицу. Горѣло зданіе Гестапо в центрѣ города. Горящее зданіе было окружено отрядом СС-овцев. Русскій полицейскій отряд, прибывшій раньше всѣх других, был занят спасеніем людей, погибающих в огнѣ. Нѣсколько полицейских, недавно принятых в отряд, показали себя особенно смѣлыми. Они бросились в горящее зданіе на крики о помощи и извлекали оттуда одну жертву за другой. Всего ими было вытащено из огня 12 гестаповцев, но всѣ они были мертвы. Восемь других гестаповцев не были извлечены из огня. Странно, что нѣмцы не обратили вниманія на то, что люди, зовущіе на помощь из пламени, замолкали, как только к ним эта помощь являлась в лицѣ русских полицейских, неизмѣнно опаздывавшим помочь жертвам взрыва и вытаскивавшим лишь трупы.

На другой день по городу кто то разбросал листовки, в которых было написано:

«Два мѣсяца назад Гестапо повѣсило на ваших глазах 14 бойцов за наш народ, выданных Гестапо совѣтскими агентами. Антибольшевистское подполье рѣшило истребить сотрудников Гестапо в Слуцкѣ и сегодня ночью привело свое рѣшеніе в исполненіе».

С тѣх пор казни антибольшевиков и пойманных партизан не стали производиться на виду у населенія. Пойманные антибольшевики отправлялись в Минск и в Кіев, во власть рейхскомиссаров Бѣлоруссіи и Украины.

Рейхскомиссар Кубэ любит собак...

Замѣчательно просто в наше время создаются легенды. Одну из таких легенд я прочитал в совѣтском журналѣ “Работница” (№ 2, 47 г.). В ней говорится, как нѣкая “Черная Марія” взорвала во время войны гитлеровскаго ставленника рейхскомиссара Бѣлоруссіи доктора Вильгельма Кубэ... И, конечно, “Черная Марія” — партійная работница — она до войны “руководила кабинетом марксизма-ленинизма”. В очеркѣ об этой Маріи рассказывается, какую огромную популярность приобрѣла эта женщина среди населенія Минска и Бѣлоруссіи вообще, как ловко проводила она “глухих” нѣмцев. На самом же дѣлѣ убійство Кубэ было одним из самых героических и самых крупных и трудных для большевистскаго подполья.

Два человекa, два ближайших сотрудника Гитлера, его доверенные, держали в своих руках жизнь и смерть миллионov русских людей. Рейхскомиссаром на Украинѣ был Эрнст К о х, Райхскомиссаром в Бѣлоруссіи --- Вильгельм Кубэ. Оба они были надѣлены от Гитлера неограниченными правами и должны были обезпечить покорность русскаго населенія нѣмецкому владычеству. Эти двое людей жестоко распоряджались жизнью населенія оккупированных областей, по их приказам сжигались деревни, устраивались карательные походы, населеніе облагалось непосильными налогами. По существу, Кох и Кубэ были самостоятельными властителями в занятых областях Россіи и жизнь или смерть каждаго жителя этих областей зависѣла от этих людей.

Населеніе остро ненавидѣло гитлеровских рейхскомиссаров, и тѣ отвѣчали русским такой же ненавистью. Еще в концѣ 42 года стало ясно, что всѣ удары по населенію выходят из личных канцелярій рейхскомиссаров, всѣ жестокія расправы предписываются рейхскомиссарами. Тогда же ряд подпольных антибольшевистскихъ групп поставил перед собой почти невыполнимую задачу: убрать гитлеровскихъ рейхскомиссаров. Но какъ практически выполнить эту задачу, когда рейхскомиссары столь же мало достижимы для простыхъ смертныхъ, особенно для русскихъ “унтерменшей”, как и боги. Они жили во дворцахъ, окруженные вѣрной прислугой, охраняемые сильными нарядами войскъ СС. Нанести имъ удар было такъ же трудно, какъ лбомъ прошибить каменную стѣнку. Но задача была поставлена. На Украинѣ эта задача не могла быть выполнена, но в Бѣлоруссіи, в казавшейся непроницаемой стѣнѣ к рейхскомиссару, нашлась крошечная щель, которой антибольшевики не замедлили воспользоваться.

Однажды рейхскомиссар Кубэ призвалъ к себѣ нѣмецкаго майора,

хорошо говорящаго по русски, и приказал ему найти среди русских специалиста по дрессировкѣ собак. У Кубѣ было нѣсколько породистых собак, онѣ достигли такого возраста, когда надо начинать дрессировку, и Кубѣ счел за благо поручить ее русскому специалисту, если таковой окажется гдѣ-нибудь. Естественно, майор обратился за помощью и указаніями к русским, и ему назвали страстного любителя собак, престарѣлаго и одинокаго жителя Минска.

Этого жителя повезли к Кубѣ, и тот, послѣ разговора с ним, нашел, что этому человѣку можно поручить воспитаніе драгоцѣнных собак. Много времени провел Кубѣ за обсужденіем характера дрессировки и поставил перед русским задачу сложную, требующую большой работы и длительного времени. Одним из требованій Кубѣ было, чтобы собака всегда находилась под его кроватью, и смѣна собачьяго караула производилась ночью, когда происходила смѣна часовых внутри и снаружи зданія. Собаки должны были быть приучены, заслышав смѣну часовых, смѣнять одна другую, не производя при этом шума и не нарушая покоя спящаго властителя.

Началась дрессировка. Кубѣ поставил дрессировщика под присмотръ всесовца и больше не занимался им. Опытный дрессировщик быстро справился с умными собаками и научил их производить смѣну караула в спальнѣ рейхскомиссара. Однако, ему по преклонности возраста, трудно было осуществлять уход за собаками, и он нѣсколько раз обращался с просьбой разрѣшить ему пригласить помощника, который выводил бы собак на прогулку и присматривал за ними в тѣ нѣсколько часов, когда старый дрессировщик нуждался в отдыхѣ.

Кубѣ внял просьбамъ старика. Он рѣшил пригласить в дом еще одну русскую женщину, которая могла бы выполнять роль прислуги при женѣ рейхскомиссара, ожидающей ребенка, и в то же время могла бы выводить собак на прогулку. Будучи от природы очень осторожным, Кубѣ обставил приглашеніе русской женщины в свой дом цѣлым рядомъ условій, одним из которыхъ было условіе, чтобы эта женщина была молодымъ русскимъ врачомъ. Такая женщина была найдена и рекомендована "самими же нѣмцами". Это была молодая женщина привлекательной наружности, окончившая передъ войной свое медицинское образованіе в Минскѣ.

Вскорѣ молодая женщина создала себѣ прочное положеніе в домѣ. При всей недовѣрчивости Кубѣ не могъ ее в чемъ либо заподозрить. Она никуда не ходила, ни с кѣмъ не встрѣчалась, у нее не было родственниковъ в Минскѣ. Умѣніе говорить по нѣмецки и несомнѣнный ум привлекли к ней симпатіи нѣмецкой челяди рейхскомиссара, и даже жена Кубѣ, ожидавшая ребенка, снисходила иногда до разговора с русской женщиной, умѣвшей такъ хорошо держать себя. Ежедневно ее можно было видѣть в городскомъ скверѣ с тройкой породистыхъ собак. Нѣкоторое время за нею наблюдали, но потомъ убѣдились, что она ни с кѣмъ не встрѣчается. Это улучшило ея положеніе в домѣ, и она стала чѣмъ то вродѣ экономки и довѣренной жены рейхскомиссара.

Тѣмъ временемъ собачьи караулы под кроватью Кубѣ стали регулярными, и каждая собака знала свою очередь идти на пост. Знала эту очередность и русская женщина. Она до тонкости изучила образъ жизни титлеровскаго сановника.

Была обычная ночь, когда ничего особого ждать было нельзя. Дворец рейхскомиссара погрузился в темноту. Владыка отошел ко сну. В два часа ночи происходила смѣна караулов. В это же время через обширный зал протрусил огромный мраморный дог, идущий смѣнить своего товарища под кроватью рейхскомиссара. Смѣняющіеся часовые, привыкшіе еженощно видѣть смѣну собак в спальнѣ, не обратили вниманія, что на этот раз собака бѣжала так, словно тащила на себѣ тяжесть. Если бы они зажгли свѣтъ и остановили собаку, то они обнаружили бы на ней двѣ небольшія коробки, выкрашенные в бѣлый цвѣтъ и прикрѣпленные к тѣлу собаки бѣлыми же ремешками, что дѣлало их невидимыми на бѣлой собачьей шерсти.

Мраморный дог скрылся в спальнѣ и через залу протрусил, как всегда, черный пес, смѣнившійся с поста. Все в домѣ было тихо. Бѣлый дог спокойно улегся под кроватью рейхскомиссара.

В это время по глухим переулкам к выходу из города пробирались двое. В них не трудно было узнать дрессировщика собак у Куба и женщину-врача, взятую в помощь ему. Выйдя на опушку лѣса старик и молодая женщина остановилась. От деревьев отдѣлилось еще двое рослых людей с висящими на груди нѣмецкими автоматами и в полной нѣмецкой формѣ..

— Все в порядкѣ, — тихо произнесла женщина.

— Когда? — спросил один из вышедших из лѣсу.

— В два сорок пять.

Высокій человек в нѣмецком офицерском кителѣ посмотрѣлъ на свѣтящійся циферблат часов. Два часа сорок двѣ минуты. Всѣ молча стояли, повернувшись лицом к городу. Не сводили глаз с циферблата часов. Вот стрѣлка дрогнула и передвинулась на 2.45. Секунда за секундой скачет время, наконец, проходит пять минут и часы уже показывают 2.50. Женщина, облизывая запекшіяся от волненія губы, говорит:

— Все сдѣлано точно, как сказано. Обѣ магнитныя мины привѣшены на бѣлаго дога. Почти незамѣтны на нем. Взрывная трубка поставлена так, что должна взорваться точно в 2.45.

Два часа пятьдесят три минуты.

— Сорвалось, — говорит высокий человек и опускает руку с часами. — Ничего не вышло.

И в этот момент в центрѣ города, гдѣ помѣщается дворец, занятый тогда Вильгельмом Куба, всыхнул свѣтъ. Он на миг прорѣзал небо. Через нѣкоторое время донесся звук взрыва. Совсѣм небольшой взрыв, прозвучавшій очень слабо в ночи. Потом лихорадочная стрѣльба из винтовок и автоматов.

— Будем надѣяться, что все в порядкѣ, — проговорил высокий человек. Группа людей скрылась в лѣсу.

Куба был убит взрывом мины, принесенных под кровать его любимым бѣлым догом. Его тѣло, пронзенное осколками, было выброшено из кровати силой взрыва. Большой осколок попал ему в голову и забрызгал мозгом и кровью рейхскомиссара и бѣлаго дога и дорогой ковер спальни. Жена Куба, находившаяся в этой же комнатѣ, отдѣлаась тѣм, что преждевременно родила мертвого ребенка... Больше во дворѣ никто не пострадал.

Взрыв во дворцѣ произошел тогда, когда на площади Минска еще не были сняты трупы повѣшенных по приказу Кубѣ русских антибольшеви́ков, пойманных в различных районах Вѣлоруссіи. Это был отвѣтъ антибольшеви́стскаго подполья.

Уже послѣ войны в воспоминаніях одного приближеннаго Гитлера я прочел, что, когда Гитлеру доложили об убійствѣ Кубѣ, он бросился на пол и в ярости стал попирать ковер. У Гитлера это было признаком крайней взбѣшенности. В ярости он приказал уничтожить все населеніе Минска (около 500.000 человек), потом измѣнил свой приказ и ограничил его уничтоженіем каждаго третьяго жителя Минска. Но и этот приказ в концѣ концов был отмѣнен, так как антибольшеви́стское подполье своевременно сообщило, что оно убило Кубѣ, и пообѣщало, что, в случаѣ массовых разстрѣлов в Минскѣ, оно отвѣтит массовыми убійствами нѣмцев, — военных и гражданских. “Печатью к настоящему заврѣнію, — писала группа подпольщиков, — будет убійство нѣмецкаго гебитскомиссара Минска, который приговорен нами к смерти за массовый разстрѣлъ заключенных в минской тюрьмѣ в день убійства Кубѣ и за попытку организовать массовое истребленіе населенія”.

Эта печать была “поставлена” через нѣсколько дней. Гебитскомиссар был встрѣчен на дорогѣ от своей загородной резиденціи и послѣ короткаго боя с охраной убит...

Зарницы, освѣщающія путь.

Россія снова молчит. Но тот, кто умѣет за этим великим безмолвіем видѣть подлинную Россію, тот услышит ея голос, поймет ея невысказанныя мысли, и для того зарницы нашего “вчера” освѣтят путь в “завтра”. Сейчас много пишут о власовском движеніи, но почему-то никто не рискует заглянуть в то, что было до него. Нѣмцы оккупировали огромную территорію Россіи, на которой находилось около 80 милліонов русских людей. И надо с большим презрѣніем относиться к нашему народу, чтобы думать, что эти милліоны сидѣли и ждали, пока освобожденіе придет — одни ждали его из Москвы, другіе из Берлина. Этот обидный и несправедливый взгляд ложен в самой своей основѣ. Народ не уклонялся от борьбы за свою судьбу и искал для себя правильнаго пути в этой борьбѣ. Героическая борьба того времени не будет забыта в народѣ, хотя она и не оставила по себѣ документов, которые можно было бы предъявить на суд мірового общественнаго мнѣнія. Поэтому все, что было до Власова, представляется многим чуть ли не доисторическим періодом, в котором трудно разобратся, так как еще не найдено достаточнаго количества геологических отложений.

Между тѣм, все, что послѣдовало потом и что нынѣ подвергается такому тщательному изученію и получило извѣстность под с о б р а т е л ь н ы м названіем власовскаго движенія, было лишь слѣдствіем того, что происходило на нашей родной землѣ. Нужен ли был нѣмцам Власов, отвѣчало ли его появленіе нѣмецкой политикѣ на востокѣ? По-видимому нѣтъ. Тогда почему же нѣмцы все таки в какой то мѣрѣ допускали его акцію? Я не слышал до сих пор ни одного серьезнаго

объясненія такой “оплошности” нѣмцев. А на самом дѣлѣ оно очень просто и понятно. Нѣмцы должны были охладить пыл на востокѣ, дать отдушину для выхода антибольшевистских паров в котлѣ, которые неизбежной логикой событій начинали обжигать и нѣмецкую военную машину. Вѣдь еще до появленія Власова русскіе добровольцы сражались на фронтѣ против большевиков и потом, поняв куда их вовлекают, уходили в лѣса, чтобы бороться против нѣмцев, еще до Власова русскіе взрывали зданія Гестапо и объявляли безпощадную борьбу в защиту народа от нѣмецкаго произвола. И это не была борьба во имя большевизма, это была борьба против большевизма, но и против нѣмцев. Слѣдующим по времени этапом этой борьбы и стало власовское движеніе, зародившееся в Германіи, но нашедшее глубокой отзвук на родной землѣ.

Во время войны наш народ сказал свое слово, сказал достаточно громко и убѣдительно. Оно, это слово, зазвучало с первых же дней войны, воплотилось в собираніи антибольшевистских сил, в самоотверженной борьбѣ на два фронта, во власовском движеніи — в миллионѣх больших и малых дѣл, которыя, словно зарницы, освѣщают нам путь в будущее.

М. Бобров.

РОССІЯ

Мы влюбленные нѣжно в Россію
И влюбились до гроба — навѣк
В мощь и в славу в поля ледяныя,
Гдѣ гуляет лихой человекъ.

И, гуляя, желѣзной рукою
Набивает людьми лагеря,
А они четверговой свѣчей
Предъ высоким престолом горят

За нее, за больную в лохмотьях
Еле дышащую в кандалах,
Заплатившую кровью и плотью,
За величье в грядущих вѣках.

Николай Евсѣев.

7. 3. 1949.

БОЛЬШЕВИЗМ В СВѢТЪ ПСИХОПАТОЛОГИИ

В № 1 (1949 г.) “Россійскаго Демократа”, в замѣткѣ “Кремлевскіе параноики”, неизвѣстный мнѣ лично корреспондент, новый эмигрант, живущій во Франціи, удѣлил благосклонное вниманіе моеї статьѣ “Допросы в тюрьмах Н. К. В. Д.” (Сб. № 13 “За свободу Россіи”) и предложил общими соединенными усилиями написать статью о психопатах и душевно-больных администраторах в СССР.

Так как в моем распоряженіи имѣется довольно порядочно матеріала по этому вопросу, то мнѣ хочется положить начало такому спеціальному изслѣдованію.

Многолѣтняя работа в качествѣ эксперта-психіатра, как “на волѣ”, так и в заключеніи (в Соловецком и Свирском концлагерях) дали мнѣ возможность изучить большевизм с психопатологической точки зрѣнія.

Давно извѣстно, что во время революцій на поверхность общественно-политической жизни выплывает много крайне неуравновѣшенных личностей, представляющих собою тяжелых психоневротиков, психопатов, а порой и явно душевно-больных. Два французских психіатра-психолога, Кабанес и Насе, написали на эту тему цѣлое большое спеціальное изслѣдованіе — “Революціонный невроз”.

Русская революція 1917 г. и послѣдовавшее за ней страшное 30-лѣтнее лихолѣтіе большевистскаго ига дали массу новаго матеріала по этому вопросу.

С самаго начала революціи до послѣдняго времени отношеніе совѣтской власти к душевно-больным и психопатам диктовалось исключительно утилитарно-политическими соображеніями, при которых ни о какой гуманности не могло быть и рѣчи. Если душевно-больные были “врагами народа”, то по приказу “сверху” они часто признавались вмѣняемыми и ответственными и, как таковые, разстрѣливались. Если же душевно-больные являлись “дѣятелями революціи”, то они, несмотря на их социальную опасность, часто, тоже по приказу “свыше”, выписывались из психіатрических больниц и ставились на отвѣтственную работу.

Чтобы не быть голословным, приведу факты.

В 1918 г. в психіатрическом отд. Центральнаго Красноармейскаго (бывшаго Николаевскаго военнаго) госпиталя в Петроградѣ (Костромская улица, 6) находился на испытаніи б. министр внутренних дѣл царскаго правительства Протопопов. Комиссіей врачей под предѣтельством извѣстнаго стараго русскаго психіатра проф. П. И. Ковалевскаго Протопопов был признан несомнѣнно душевно больным, стра-

дающим депрессивной формой маниакально-депрессивного психоза. Заключение комиссии Центр. Красноарм. госпиталя было еще дважды превьюрено, в Петроградъ и в Москвѣ, двумя другими психиатрическими комиссиями, пришедшими к тому же заключенію. Послѣ этого Протопоповъ былъ выписан в состояніи нѣкотораго улучшения на поруки жены, но вскорѣ послѣ выписки снова арестован и разстрѣлен. Через нѣкоторое время в "Былом" (этотъ извѣстный буржевскій журнал издавался короткое время и в СССР) появилась замѣтка совѣтскаго публициста Заславскаго, в которой сообщалось, что Протопоповъ "пытался симулировать душевное заболѣваніе", "былъ признан врачами-психиатрами здоровым", а потому и разстрѣлен.

Один молодой врач-психиатр, бывший секретарь психиатрическихъ совѣщаній Центр. Красноарм. госпиталя, написалъ Заславскому письмо-протест со ссылкой на номер "исторіи болѣзни" Протопопова и на записи в книгѣ протоколов, хранившихся в архивѣ госпиталя. Через недѣлю онъ былъ вызван в Г. П. У., гдѣ ему "предложили" никогда, нигдѣ и никому не рассказывать о болѣзни Протопопова, ибо ему, дескать, неизвѣстна послѣдняя секретная коммисія, признавшая Протопопова симулянтъ. Если и была в дѣйствительности какая то коммисія, признавшая клинически душевно-больного симулянтъ, то она, очевидно, состояла не из психиатровъ.

Аналогичный случай произошел через нѣсколько лѣтъ, тоже в Петроградѣ, когда извѣстный на Охтѣ протодиакон Хроновскій, тяжело душевно-больной (страдавшій артеріосклеротическим психозом) былъ осужден на 10 лѣтъ Соловецкаго концлагеря.

Если, повторяю, "врагъ народа", несмотря на ихъ душевныя заболѣванія, признавали "отвѣтственными" и наказывали, то "дѣятели революціи", несмотря на ихъ душевныя заболѣванія, иногда признавали способными продолжать ихъ дѣятельность. В 1918-1919 гг. из Центр. Красноарм. г-ля (из психиатр. отд.) было насильственно "освобождено" нѣсколько такихъ "дѣятелей". Один из нихъ через нѣсколько дней своей "свободы", по мотивам бредового характера убил в Петроградѣ, на Кирочной улицѣ генерала Кашталинскаго. Другой — убил профессора психиатра П. Я. Розенбаха (б. главнаго врача психиатр. отд. Николаевскаго военнаго госпиталя).

Однажды, в 1919 г., под строгим секретом, в психиатр. отд. Центр. Красноарм. г-ля былъ доставлен на испытаніе "видный член партіи", фамилія котораго не была сообщена. Но комиссар госпиталя А. А. Яблонскій в бесѣдѣ с проф. П. И. Ковалевским проболтался, что этотъ испытываемый никто иной, как Бѣлгородов, один из подписавшихъ смертный приговор Царской Семѣи.

Коммисія врачей, послѣ длительнаго клиническаго испытанія, признала его душевно-больным (маниакальная фаза маниакально-депрессивнаго психоза). Несмотря на это заключеніе и на спеціальное указаніе, что Бѣлгородовъ еще не поправился и продолжаетъ быть социально-опасным, онъ был, по распоряженію Г. П. У., выписан и вскорѣ поставлен на отвѣтственную партійную работу.

Один из убитыхъ А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокоткина (убитыхъ в 1918 г. в Петроградѣ, в Маринской больницѣ) — Кишкин, оказав-

пшійся тяжелым эпилептическим психопатом, вскорѣ послѣ своего “подвига”, уже подвизался на отвѣтственной работѣ в Г. П. У.

Болѣзнь и дѣятельность Ленина, страдавшаго в послѣднее время параличом на почвѣ сифилиса мозга — всѣм извѣстна.

Болѣзнь и дѣятельность знаменитаго наркома НКВД Н. И. Ежова также не подлежит сомнѣнію, хотя точный дифференціальныи диагноз еще не вполне ясен: было ли здѣсь формальное душевное заболѣваніе (паранойя) или тяжелая дегенеративная психопатія (параноидальнаго типа)?

**

Во время пребыванія моего в качествѣ врача-психіатра в Соловецком и Свирском концлагерях, мнѣ пришлось участвовать в медицинских комиссіях, періодически обследовавших всѣх сотрудников Г. П. У., работавших в этих концлагерях. В процессѣ медицинскаго освидѣтельствованія, мнѣ удалось вести тайную статистику наблюдаемых мною нервно-психических заболѣваній. В № 2 (1929 г.) журнала “Соловецкіе острова”, который издавался на о. Соловки “без права выхода на материк”, — моему ассистенту, доктору А., удалось даже опубликовать эту статистику, в замаскированном видѣ, в статьѣ “Особенности мѣстных нервно-психических заболѣваній на Соловках”. Впослѣдствіи, за мою статью, доктор А. подвергся тяжким взысканіям.

Всѣх цифр статистических данных я в настоящее время не помню и могу привести только слѣдующіе итоги. Среди 600 чел. обследованных мною вольнонаемных и заключенных работников Г. П. У. оказалось около 40% тяжелых психопатов-эпилептоидов, около 30% — психопатов-истериков и около 20% других психопатизированных личностей и тяжелых психоневротиков. Эти цифры чрезвычайно интересно сопоставить с официальными секретными цифрами “Соловецкаго Криминалогическаго Кабинета”, научнаго учрежденія, основаннаго известным криминологом проф. А. Н. Колосовым, бывшим в заключеніи на Соловках. Мнѣ пришлось работать научным сотрудником этого “кабинета”, который имѣл право изслѣдовать любого уголовнаго (но не политическаго) преступника. Из 200 чел. *убійц*, обследованных лично мною оказалось: около 40% психопатов-эпилептиков и около 20% других психопатизированных личностей и психоневротиков (гл. образом, т. наз. “травматиков”).

Итак, процент психопатизированных личностей среди начальства оказался выше, чѣм среди квалифицированных тяжчайших преступников-убійц!

Предметом обследованія “Криминалогическаго кабинета” (который давал матеріалы для бывшаго московскаго криминологическаго журнала “Преступник и Преступность”), были, между прочим, и так называемые “внутрилагерныя правонарушенія”. т. е. преступленія, совершенныя заключенными в лагерях. Эти “правонарушенія” были ужасны. В 1929-30 гг. “Соловецким Криминалогическим Кабинетом” была организована “Колонія для малолѣтних преступников” (т. е. для дѣтей от 12 до 16 лѣт), которых в Соловках было нѣсколько со-

тен, несмотря на то, что по законам того времени еще нельзя было дѣтей до 16-лѣтняго возраста карать концлагерем. (Поздѣе, в 1935 г., в процессѣ борьбы с безпризорностью, был издан закон, по которому даже 12-лѣтнія дѣти могли караться “высшей мѣрой социальной защиты” — разстрѣлом). Эта “Дѣтколони́я”, как всѣ ее называли, носила официальное названіе: *Исправительно-трудова́я колони́я для правонарушителей младших возрастов до 25 лѣт*”.

Начальником этой “колони́и” был заключенный чекист, бывший “командарм” и “полпред” — Иннокентій Серафимович Кожевников. При первом же знакомствѣ с ним я понял, что имѣю дѣло или с тяжелым психопатом параноиком или с душевно-большым параноиком. Через короткое время мое подозрѣніе подтвердилось. Кожевников бѣжал из лагеря, прислав начальству И. С. О. (“Информационно-Слѣдственнаго отдѣла”) большой пакет, в котором находился “Манифест Императора Иннокентія I”.

Вскорѣ Кожевников был пойман, жестоко избит (он оказал сопротивление), а затѣм освидѣтельствован комиссіей врачей-психіатров, причем каждый из врачей осматривал и давал мнѣ “простыя” заключенія в отдѣльности. Профессор д-р М. А. Жижиленко (тайный епископ катакомбной церкви) и я дали одинаковыя заключенія о том, что Кожевников душевно-большой параноик, но третій эксперт молодой советскій врач Шалаевскій заподозрил симуляцію. Тогда из Кеми был вызван на экспертизу извѣстный русскій психіатр, проф. д-р В. Н. Финне, подтвердившій душевное заболѣваніе Кожевникова.

Послѣ этого Кожевников был увезен в Москву.

Между прочим, проф. В. Н. Финне (читавшій лекціи по гипнозу в петроградском институтѣ по усовершенствованію врачей) отбывал заключеніе в Кеми за свои замѣчательныя работы в области гипнологіи, которыя сов. власти показали “мистикой”. Профессор В. И. Финне скончался в Кеми, замученный пытками непрерывных допросов в леченіе двух недѣль по ночам, по подозрѣнію в участіи в так наз. “Дѣлѣ Академіи Наук”.

В указанной выше “Дѣтколони́и”, в 1929 г. было зарегистрировано “дѣтское правонарушеніе” — групповое изнасилованіе мальчиками дѣвочек.

В 1930 г. одна из воспитанниц этой “Дѣтколони́и”, 15-лѣтняя проститутка, в теченіе нѣскольких мѣсяцев тайно убила 6 человек и только на послѣднем — “засыпалась”, т. е. была уличена. Дальнѣйшая судьба этой “дѣвочки” очень интересна. Ее увез с собой один из крупных чекистов в Москву и женился на ней. Может быть, он приспособил ее для “работы” в застѣнках Г. П. У.?

В Свирских концлагерях в 1933 г. три юных бандита убили своего товарища, отрѣзали у него ногу и зажарили ее, тайком, ночью, пробравшись в сѣрно-дезинфекціонную камеру, гдѣ и были пойманы с поличным за своим каннибальским “ужином”.

Таковы были т. наз. “внутрилагерныя правонарушенія” заключенных в “исправительно-трудова́х лагерях”.

Но недаром объективныя статистическія данныя показали, что среди “начальства” психопатизированных личностей было больше, чѣм среди квалифицированных преступников. Преступленія “началь-

ства”, по своей жестокости превосходили даже “внутрилагерныя” преступления обыкновенных заключенных.

Приведем примѣры.

Начальник К. П. Ч. (“Культурно-Просвѣтительной части”) Соловков — *Привалов*, как и его шеф, начальник К. П. О. (начальник всего культ.-просв. отдѣла Соловецких лагерей) — *Успенскій*, впоследствии начальник “Бѣлбалтлага”, были тяжелыми психопатами-садистами. Они собственноручно разстрѣливали заключенных и дѣлали из этого театральное рѣзалище, приглашая своих друзей из Кемпи на эти “любопытныя процедуры”. Один фельдшер, бывший невольным свидѣтелем этих процедур на “Секиркѣ” (“Секирная гора” на о. Соловки), заболѣлъ острым истерическим психозом и находился под моим наблюдением нѣсколько дней, а затѣм был отправлен, якобы, в тюремную больницу им. Гааза, в Петроград. Однако, через нѣкоторое время выяснилось, что он был разстрѣлен на той же Секиркѣ. Из безсвязных выкриков со слезами и смѣхом этого несчастнаго становилась ясной до ужаса психическая причина его заболѣванія.

Однажды мнѣ пришлось присутствовать при судебно-медицинском вскрытіи трупа одной дѣвушки из заключенных, вынутой из воды, со связанными руками и камнем на шеѣ. Дѣло оказалось сугубо секретное: групповое изнасилованіе и убійство, совершенное заключенными стрѣлками МОХР (военизированная охрана, куда набирались заключенные, прежде, на свободѣ работавшіе в карательных органах Г. П. У.), под предводительством их начальника-чекиста. Мнѣ пришлось “бесѣдовать” с этим монстром. Он оказался садистом-истериком, бывшим начальником тюрьмы. На командировкѣ “Красная горка”, в Соловках был начальник по фамиліи Финкельштейн. Однажды он поставил на ночь, на лед Блага моря, при 30 градусах мороза, 34 чел. заключенных, за невыполненіе непосильнаго “урока” по лѣсозаготовкам. Всѣм 34 чел. пришлось ампутировать отмороженныя ноги. Большинство из них погибло в лазаретѣ. Через нѣсколько мѣсяцев мнѣ пришлось участвовать в медицинской комиссіи, свидѣтельствовавшей этого чекиста. Он оказался тяжелым психоневротиком-истериком.

На командировкѣ “Савватьево”, в Соловках, мнѣ пришлось участвовать в секретной экспертизѣ. Слѣдователь, показав мнѣ труп сожженнаго на кострѣ чловѣка с переломанным позвоночником, задал только два вопроса: 1. До или послѣ сожженія был переломлен позвоночник? 2. Мог ли, вслѣдствіе этого перелома, произойти паралич нижних конечностей? Подробности “дѣла” мнѣ не были сообщены, но о них не трудно было догадаться... Обвиняемый, начальник командировки, заключенный чекист, был тяжелый психопат истеро-эпилептоид.

В 1929 г. с одним из этапов на о. Соловки прибыло чловѣк 10 инженеров-путейцев. Старые люди с сѣдыми бородами, в фуражках с зелеными кантами, со слѣдами кокард... Их заставили работать “вридломн” (т. е. “вр. исполняющими должность лошади”, как остряли в лагерѣ). Впрягли в огромные деревянные ящики на полозьях и заставили возить снѣг. Картина была потяжелѣе рѣшских “Бурлаков”... Среди этих “бурлаков” были профессора с европейской извѣстностью (напр., проф. *Правосудович*, проф. *Минут* и др.).

Проф. Правосудович вскорѣ был разстрѣлен. А проф. Минут погиб слѣдующим образом. Он лежал во ввѣренном мнѣ отдѣленіи центрального лазарета с декомпенсированным миокардитом. Однажды лазарет обходил начальник И. С. О. (информационно-слѣдственного отдѣла), сопровождаемый начальником Санитарнаго отдѣла д-ром В. И. Яхонтовым. Подойдя к койкѣ больного профессора Минут, начальник И. С. О. воскликнул: “Ах, это враг народа по дѣлу Н. К. П. С.” (наркомата путей сообщенія). Немедленно выписать его!”

Обращаясь за поддержкой к начальнику Санит. отдѣла доктору Яхонтову, я показал исторію болѣзни и сказал: “это очень тяжелый сердечный больной! Посмотрите сами, какіе у него отеки на ногах!”

“Не ваше дѣло разсуждать, когда я приказываю”, — грозно сказал начальник И. С. О. “Немедленно выписать.” — подтвердил д-р Яхонтов.

Выписывая проф. Минута, я дал ему на руки официальную справку от лазарета: “Слѣдовать пѣшком не может. Нуждается в подводѣ”... Это — все, что я мог ему сдѣлать на прощанье.

Днем он был выписан, а вечером в лазарет привезли уже его труп “на вскрытіе”. Моя записка не помогла и конвойный чекист заставил больного профессора Минута со всѣм своим скарбом идти пѣшком 12 километров. Пройдя 10 км., он скончался.

Когда я, взволнованный, пошел доложить об этом начальнику Санитарнаго отдѣла, я застал у него в кабинетѣ и начальника И. С. О. Выслушав мой рапорт, оба начальника заржали таким жутким смѣхом, что у меня замерло сердце...

“Туда ему и дорога!” — сказал, наконец, д-р Яхонтов, — поручите доктору Иванову сдѣлать вскрытіе, а протокол вскрытія представить мнѣ в секретном порядкѣ!”

Д-р Вл. Ив. Яхонтов, бывш. заключенный (за аборт, окончившійся смертью), послѣ отбытія срока, остался вольнонаемным. Он представлял собою хроническаго алкоголика с глубокой психической деградацией.

В июль мѣсяцѣ 1930 г., в Соловки был доставлен один заключенный доцент-геолог Д. и помѣщен сразу же в перво-психиатрическое отдѣленіе под наблюденіе. Во время моего обхода отдѣленія, он внезапно набросился на меня и разорвал мнѣ халат. Лицо его, в высшей степени одухотворенное, красивое, с выраженіем глубокой скорби, показалось мнѣ настолько симпатичным, что я привѣтливо с ним заговорил, несмотря на его возбужденіе. Узнав, что я обыкновенный заключенный врач, а не “врач-гешефтшик”, он со слезами стал просить у меня прощенія. Я вызвал его в свой врачебный кабинет и по душам поговорил.

“Не знаю, — здоровый я или сумасшедшій?” — сказал он про себя.

При изслѣдованіи, я убѣдился, что он был душевно — здоров, но, перепеса массу нравственных пыток, давал т. наз. “истерическія реакціи”.

Трудно было бы не давать таких реакцій послѣ того, что он потерпѣл. Жена его пожертвовала для спасенія мужа своей женской честью, но была грубо обманута. Брат его, поднявшій по этому поводу

историю, был арестован и разстрѣлен. Сам Д., обвиняемый в “экономической контр-революции”, цѣлую недѣлю допрашивался конвейером слѣдователей, не дававших ему спать. Потом он сидѣл около двух лѣтъ в одиночной камерѣ, при чем послѣдніе мѣсяцы — в “камерѣ смертников”.

“Мой слѣдователь сам застрѣлился, — закончил свой рассказ Д. — а меня, послѣ десятимѣсячнаго испытанія у проф. Оршанскаго, приговорили к 10 годам концлагеря и прислали в Соловки с предписанием держать в психизоляторѣ, впрямь до особаго распоряженія”...

Из многочисленных рассказов Д. мнѣ наиболее ярко запомнился один — о вдовом священникѣ (умершем в тюремной больницѣ), котораго какой-то изувѣр-слѣдователь заставлял отречься от Христа(!), мучая на его глазах дѣтей — десяти- и тринадцатилѣтних мальчиков. Священник не отрекся, а усиленно молился. И когда, в самом началѣ пыток (им вывернули руки!) оба ребенка упали в обморок и их унесли, — он рѣшил, что они умерли и благодарил Бога!

Вysłушав этот рассказ в 1930 г., я подумал, что пытки дѣтей и пытки дѣтьми — единичный случай, исключеніе... Но впоследствии я убѣдился, что подобныя пытки в СССР существуют. В 1931 г. мнѣ пришлось сидѣть в одной камерѣ с профессором-экономистом В., к которому примѣняли “пытку дѣтьми”. Но самый жуткій до кошмара случай таких пыток мнѣ стал извѣстен в 1933 г.

Дѣло было в г. “Лодейное полѣ”, гдѣ помѣщалось главное управленіе Свирских лагерей.

Однажды в качествѣ эксперта-психіатра мнѣ пришлось произвести двѣ экспертизы в один день.

Первым был мною освидѣтельствован извѣстный всей Москвѣ профессор протоіерей о. *Сергій Мечов*. У него оказалось реактивное состояніе послѣ допросов, на которых ему сообщили о разстрѣлѣ его жены и дѣтей.

Мнѣ удалось содѣйствовать его отправкѣ в тюремную больницу им. Гааза, на испытаніе к гуманному психіатру проф. Оршанскому, который, как я надѣялся, смог бы устроить о. Сергію Мечову свиданіе с его родными (я был убѣжден, что его родные не были разстрѣлены, а ложным сообщеніем об их смерти только мучили священника). Вторая испытуемая — надзирательница женской тюрьмы — была мнѣ так представлена слѣдователем: “хорошая работница, а вдруг с ума спятила и вылила себѣ на голову крутой кипяток”.

Приведенная ко мнѣ полная простая женщина лѣтъ 50 поразила меня своим взглядом: ея глаза были полны ужаса, а лицо было каменное.

Когда мы остались вдвоем, она вдруг говорит, медленно, монотонно, как бы отсутствуя душой: “я не сумасшедшая. Я была партійная, а теперь не хочу больше быть в партіи!” И она рассказала о том, что ей пришлось пережить в послѣднее время. Будучи надзирательницей женскаго изолятора, она подслушала бесѣду двух слѣдователей, из которых один похвалялся, что может заставить любого заключеннаго сказать и сдѣлать все, что захочет. В доказательство своего “всемогущества” он рассказал, как выиграл “пари”, заставив одну мать переломать пальчик своему собственному годовалому ребенку.

Секрет был в том, что он ломал пальцы другому, 10-лѣтнему ея ребенку, обѣщая прекратить эту пытку, если мать сломает только один мизинчик годовалому крошкѣ. Мать была привязана к крюку на стѣнѣ. Когда ея 10-лѣтній сын закричал — “Ой, мамочка, не могу” — она не выдержала и сломала. А потом с ума сошла. И ребенка своего маленькаго убила. Схватила за ножки и о каменную стѣну головкой хватила...

“Так вот я, как услышала это”, — закончила свой рассказ надзирательница, — “так я себѣ кипяток на голову вылила... Вѣдь я тоже мать. И у меня дѣти. И тоже 10 лѣт и 1 годик”...

Не помню, как я ушел с этой экспертизы... Я сам был в “реактивном состояніи”... Вѣдь и у психіатра нервы не стальные!..

**

Наличіе огромнаго количества психопатизированных личностей (особенно садистов) среди партійных коммунистов вообще и среди работников карательных органов (ЧК-ГПУ-НКВД-МГБ) — в особенности не подлежит никакому сомнѣнію.

Объясняется это просто: большевизм нуждается в кадрах таких дѣятелей, которых не может дать нормальная человѣческая психологія.

Геніальный пророк большевистской революціи Достоевскій дал потрясающій и исчерпывающій анализ движущих сил такой революціи.

“Смердяковщина”, “шигалевщина”, “верховенщина” и, наконец, “бѣсовщина”, — вот понятія, объясняющія сущность большевизма.

Методы “бѣсовщины” совершенствуются. И в настоящее время — “ленинщины” и “сталинщины” — уже не отдѣльные преступники (как Федька каторжник) и не отдѣльные маніаки (как Кириллов), а весь мір преступлений и душевных извращеній организованно используется для того, чтобы заставить самих Цицеронов и Шекспиров служить Молоху большевизма!

Проф. И. С.

ОБ ОДНОМ УЧЕНИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

За послѣдній год в русской эмигрантской печати наблюдается положительное явление — интерес к национальному вопросу в Россіи. Еще совѣм недавно, для большинства политиков, занятых единственно мыслью о формѣ высшей власти, его не существовало. Для одних он полностью растворялся в сянніи Святой Руси, а для других был разрѣшен раз и навсегда, так что ни ума, ни совѣсти не тревожил. Не тревожит он их и сейчас. Это относится, прежде всего, к тѣм партіям и группировкам (власовцы, солидаристы, нео-монархисты и т. п.), чьи программныя положенія по национальному вопросу не являются результатом собственной работы мысли, а заимствованы из чужого идейнаго багажа. Над ними тяготѣет мощная и разработанная идеология, опирающаяся на обширную литературу, на десятки увѣсистых томов, на сотни статей, рѣчей, программных документов, и даже на попытки практическаго ея примѣненія. Впродолженіи едва ли не цѣлаго столѣтія, она развивалась, углублялась, популяризовалась и приобрѣла необычайную власть над умами. Ея гипнотическая сила в наши дни такова, что когда ищут демократическаго разрѣшенія національнаго вопроса, то обращаются к ней, как к чему то непререкаемому и твердо установленному. Это — марксистская идеология, социал-демократическаго и большевистскаго толка. Чисто идейной разницы между большевиками и социал-демократами в данном случаѣ — нѣтъ, существует лишь разница в послѣдовательности. В то время, как первым на практикѣ не удалось осуществить своей идеи, они измѣнили ей — вторые намѣрены до конца и свято ее выполнять. Но в своем чистом видѣ, как принцип, как теорія, марксистское учение в национальном вопросѣ, в одинаковом направленіи дѣйствует на умы, как в Совѣтской Россіи, так и здѣсь, в эмиграціи.

Почувствовав обостреніе интереса к данной проблемѣ, которая все больше и больше начинает представляться русскому человѣку, как вопрос жизни и смерти Россіи в надвигающихся событіях, наша социал-демократія, в лицѣ своего лидера Р. А. Абрамовича, выступила с изложеніем своего credo. Этот цикл статей Р. А. Абрамовича, напечатанный в "Соціалистическом Вѣстникѣ" за 1948 г. (№№ 6, 7, 10), полон глубокаго интереса, прежде всего в том смыслѣ, что обнаруживает явное неблагополучіе в нѣдрах прославленной доктрины.

Самое сильное впечатлѣніе в этих статьях производит признаніе примата національных страстей, национальных связей и противорѣчій над страстями, связями и противорѣчіями классовыми. Это признаніе,

сдѣланное в сотую годовщину появленія “Коммунистическаго Манифеста”, объявившаго всю исторію человѣчества исторіей борьбы классов, полно особаго значенія. Мы, безусловно, присутствуемъ при крушеніи важнѣйшаго устоя марксизма, влекущаго в своемъ паденіи и цѣлый рядъ другихъ устоевъ. Теперь уже трудно держаться за утвержденіе, согласно которому національныя устремленія восходятъ, в конечномъ итогѣ, къ устремленіямъ классовымъ. Трудно столь же рѣшительно, какъ это дѣлалось раньше, утверждать, будто національныя движенія суть порожденія развивающагося капитализма и т. д. На лицо серьезный кризисъ марксистской мысли в занимающемъ насъ вопросѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость крайне осторожнаго отношенія къ политическимъ постулатамъ, вытекающимъ изъ всего ученія.

Но Р. А. Абрамовичъ, вскрывшій прежнюю теоретическую слабость марксизма в пониманіи природы націонализма, от политическихъ постулатовъ не только не отрывается, но идетъ еще дальше в смыслѣ ихъ заостренія. Не подвергая ревизіи старыхъ лозунговъ самоопредѣленія націй, вплоть до отдѣленія, онъ заявляетъ: “нѣтъ и, повидимому, не можетъ быть современнаго общественнаго развитія, построеннаго не на принципѣ національностей”. Далѣе, онъ молча признаетъ несостоятельность популярной идеи федеративнаго государства, основаннаго на национально-территориальной автономіи. Исторія послѣднихъ трехъ десятилѣтій ея распадами многонациональных имперій и попытками такихъ объединеній, какъ Закавказская федерація, убѣдили, видимо, автора в утопичности и призрачности подобныхъ федерацій. Всѣ упованія отнынѣ возлагаются на федераціи континентальныя, типа Соединенныхъ Штатовъ Европы, гдѣ вмѣстѣ со львами и тиграми могутъ спокойно пастись народы агнцы.

Р. А. Абрамовичъ не объясняетъ, почему онъ, не вѣря в федеративное государство, считаетъ возможной и осуществимой федерацію континентальную? Не потому ли, что сотнѣ государствъ легче поладить между собой, чѣмъ десятку? Онъ не задается также вопросомъ — сколько столѣтій пройдетъ до наступленія этого золотого вѣка и каковы будутъ издержки культуры и человѣчества, прежде чѣмъ самоопредѣлившіеся народы достигнутъ полной гармоніи в отношеніяхъ другъ къ другу? В принципѣ противъ подобной Аркадіи возраженій быть не можетъ: всѣ мы живемъ вѣрой в постепенное сліяніе человѣчества в единый организм, но для насъ далеко не безразличенъ путь, которымъ это будетъ достигнуто. Одно дѣло — выпустить сразу цѣлое стадо агнцевъ, то есть признать существующія многонациональныя государства непоправимымъ дѣломъ и, отказавшись отъ всякой мысли объ ихъ преобразованіи — добиваться скорѣйшаго ихъ разрушенія. И совсѣмъ иное — стремиться къ всемирному сохраненію такихъ государствъ, перестраивать ихъ на основаніи полнаго равноправія входящихъ туда національностей, усматривая в подобныхъ комплексахъ историческую ступень къ божье широкимъ объединеніямъ. В своей статьѣ*) я высказывался за этотъ второй путь, считая его болѣе легкимъ, прогрессивнымъ и наиболѣе отвѣчающимъ интересамъ народныхъ массъ. Полагаю, что онъ не противорѣчитъ даже устремленіямъ

*) Соц. Вѣстникъ № 6 за 1948 годъ.

просвѣщенных націоналистов типа Драгоманова, утверждавшаго когда-то, что “раздробленіе великих мировых литератур, как французская, нѣмецкая, итальянская, на провинціальныя, было бы таким же бѣдственным культурным явленіем, как совершенное раздробленіе политическое великих національных единиц было бы бѣдством политическим”. Современная социал-демократія, однако, оклонна в чаяніи будущих универсальных объединеній узаконить немедленный распад существующих объединеній в лицѣ многонациональных государств. Мотивы?

Первый и самый популярный — борьба со всяким проявленіем несвободы. Р. А. Абрамовича замѣтно беспокоит призрак централизованной имперіи насильственного типа, призрак “гюрьмы народов”. Но замѣтна также его нерѣшительность в смыслѣ акцентированія этого момента. Страшные призраки уходят в прошлое. В теперешней послѣвоенной Европѣ (оккупированная Германія не в счет) нѣтъ государств, в которых бы существовало угнетеніе одного народа другим, если не считать заморских колоній. Не существует его и в СССР, вопреки историческим воплям украинских сепаратистов, сисящихся представить великороссов поработителями и империалистами по природѣ. Там всѣ народы угнетены в одинаковой степени, но угнетены не по национальному, а по совершенно иному признаку. Послѣ большевицкаго урагана, вырвавшаго с корнем всѣ прежнія отношенія, там легче, чѣм гдѣ бы то ни было, провести необходимыя разумныя реформы в смыслѣ уравниенія в правах народов и умиротворенія национальных противорѣчій. И в современной политической идеологій всѣх отгѣнков уже отсутствует мысль о насильственном подчиненіи одного народа другому. Даже извѣстныя группы монархистов толкуют о союзном государствѣ. Всюду идея равноправія національностей.

Поэтому Р. А. Абрамович с гораздо большим стараніем упирает на другой мотив — на невозможность удержанія лоскутных государств от распада. “Логика націонализма, — говорит он, — по природѣ своей максималистична. Она всегда стремится дойти до самаго крайняго предѣла. Возникнув у національнаго меньшинства в многонациональном государствѣ, націонализм не складывает оружія, пока не добьется самостоятельнаго особеннаго государственнаго существованія. А, добившись осуществленія этого идеала, начинает бороться за болѣе крупное государство, т. е. становится империалистическим, стремясь захватить чужія территоріи”.

Другими словами, если народы не удерживать в рамках общаго государства силой, то никаких других средств удержанія не существует; они “самоопредѣляются” с неуклонностью стихійнаго процесса. “Наивно думать, говорит далѣе г. Абрамович, что народ, по тѣм или иным историческим причинам ставшій на путь особаго националистическаго сознанія, остановится в своем стремленіи, если какая либо академія наук докажет, что его язык не особый, а только нарѣчіе или діалект”. Отсюда бесполезность какой бы то ни было идейной борьбы с націонализмом. Так, напр., автор прекрасно знает вздорность, вымышленность и поддѣльный характер всѣх устоев украинскаго націонализма, но, по его словам, “отнюдь не слѣдует, что украинских націоналистов или сепаратистов можно убѣдить в несобоснованности их на-

ціоналістических или сепаратистских стремлений. Всѣ доводы будут отсылать от них, как горох от стѣны, потому что в своей основѣ націонализм заложен в сферѣ ирраціональной и только подкрѣпляется доводами от интересов рынков, мѣст, территорій господства". Позиція т. о. ясная: с націонализмом и сопровождающим его процессом дробления нѣтъ и не может быть иных средств борьбы, кромѣ непротивления, потворства и содѣйствія. Надо позволить ему дойти до своих Геркулесовых столбов. При этом Р. А. Абрамовича отнюдь нельзя упрекнуть в непониманіи истинной природы націонализма. Напротив, статьи его можно рекомендовать с педагогическими цѣлями всѣм благодушствующим русским политиканам. "Націонализм — по его словам — возведенный в ранг главенствующаго и опредѣляющаго начала, представленный сам себѣ, дѣйствует как огонь прерій: он выжигает кругом всю растительность, искажает и уродует всѣ взаимоотношенія между народами и классами". Не мало блестящих реплик и характеристик такого рода рассыпано на протяжении обѣих статей автора. В них націонализм расцѣпляется не только как зло, но как смертельная угроза человечеству, влекущая его в "историческую пропасть". И тѣм не менѣе... предотвратить опасность можно только, дав возможность ему дойти до своих логических предѣлов...

Я вряд ли ошибусь, сказав, что подобная точка зрѣнія является плодом того міровоззрѣнія, которое движущія силы историческаго процесса усматривают в каких угодно внѣшних факторах, только не в человеческой волѣ и не в человеческом сознании. Национальныя страсти суть порожденія капитализма, а капитализм представляет стихійный, закономѣрный, независимый от нашей воли процесс; слѣдовательно, націонализм столь же стихіен, закономѣрен и непреоборим.

Между тѣм, даже большевики, хранители марксистской ортодоксин, признают, что исторія творится людьми и что человеческим усиліям в этом творествѣ принадлежит первостепенная роль. Тот же капитализм, что нынѣ повсемѣстно начинает ущемляться и сходить со сцены, дѣлает это не сам по себѣ, но под страшным давленіем человеческих воль, в результатѣ жестокой борьбы, охватившей весь мір. Такая же борьба нужна и для сокрушенія гидры націонализма. Националистическій разврат принял такія разнуданныя формы единственно потому, что культурное человечество не объявило ему до сих пор войны. Пока с благоговѣніем будут снимать шляпу перед каждым без исключения проявленіем національнаго движенія, пока со страниц печати, вмѣсто порицанія и разоблаченія, будут исходить "научныя" оправданія этого явленія, губительным крайностям націонализма не будет конца. Идеиный націонализм должен быть окружен такой атмосферой осужденія, как германскій нацизм. Без этой мобилизаціи всѣх здоровых сил человечества невозможно образование и той "новой международной морали", о которой мечтает Р. А. Абрамович и которая ляжет в основу дѣятельности новаго типа организаціи, способной гарантировать законныя права каждой національной особи и способной также "вставить их в какіе то предѣлы, совмѣстимые с интересами и правами других національных особей". Кстати, если автор считает человечество безнадежно охваченным націоналистическим психозом, то, по мо-

ему, столь же безнадежно ждать, чтобы оно способно было выработать спасительную "международную мораль".

Будем исходить из убѣжденія, что міръ еще не настолько погряз в шовинистическом злѣ, чтобы не нашлось, по крайней мѣрѣ на дорогахъ нам территории Россіи, людей, способныхъ подняться до идеи свободаго многонаціональнаго государства, чтобы проповѣдь этой идеи не встрѣтила сочувственнаго отклика со стороны населяющихъ ее народовъ. Не забудемъ, что и мы, русскіе, имѣли у себя проявленія отвратительнѣйшихъ формъ націонализма, начиная с уваровской идеи официальной народности и кончая "Союзомъ Михаила Архангела" и "Союзомъ Русскаго Народа". Однако, мы с гордостью передъ всѣмъ міромъ можемъ констатировать, что нашъ народъ выдвинулъ мощную армію борцовъ противъ этого недостойнаго проявленія руссизма, и эта культурная армія спасла русскую душу отъ растлѣнія. Почему же не допустить, что прочіе російскіе народы таятъ въ себѣ такія же антишовинистическія силы?

Что націонализмъ заложенъ въ "сферѣ ирраціональной", не должно нас смущать. Введенный Фрейдомъ методъ лѣченія путемъ психоанализа построенъ, какъ извѣстно, на томъ, чтобы болѣзненно волнующее насъ темное подсознательное начало вскрыть, осмыслить и разъяснить. Человѣкъ избавляется отъ психическаго недуга черезъ постиженіе его разумомъ. Почему этотъ методъ невѣренъ для лѣченія отъ націоналистическаго психоза и почему солидная, хорошо продуманная научная пропаганда не въ состояніи одолѣть бактерии націонализма? Тѣмъ болѣе, что рѣчь вѣдь идетъ не о той, всегда незначительной, кучкѣ главарей-заговорщиковъ, лѣчить которую нѣтъ ни смысла, ни интереса, а о народныхъ массахъ. Взять тѣхъ же украинцевъ. Самъ Драгомановъ писалъ о нихъ въ 1874 году: "Трудно указать гдѣ либо окраину государства, въ которой является необходимость заботиться о преодолѣніи центробѣжныхъ стремленій, гдѣ бы эти стремленія были дѣломъ до того ничтожнаго меньшинства и гдѣ бы настроенія массъ и историческія традиціи были до того противоположны враждебному государственному меньшинству и до того, слѣдовательно, благопріятны дѣламъ государства, какъ Юго-Западная Русь". Другой крупный украинскій патріотъ Н. И. Костомаровъ точно такъ же не допускалъ мысли о сепаратистскихъ настроеніяхъ среди малороссовъ. По его словамъ "такое опасеніе болѣе чѣмъ не основательно; оно безумно послѣ того, какъ исторія ясно указываетъ намъ на древнюю политическую связь этихъ вѣтвей русскаго народа: отторгнутая отъ этой связи, малорусская вѣтвь постоянно рвалась къ возобновленію этой связи, достигла своей цѣли въ половинѣ XVII в. и съ тѣхъ поръ не только твердо стояла въ единствѣ съ русскою державою, но оказала ей спасительную помощь въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ — кто, напримѣръ, выручилъ дѣло Петра съ Карломъ, какъ не малоросійскій народъ, не подавшійся искусительнымъ обольщеніямъ Мазепы?"

Съ тѣхъ поръ, какъ написаны были эти строки, измѣнился-ли украинскій народъ? Нѣтъ, не измѣнился. За послѣдніе 30 лѣтъ онъ подвергся дѣйствію всевозможныхъ развращающихъ силъ, пережилъ короткую, но звѣрскую петлюровскую украинизацію, пережилъ тупую, бессмысленную, но страшную по своей длителности большевистскую украинизацію, испыталъ иезуитское нашенгиваніе галичанъ, воспользовавшихся большевистскою политикою и пославшихъ на Украину "дѣячей" въ видѣ учителей,

литераторов, научных работников и проч., испытал, наконец, дважды нѣмецкую пропаганду, направленную на отторженіе его от Россіи. И все-же остался прежним “русским” народом, а послѣ этой войны болѣе “русским”, чѣм когда-бы то ни было. Сотни тысяч его, если не миллионы завезены были в Германію и эти люди проявили здѣсь, на чужбинѣ, столь ярко выраженное російское обличье и до такой степени оказались чуждыми сепаратистских тенденцій, что только слѣпец мог не узнать в них наших прежних “малороссов”.

Между тѣм надо считать просто чудом, что этот народ до сих пор не утратил идеи общерусскаго единства. Мы ее не только не укрѣпляли, но в теченіе цѣлаго столѣтія дѣлали все от себя зависящее, чтобы подорвать ее и выкорчевать в сознаніи южно-россов. Мы их отдали на растлѣніе всѣм бѣсам націонализма. Не они вступили на путь сепаратизма, а мы усвоили теорію, по которой они обязательно должны стать народом самобытным, вплоть до государственнаго отдѣленія. Так почему же от этого народа всякая проповѣдь единства должна отскакивать, как горох от стѣнки? Надо только прежде, чѣм идти с проповѣдью к другим, самим быть твердо убѣжденным; надо изжить отраву прежних ученій в національном вопросѣ, изжить гипноз марксистских дозументов, усугубленный их большевицким “проведеніем в жизнь”. Надо смѣло во всеуслышаніе сказать: да, наш идеал — цѣльное російское государство, в котором отсутствует какое бы то ни было національное угнетеніе или національное неравенство, в котором каждый народ пользуется правами и возможностями такими, какія он мог бы получить в своем сепаратном государствѣ, но в котором, сверх того, получает то, чего не будет имѣть в маленьком уѣздном государствѣ — поле дѣятельности и ресурсы шестой части земного шара. Только такое разрѣшеніе вопроса может быть оправдано и разумом и совѣстью и только за него есть смысл бороться и ломать копыя.

Не можем поэтому согласиться с признаніем бесполезности и ненужности пропаганды и убѣжденія. Мы еще слишком мало дѣлали в этом смыслѣ, чтобы имѣть право говорить о бесполезности. Надо только убѣждать народ, а не ту горсточку безнадежных повинистов, что пытаются говорить от имени народа. Этих послѣдних должно не пропагандировать, но разоблачать и выводить на свѣжую воду. По отношенію к ним возможна только борьба — послѣдовательная, безпощадная, вплоть до полного развѣнчанія и идейнаго разгрома. Только таким путем можно освободить массы от их тлетворнаго вліянія.

И нужна поспѣшность. Глухіе подземные толчки міровой политики вѣщают приближеніе страшнаго сотрясенія земной коры. Приближается время отвѣтственных шагов и быстрых рѣшеній, опредѣляющих судьбы родины на многіе десятки, если не сотни лѣт. Не трудно предвидѣть ожесточенную атаку всѣх центробѣжных сил, с нетерпѣніем ждущих суднаго дня большевицкой диктатуры. Гибель большевизма они постараются превратить в гибель Россіи, и схватка с ними неизбежна для всѣх, кто дорожит единством російскаго государства. Усвоить невѣрный взгляд на національный вопрос — значит заранѣе проиграть эту битву, заранѣе отдать в плѣн врагу всѣх патріотов единаго государства, живущих среди 193-х народов, населяющих Россію.

Мы върем в общероссійскій патриотизм этих народов; он спаян кровью, общими страданіями и жертвами.

Днѣпровская электростанція, на которую собирались послѣдніе гроши со всего населенія от Чукотки до Минска, не может сдѣлаться достояніем одних украинцев, точно так же кости великоруссов, бѣлоруссов, украинцев, кавказцев, на которых выстроены Турксиб и Байкало-Амурская магистраль, возопіют, если эти дороги достанутся одним киргизам и якутам. А Бѣломорскій и Волго-Московскій каналы? А Воркута, Сингап, Караганда, средне-азиатское и закавказское строительство, гдѣ погибли миллионы людей со всѣх концов Россіи! Неужели это общее достояніе станет жертвой мелочнаго раздѣла? А гекатомбы жертв, принесенных в эту войну для защиты общаго отечества, — неужели они принесены впустую?

Нѣтъ, подобные союзы так легко не разрываются в угоду кабинетным теоріям. Долг русской зарубежной политической мысли — найти достойныя формы будущаго единства наших народов.

В этом направленіи идет работа. Программныя положенія «Союза Борьбы за Свободу Россіи» исходят из необходимости сочетанія полнаго удовлетворенія всѣх здоровых національных потребностей с сохраненіем общероссійскаго государственнаго цѣлаго. Слѣдует пожелать, чтобы на этот путь, как можно скорѣе, стали всѣ прочія живыя политическія партіи и группы.

Н. Шварц-Омонскій.

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Редакція обращается ко всѣм своим читателям с призывом не забывать «русских изгоев», в большом еще числѣ пребывающих в лагерях оккупационных зон Германіи и Австріи. Особо надо помнить о тѣх жертвах человѣческой несправедливости, которыя продолжают томиться, напр., в итальянских тюрьмах — там до сих пор не рѣшена судьба злосчастных заключенных с о. Липари. Нельзя забывать и того, что на новых мѣстах бѣженскаго раздѣланія по всему міру люди еще не скоро почувствуют матеріальную базу под собой. Почти ни у кого из них нѣтъ денег для приобретенія литературы. Наша редакція может послать лишь весьма ограниченное количество бесплатных экземпляров журнала. От добровольной лепты сочувствующих зависит нѣкоторое удовлетвореніе живых духовных потребностей россійских ди-ци. Редакція в этих цѣлях принимает пожертвованія.

Д Ъ Л А И Л Ю Д И

АТОМНАЯ ГРОЗА

Взрыв советской бомбы произвел эффект “разорвавшейся бомбы”. Таков каламбур, поднесенный недавно миру Кремлем.

О своих бомбах большевики заявляли давно. Но большевики так изолировались, что на их слова привыкли не обращать внимания, а осведомленные люди молчали. Однако, когда заговорил сейсмограф, пришлось нарушить молчание. Трумэн нарушил его в исключительной форме — обращение президента к народу — и тем усилил эффект неожиданности: форма поразила воображение людей не меньше, чем его содержание.

Но, конечно, и содержание... Было, вѣдь, так уютно укрыться от перспективы новых, неизведанных еще человечеством, зол под крылышко довода: Америка никогда не начнет, СССР без бомбы в руках, не посмѣет. Теперь с бомбой в руках, того гляди, и посмѣет. Как тут не испугаться. Первый испуг довольно быстро однако прошел. Паника улеглась. Заговорили доводы разума, не всегда, правда, и не одинаково убѣдительные. Один из них, наиболее популярный, таков: Что из того, что большевики построили наконец свою бомбу? Америке им все равно не догнать; соотношение сил остается прежним: у нас десятки готовых бомб, у них единицы, да и качества какого еще неизвестно... Довод, нужно сознаться, слабый. Разрушительная мощь каждой бомбы в отдельности настолько огромна, что число их уже не имѣет рѣшающаго значенія. Из математики известно, что разница двух близких к бесконечности величин близка к нулю. Да и другие факторы, помимо числа, — неожиданность перваго удара, отсутствие моральных сдержек и т. д. — могут оказаться на стороне СССР. Идут к тому же слухи о бактериологических его преимуществах. На августовском международном конгрессѣ здравоохраненія канадскій делегат опредѣленно утверждал, что рекорд разрушительности, бесспорно принадлежавшій досель атомной бомбѣ, побит нынѣ бомбой “бактериологической”, а этот де послѣдній особенно силен будто бы в СССР. Один американскій ученый так и предсказывает: В новой войнѣ американцы и русскіе будут погибать одновременно — американцы от чумы, русскіе от атомной силы. Но страшен сон, да милостив Бог...

Приводятся и другие доводы. Пусть, говорят “военные”, мощь обоих “гигантов” болѣе или менѣе уравнилась. Это вовсе не значит, что вѣроятность новой кровавой (теперь уже слѣдует говорить —

“пепельной”) схватки увеличилась. Возможна личная встреча и стовор вождей двух “гигантов” — Трумэна и Сталина. Встрѣтятся и, как разумные все-таки люди, на чем нибудь сговорятся — на экономических взаимных уступках, на полюбовном даже раздѣлѣ міра. От такого сговора плохо придется другим, Западной Европѣ в особенности, но тѣм хуже для Западной Европы — мір-то от послѣдней катастрофы будет все же спасен.

Увы, и этот, тяжелый для Европы, метод спасенія міра — подлинная утопія, только путающая карты и сбивающая мировую политику с реалистических и разумных путей. Сталин не отвѣчает нормальным условіям сговора и совершенно в данном случаѣ *невъзмъям*.

Много говорили и говорят о международном контролированіи атомной индустрии. “Объединенныя Націи” выработали детальный план этого контроля, — “план превосходный и осуществимый на практикѣ”, как выразился о нем президент Трумэн в юбилейной (четырехлѣтней годовщины О. Н.) рѣчи. Но именно поэтому-то, саркастически замѣчает передовица “Ле Монд”, план и будет отвергнут СССР-ом... Тут вопрос ясен...

Но гдѣ же тогда реальный выход из положенія? Выход есть — единственный и надежный: не сговор какой-то с большевиками, а скорѣйшій выгон их из Кремля.

Выгон же их возможен только при *союзе демократических стран с Россіей*. Перестаньте считать Россію врагом, мѣшая ее с СССР-ом, признайте главным союзником в борьбѣ с большевизмом русскій народ и побѣда сдѣлается возможной и легкой. **Всѣ** проклятые вопросы современности, включая вопрос об атомных бомбах, будут разрѣшены тогда без особеннаго труда.

Отрадно отмѣтить, что в нѣкоторых, по крайней мѣрѣ, высших военных кругах С. Шт., как будто бы упрочивается сознание необходимости поставить в центрѣ вопрос об “освобожденіи Россіи”. Об этом свидѣтельствует недавнее выступленіе по радіо редактора “Чикагской Трибуны” (см. статью Болдырева в № 43 “Посѣва”). “Свободная Россія — говорит Вальтер Троан, — несет міру свободу и мир... Россійскій народ должен узнать, что Америка ищет ея дружбы, что она знает, что слава и величіе Россіи — плод усилий и достижений Россійскаго народа, а не кремлевской шайки”.

Рѣшительный шаг должен быть сдѣлан — тѣм болѣе, что далеко еще нельзя быть увѣренным, что в поднятном самими большевиками атомном шумѣ нѣтъ в значительной долѣ обычного *тактического* обмана.

ЕВРОПА И АТЛАНТИКА

Закрывая в Страсбургѣ первую сессію Европейской Ассамблеи, предсѣдатель Спаак сказал: “Я знал, что Соединенные Штаты Европы *необходимы*. Теперь я знаю, что они *возможны*”. Словами этими подчеркнут *моральный* успѣх Ассамблеи. Собраніе в Страсбургѣ не было европейским парламентом. Выбранный им “Постоянный Европейскій Комитет” не является европейским правительством. Никаких чудес от Страсбурга никто вообще не ждал. Но без преувеличеннаго оп-

тимизма можно сказать, что, при всѣх своих недостатках, работа Ассамблеи не осталась бесплодной. Она не только поддержала и укрѣпила “дух Европы”, но заложила базы и реального будущаго единства. Проявленную Страсбургской Ассамблеей тенденцію к расширенію своих полномочій, могут подхватить послѣдующія ассамблеи и, если внѣшнія обстоятельства не помѣшают этому (ближайшее будущее и Европы, и человѣчества все еще под знаком вопроса), завершить положительным результатом.

И в критикѣ “Страсбурга”, и в событіях неблагоприятных его идеѣ, недостатка в послѣдніе мѣсяцы не было. Один из недостатков (весьма существенный) его работы был тонко подмѣчен в “Ле Монд” Сенваром Шрейбергом: Ассамблея смотрѣла не вперед на методы устройства современной социальной анархій (стремление отдѣльных общественных групп к монополіи в своих руках экономической и политической власти), а назад — на образы 18-го и 19-го вѣков, взыскую новых, европейских, Дантонов и Мирабо. Франція, готовившаяся в 39-м году к “войнѣ 14-го года”, заплатила за это дорого обошедшей ей “забавной войной”. В идеологических увлеченіях Страсбурга маячит призрак “веселой Европы”. Не обошлась бы Европѣ такая “забава” еще дороже, чѣм обошлась Франціи “забава” 39-го года. Принятая в Страсбургѣ Декларация Прав очень похожа на прекраснодушныя слова, сказанныя в 1790 году уже тогда обреченным Людовиком: “Гильотина отнынѣ дѣйствовать больше не будет!” Извольте попросить наших коммунистов, чтобы они были так любезны с уваженіем относиться к духовному пока только облику “Страсбургскаго чловѣка”.

“Неудобство” катастрофѣ заключается в том, что онѣ приходят не постепенно, и что пока онѣ не пришли, в них можно не вѣрять. Когда современные вожди заявляют, что существующій строй может прекрасно держаться, опираясь на внутреннюю инерцію, и что формулы блестящаго прошлаго могут прекрасно служить для столь же прекраснаго будущаго, это плохой знак: это значит — *катастрофа близка!*

Можно не раздѣлять до конца пессимизма этих строк, но над ними нельзя не задуматься.

Сразу послѣ войны Зап. Европа претендовала на роль “Третьей Силы”, равной по вѣсу двум міровым имперіям СССР и С. Ш. А. Голый подсчет народонаселенія, промышленных заведеній и матеріальных богатств оправдал бы не только эту претензію, но и претензію быть первой среди равных. Но народы Европы разъединены, промышленная техника ея отстала, военная мощь ничтожна. Европа постепенно сознала это и стремится уже не к равенству с міровыми державами, а либо к нейтралитету — к подобію увеличенной до западноевропейских размѣров Швейцаріи, — либо к автономіи внутри возглавляемой Соед. Штатами Западной Имперіи (“Атлантики”). Для нейтралитета непреодолимым препятствіем является то обстоятельство, что оба колосса избрали Зап. Европу своей главной стратегической зоной.

Закрытие сессіи Европейской Ассамблеи в Страсбургѣ совпало с открытіем сессіи Атлантического Союза в Вашингтонѣ. Союз этот про-

являет несомненную тенденцию стать, под протекторатом С. Ш., чѣм-то вродѣ сѣверо-атлантической конференціи.

Не явится ли тогда Сѣверная Атлантика конкуренткой Соединенных Штатов Европы? Не будет ли Западная Европа постепенно вливаться в нее отдѣльными націями, уменьшая этим шансы собственнаго объединенія? Опасность эта реальна: центробѣжныя силы внутри ея очень еще велики. Но дѣйствуют и силы центростремительныя. Могуч в исторіи экономическій фактор. Событія послѣдних десятилѣтій показали, что сильнѣе его фактор политическій. С наступленіем моральнаго оздоровленія от военных и революціонных ужасов, фактор культурный может оказаться сильнѣе и политическаго. Пока существует культурно-бытовое единство Европы, пока реален европеизм, он именно и будет оборонять Европу от грозящих ея культурно-бытовому укладу внѣшних опасностей. Будет ли Америка, в своих стратегических и хозяйственных интересах, по прежнему опекать Европу и заботиться об ея единствѣ, или предоставит ея, в ближайшем будущем, ея собственной участи, в обоих случаях исторія будет властно диктовать ей единство. Только объединенная она справится со всѣми своими умножающимися и углубляющимися кризисами. Европа (с Германіей и пиринейскими странами) так богата всякаго рода ресурсами — и матеріальными, и духовными, что, объединенной, ей не страшны будут ни чужая военная мощь, ни потеря заморских колоній, ни конкуренція других континентов.

ОБЪЕДИНЕННЫЯ НАЦІИ

С которым совѣтским вето совпала четвертая годовщина ООН, торжественно отпразднованная закладкой собственнаго Дворца? В газетах кто-то подсчитал — с сороковым. Это выходит десять вето в среднем на сессію. Какая же тут возможна работа? Тѣм не менѣе она все же велась: за четыре года немало полезнаго для оздоровленія мировой атмосферы было предпринято Объединеніем Націй. Только предпріятіе это обрывалось обычно при самом началѣ и плод, пронизанный червоточиной, бесполезно падал в траву. Червяком, точившим плод, была неизмѣнно совѣтская делегація — Вышинскій с подручными.

В течение всѣх четырех лѣтъ присутствіе их в Совѣтѣ и в Ассамблеѣ грозным *memento* висѣло над работой ООН: “Работать работайте, только помните, что пока мы тут, из работы вашей не получится ничего, и что смысл присутствія нашего заключается именно в этом!”

В газетах много писали о внушительной рѣчи Трумэна на закладкѣ Дворца и о предупредительной улыбкѣ его Вышинскому. Прямой внушительности и сердечной предупредительности во всем этом не было: и сам Трумэн и свидѣтели-слушатели это поняли прекрасно. Смысл его жестов и слов был скорѣй символическій — послѣдній, безнадежный в сознаніи оратора, призыв к совѣсти и уму Кремля, послѣднее предупрежденіе Совѣтской Россіи. Призывными и предупреждающими были и комплименты по адресу принятаго в прошлом году плана контроля над атомным производством, и напоминаніе об обязательном для всѣх народов уваженіи к правам человеческой личности и слова об “обездоленных территориях”.

Тот же “предупредительный” смысл имѣла и предупредительная улыбка Вышинскому...

Новой, отрадной чертой в работѣ четвертой сессии ООН была большая рѣзкость и смѣлость антибольшевицкой оппозиционности.

Верхом ея, прямым вызовом диктатурѣ Кремля, явилось избраніе в Совѣт Безопасности бунтовщической против Кремля Югославии и провал предложеннаго Совѣтами кандидата — Чехословакии. Какими бы “дѣловыми” вуалями ни маскировалось потом это рѣшеніе, главный смысл его — дерзостный вызов Кремлю, крупное поражение Сталина на фронтѣ “холодной войны”, — был ясно понят всѣми.

Прискорбнымъ явилось при этомъ поведеніе англійскихъ социалистов. Вѣрности общему дѣлу они предпочли сохраненіе торговыхъ связей с СССР, необходимыхъ, правда, Англии при катастрофическомъ, в данный моментъ, состояніи ея хозяйства.

Къ чести англійской печати нужно прибавить, что она (за малымъ исключеніемъ) не одобрила жеста социалистическаго правительства и вмѣстѣ со всею демократической Европой ликовала по случаю побѣды порвавшаго со сталинскимъ Коминформомъ Тито.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДРАМА И КУКОЛЬНАЯ КОМЕДІЯ

Кукольная комедія, это на востокѣ Германіи, политическая драма — на западѣ, національная трагедія на всемъ германскомъ пространствѣ. Цѣль “комедіи”, ближайшая — сформированіе новаго сателлита, болѣе отдаленная, и желанная — продвиженіе СССР-а, до Рейна (пока до Рейна). Смысл “драмы” — стремленіе демократически разрѣшить проблему Германіи, привести в исполненіе потсдамское постановленіе о возстановленіи Германіи, какъ единаго хозяйственнаго дѣлага, на всемъ своемъ пространствѣ располагающаго демократическими учрежденіями. Суть “трагедіи” — видимая непримиримость этихъ двухъ устремленій.

Провозглашеніе Германской Демократической Республики сопровождалось грандіозными “народными манифестаціями”, на постановку которыхъ такіе несравненные мастера, какъ извѣстно, наши большевики. “Спеціальные корреспонденты” газетъ говорили о многочисленныхъ толпахъ народа (мобилизованъ былъ весь совѣтскій сектор — партія, рабочіе синдикаты, союзы “красной молодежи”, объединенія “демократокъ” и пр.), о морѣ красныхъ, черно-красно-оранжевыхъ, бѣло-зеленыхъ, желто-голубыхъ и другихъ знаменъ и флаговъ, о бодро шагающихъ плотныхъ рядахъ молодежи (60 человекъ в рядъ) с криками “Хох!” и “Ура!” О плывущихъ над толпой гигантскихъ, украшенныхъ гирляндами и цвѣтами портретахъ “Отца народовъ” и только что пожалованнаго в “Отцы народа”, Вильгельма Пика (в толпѣ острятъ — Вильгельма III), о плакатахъ, восхваляющихъ прелести совѣтскаго строя и пр. До тошноты знаемая, особенно намъ, русскимъ, картина.

Типична (чтобы не сказать банальна) для нашей эпохи личность германскаго “Отца народа”, президента Германской Демократической Республики, Пика. В 1914-мъ году рядовой социал-демократическій комитетчикъ, Пикъ бѣжалъ на періодъ войны в Голландію. В революцію сыгралъ роль злого генія при Карлѣ Либкнехтѣ. Роза Люксембургъ считала его “балдой” (Dummkopf) старикъ Лидебуръ — “диллетантомъ, интриганомъ и бол-

туном". Годы гитлеровскаго владычества Пик прозел в Москвѣ, под крылышком Сталина, и в Германію вернулся с побѣдоносными совѣтскими легіонами. Назначенный президентом республики (к великой обидѣ "канцлера" Готволя, которому, по его собственнымъ, будто бы, словамъ, былъ уже "общан русскими" этотъ постъ. См. объ этомъ корреспонденцію Жоржа Блюна в "Le Monde"), онъ обитаетъ в знаменитомъ охотничьемъ павильонѣ Фридриха Великаго, а в торжественныхъ случаяхъ в бывшей императорской резиденціи — в "Новомъ Дворцѣ", в Потсдамѣ...

Вся эта марионеточная феерія едва ли кого-либо и в чем-либо в наши дни убѣдит, кромѣ немногихъ малолѣтне-наивныхъ политиковъ, да многихъ еще, къ сожалѣнію, коварно-мудрыхъ политикановъ. Прошли вообще времена, когда совѣтскія деклараціи и манифестаціи принимались людьми всерьез...

С манифестаціей ли, безъ манифестаціи ли положеніе ясно для всѣхъ: по испытанному и Сталинымъ и Гитлеромъ методу Квизлинговъ Совѣты строятъ себѣ новое "сателлитное" государство. Какъ ни велики соблазны, раскинутые передъ нѣмцами большевицкими демагогами (немедленный мир, уходъ оккупантовъ, отмѣна Рурскаго статута, воссоединеніе Саара и пр.), обмануть германскій народъ на этотъ разъ имъ едва ли удастся (тѣмъ болѣе, что в число "соблазновъ" не включено исправленіе восточной границы и возвращеніе Кенигсберга). О направленіи симпатій германскаго народа краснорѣчиво свидѣтельствуютъ во всякомъ случаѣ восторженные оваціи, которыми населеніе Берлина встрѣтило в своей средѣ западнаго президента Хейса и грандіозныя манифестаціи протеста в томъ же Берлинѣ противъ восточной республики. О манифестаціяхъ этихъ не мало в свое время писали газеты.

Давно, повидимому, задуманный Кремлемъ планъ превращенія Германіи в сателлита сталъ приводится имъ в исполненіе с перваго же дня оккупации. Только для формальнаго его возглашенія выжидали удобный моментъ. Моментъ этотъ созданъ образованіемъ федеративнаго правительства в Боннѣ. Большевики постыжили его использовать: — выразили рѣзкій протестъ по поводу политической организаціи западныхъ зон и объявили свою зону германской республикой. Вину за расколъ страны, с вѣишей правдивостью, можно было свалить теперь на союзниковъ:

Потсдамскій договоръ о единствѣ Германіи они нарушили первые. большевики же лишь вступаются теперь за нарушенныя суверенныя права германскаго народа — уводятъ свои войска, обмѣниваются с освобожденной частью страны послами, заявляютъ о готовности немедленно заключить с нею миръ и зовутъ в свое лоно западную половину Германіи.

Нестерпимой фальшью прозвучали подобныя заявленія. Кто же не зналъ, что оккупированную ими часть Германіи большевики немедленно запрятали за свой желѣзный занавѣс, вводя тамъ свои политическіе порядки и произвольно, никому не отдавая отчета установленіи размѣра репарационныхъ платежей. Осуществить потсдамское поставленіе об организаціи общегерманскихъ свободныхъ выборовъ большевики равнымъ образомъ отказались, отклонивъ сдѣланное имъ в этомъ смыслѣ предложенія парижскаго совѣщанія министровъ иностранныхъ дѣлъ в іюнѣ 48 г.

Что послѣ этого оставалось дѣлать союзникам, как не взяться одним за политическую организацію своих пока зон, впредь до момента когда организація всей Германіи станет возможной?..

Но вот, что достойно вниманія: не прошло и мѣсяца послѣ первых боевых и вызывающих выступленій совѣтскаго правительства (начиная с ноты протеста против Боннской республики), как тон их выступления рѣзко переизменился. Устами “канцлера” Гротваля (в его интервью с печатью) Сталин категорически заявил (в концѣ октября): “Германская Демократическая Республика ни о каком сепаратном мирѣ с СССР не помышляла и не помышляет. Единственная забота ея, это осуществленіе единства Германіи на принятых всѣми союзниками в Потсдамѣ, началах. Согласіе союзников — единственная база германскаго объединенія” и т. д. Словом, пущенный было вперед машинѣ дан задній ход: опасаться быстрого и сенсаціоннаго развитія событій болѣе не приходится.

Чѣм объясняется такой, “с Божіей помощью”, поворот? Явной оппозиціонностью народнаго мнѣнія Германіи? Твердостью позиціи западно-германскаго правительства и союзников? Неожиданными осложненіями внутри Сов. Союза? Трудно отвѣтить на этот вопрос, но самый факт несомнѣнен и должен привлечь вниманіе.

В своем первоначальном видѣ замысел Сталина о Германіи провалился: на этом фронтѣ ему пришлось отступить. Но покушеніе его ни для Германіи, ни для Европы не прошло все же безслѣдно. О присоединеніи к восточной республикѣ никто в Германіи серьезно, конечно, не думает, но толчек к ускоренію хода событій все таки дан. Поднялись в странѣ ревизионистскія устремленія. Усилилось давленіе в этом смыслѣ и на союзников. Сознаніе необходимости пересмотра оккупаціонных статутов сдѣлалось очевидным. Все это может ускорить разрѣшеніе германской проблемы. А без разрѣшенія ея немислимо разрѣшеніе и общеевропейских проблем — невозможно оздоровленіе европейской политической атмосферы.

И еще яснѣе должно зазвучать теперь в европейском сознаніи “кагановское” предупрежденіе: “Что бы ни предприняли мы, не будем забывать о первом и основном в наши дни — о разрушеніи Карфа-

ДУНАЙСКАЯ ЧИСТКА

“Грязное дѣло!” — отозвался о процессѣ Райка Тито. Не болѣе грязное, отвѣтим, чѣм процесс генерала Михайловича и другіе, с судом или без суда содѣянный тѣм же Тито, убійства. Теперь, в процессѣ Райка, Тито выступил уже подсудимым, недоступной пока палачам, но сладострастно облюбованной ими жертвой. Обстоятельства для Тито сложились благоприятно: есть прямой шанс из національнаго палача стать національным героем. В исторіи бывають такія амнистіи — объяснимыя, “естественныя”, понятныя, но вынуждающія чутких людей краснѣть за исторію.

Перед всяким размышляющим о будапештском процессѣ настоятельно встають два вопроса. Первый: какова его цѣль? Зачѣм одним “марксистам-ленинистам” понадобилось вѣшать других, столь же вѣрных Марксу и Ленину? Отвѣтить на этот вопрос не трудно: Кремлю и

его Коминформу грозит бѣда. Югославію проморгали. Не проморгают ли за ней и других! Враг, в видѣ комнаціонализма, зашевелился вдруг по всему Дунаю. Экстренныя мѣры необходимы, — чистка всюду, гдѣ только показались малые хотя бы ростки комнаціонализма! Райк — венгерскій Берія? За это в свое время он был высочайше обласкан. Райк — глава “венгерскаго” крыла партіи. Это уже не по времени. Никаких “чехов”, “венгров”, “болгар”, “румын”. Одни всюду кремлевцы, сталинцы чистой воды, под ферулой надежных слуг вродѣ Рокосы в Венгріи!

Процесс Райка в Будапештѣ, массовыя аресты в Чехіи, намѣтившійся новый процесс в Болгаріи — все это только начало. Всеобщая генеральная чистка — вот что предстоит, вѣроятно, пережить в ближайшем будущем востоку Европы. Россійскій Ежов скончался. Нарождается, быть может, Ежов европейскій.

Второй вопрос не нов, но по прежнему темен: какими мѣрами на этот раз удалось палачам выпотрошить мозги своих жертв — вчерашних зубастых волков, превратить в невинных ягнят?

Кестлеровскій “Рубашев” на этот раз едва ли что объяснит — не тѣ времена; теперь все проще, грубѣе.

НА ВЫСТАВКѢ “ПРАВ ЧЕЛОВѢКА”

Пріятно сознавать, что трагическіе годы, пережитые нами, прошли незамѣтно, и что мір не разучился смѣяться. Жива еще первоапрѣльская шутка, добрая шутка нашей юности. В прежнія времена ей был посвящен всего один лишь день в году — в наше время она иногда тянется недѣлями. Раньше предавался ей простачек, который был несказанно счастлив надуть ближняго, заставив повѣрить явной небылицѣ. Теперь эта радость надуть ближняго стала понятна передовым ученым міра, которые видят в первоапрѣльской шуткѣ метод, ведущій к “организациі образованія, науки и культуры”.

За примѣром веселой первоапрѣльской шутки ходить не далеко — стоит заглянуть в парижскій музей Галліера и посѣтить “Выставку Прав Человѣка”, открытую при посредствѣ Союза Стран по Организациі Образованія, Науки и Культуры, иначе говоря, Юнеско. Ходишь по выставкѣ и восторгаешься показанным матеріалом и его ловким подбором. И в душѣ надѣешься, что Юнеско, всегда так добросовѣстно откликающееся на событія созданіем многочисленных комитетов, и на этот раз уже учредило Комиссію по Подсчету Одураченных Посѣтителей.

Посудите сами. Благоговѣнно преклонившись перед портретом товарища Сталина, как нельзя болѣе кетати украшающим вход на Выставку Прав Человѣка, посѣтитель переходит к изученію вопроса о правѣ собственности и узнает, что “в нѣкоторых странах собственность находится на служеніи у общества”. Доказательством этому служат, если судить по выставленному матеріалу, “коллективныя хозяйства в СССР!” Дальше еще веселѣй: посѣтитель знакомится со “свободой печати”, примѣром которой ему предлагается газета, издающаяся — ни болѣе, ни менѣе, как в “свободной” Чехословакии!

Не думайте, что этим ограничиваются шутки устроителей. Остроумию их нѣтъ предѣла. Они, напримѣр, восхваляют “книгу, как орудіе культуры” и в видѣ иллюстраціи показывают нам все тот же СССР!

Пытаясь найти причину такого страннаго чувства юмора, мы сперва объясняли его трудностью получить соответствующій матеріал бесплатно от не “демократических” правительств и понятным желаніем устроителей сократить расходы по выставкѣ (которые вряд-ли превысили нѣсколько милліонов франков). Но это объясненіе не выдержало критики, т. к. по другому вопросу, в отдѣлѣ посвященном поправленію прав человѣка, у организаторов не нашлось ни одного документа, относящагося к СССР!

Отчасти такое невниманіе и пренебреженіе к Совѣтскому Союзу понятно, т. к. СССР не является членом Юнеско. Все-же, если устроители не желали удѣлять вниманія совѣтским начинаніям (вродѣ свободнаго труда в Колымѣ и Средней Азіи), они могли, по крайней мѣрѣ, отдать должное начинаніям членов Юнеско в этой области и упомянуть, скажем, судебные процессы Райка или Миндзенти. Очевидно, подобныя темы вряд ли входят в компетенцію людей, стремящихся к организаціи образованія, науки и культуры, и включаются в рамки Выставки Прав Человѣка.

Шутники устроители выставки. Бѣда только в том, что они не вполне оцѣнили умственное развитіе посѣтителей. Они рассчитывали на простофилю, слѣпо вѣрящих в высокія цѣли выставки. Они не предвидѣли, что большинство посѣтителей уйдет с выставки с чувством отвращенія от вида лжи и лицемерія, сквозящих на каждом шагу.

Что же сказать о высоком учрежденіи, которое щедро тратит на совѣтскую пропаганду деньги, собранныя от скромнаго плательщика налогов не “демократических” стран?

НОВЫЙ ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

Долгое время американскіе социалисты, осуждая насильническіе методы большевиков, все же вѣрили, что в Россіи строится “соціализм”. Эта иллюзія рѣшительно нынѣ отбрасывается заявленіем трех американских социалистических группировок (Социалистическая Партія, Независимая Соц. Лига, Соц.-дем. Федерация), которое помѣщено не в партійной, а общей печати (статья в “Херальд-Трибюн”). Сталинизм, с крѣпостнической эксплоатаціей, которую “ни один из учителей социализма никогда не предвидѣл”, с его небывалым полицейским произволом, рѣшительно осуждается, как “наглое” и “гнусное” предательство социалистических идеалов. Нигдѣ в мірѣ нѣтъ таких кричащих различій в условіях жизни, как в Совѣтской Россіи — от рабскаго труда в самых варварских и унижительных условіях до привилегій правящей банды, превращаемой в наследственную касту. “Никогда еще никакая тиранія, политическая и церковная, так не душила с помощью цѣннаго и террора свободу высказыванія и не ограждала такой великой массы людей от міровых связей и теченій мысли, как сталинская диктатура в странѣ, которую она осмѣливается называть “страшай соціализма”. Совершенно циничная попытка Сталина использовать подневольную русскую православную церковь, как орудіе

своей политики... вызывает чувство отвращения у всех социалистов, независимо от их отношения к религии или клерикализму”.

Редактор “Н. Р. С.” М. Е. Вейнбаум, имевший возможность познакомиться с подлинником заявления, говорит, что над составлением этого по истинно исторического документа американские социалисты трудились много месяцев: обсуждали каждое слово, долго спорили о каждом выражении. Тем значительнее документ, на весь мир свидетельствующий о безчеловечной деспотии, которая осуществляет самую свирепую форму эксплуатации человеком человека в СССР.

“СТАЛИНСКИЕ ЮНКЕРА”

(Письмо из Германии)

Они появились в советских оккупационных зонах Германии и Австрии недавно: в начале этого года. Прибывали в эшелонах, украшенных альбами полотнищами, расписанных лозунгами. Шли по улицам сомкнутым строем с песнями “о самом родном и любимом”. Собирались на митинги и принимали резолюции и приветствия товарищу Сталину, в которых выражалась их твердокаменная преданность большевизму. Эти юноши в хорошо подогнанной военной одежде присланы на запад на службу войск, которые оказались не достаточно надежными. Они сами себя называют юнкерами, хотя нигде в официальных бумагах это слово не упоминается. Юнкерами они называют себя потому, что это слово им нравится и еще потому, что так их называют политические руководители. Юнкерами они являются и по существу, так как все это части особого подбора.

В этих частях молодежь последних призывов. Отбор был произведен очень тщательно. Много солдат из тех, кто окончил школы-десятилетки. Многие говорят по-немецки. В общем войско интеллигентной молодежи. И это сразу дало себя знать. Исчез густопсовый мат, которым в оккупированных зонах прославились советские солдаты. Меньше жалоб на советских солдат поступает в командование советских войск.

Но в самих “юнкерских” войсках назревает конфликт чрезвычайного значения. Обычный советский солдат, может быть, и не задумывается над тем, в какое положение ставит его командование, но “юнкера” более наблюдательны и вдумчивы, и многое должно было поразить их. Ведь они ехали сюда, на далекий запад, чтобы защищать здесь великое дело Ленина-Сталина. Ехали, везя с собой изрядный запас энтузиазма и преданности родине. Здесь же их поставили в странное и нелюбое положение, которого они не могут не замечать.

После почти годичного пребывания в оккупационных зонах, “юнкера” так же мало знают об этих зонах, как и при приезде. Их надежно изолировали от всего внешнего мира. Казарма стала единственным местом, где молодой солдат может проводить время. В город выход строем, строем врасплох. Наряды для внешних постов доставляются на машинах и на машинах же увозятся обратно. В свободные от стояния на посту часы, “юнкеру” предписано проводить время в караульном помещении под надзором.

А недавно и совсем эта молодежь была приведена в смущение. На

контрольно-пропускных пунктах в распоряжении воинских частей появились незнакомые люди. Охрана казарм была передана этим людям, охрана же из своей части была удалена. Комиссары объяснили, что по приказу главного командования охрана мест расположения войск будет пестить личным составом одной из войсковых частей. Это казалось правдоподобным, так как вновь прибывшие были одеты в обычную армейскую форму. Но вскоре оказалось, что все это чины МВД, только переодетые в армейскую одежду. Командование не доверяет солдатам и решило, по предписанию Москвы, поручить их охрану МВД. Иными словами перевести на положение вооруженных арестантов. “Юнкера” местко прозвали этих людей, стоящих у входа в казармы, “идеалистами из МВД”. С тех пор эта кличка приклеилась к ним.

“Идеалисты из МВД” хорошо знают службу. Из казарм не может выйти ни один солдат и офицер, если его разрешение не оформлено. Опоздавший на несколько минут при возвращении в казарму ставится под подозрение. Все реже можно встретить на улицах советских солдат, да если и повстречаются они, то не иначе, как группой, и идут строем по мостовой.

“Юнкера” понимают, что им не доверяют. Среди них в почету рассказы о том, как живут американские, французские, английские солдаты в зонах оккупации. Им известно, что американский простой солдат получает 86 долларов в месяц, как известно и то, что это ровно в сто раз больше, чем получает советский солдат. Но больше всего они завидуют солдатам других держав потому, что тем никто не запрещает в свободное время посещать места увеселений местного населения, встречаться с немецкими девушками, бывать в немецких домах. Все это для советских “юнкеров” — запретный плод, их надежно изолировали от всего окружающего мира и “идеалисты” у входа глухи ко всем просьбам “юнкеров” позволить им хотя бы постоять на улице у входа в казарму.

И все таки нет такой преграды, которая вполне отделила бы молодых советских солдат от внешнего мира. Случайно попавший в казарму обрывок немецкой газеты, короткий разговор на улице, подслушанная беседа проходящих у казармы местных жителей — все это дает богатый материал для размышлений, которые неизменно приводят солдат к одному выводу: Даже в разоренных Германии и Австрии люди живут свободнее и лучше, чем в нашей победоносной стране.

Сколько советские власти ни изопряются в изоляции советских солдат, они не могут помешать возникновению этого вывода. Ведь даже простой и быстрый взгляд на хорошо одетых и упитанных детей, бегущих в школу, на парадную толпу немецких и австрийских городов, на газету, в которой пишется правда о собственном правительстве и за это никого не арестовывают, даже такой простой взгляд на все это рождает в душе солдата бурю, которую “идеалисты из МВД” только усиливают своим присутствием, напоминая солдатам о том, что они только вооруженные арестанты, “работы, не имеющие права разсуждать.

Слдует ли удивляться, что в последние месяцы снова усилилось

бѣгство совѣтских солдат из совѣтской зоны в западныя, и что на этот раз среди перебѣжчиков становится все больше тѣх, кого называют “сталинскими юнкерами”?

НАРОД, РАЗУЧИВШИЙСЯ УЛЫБАТЬСЯ

(Письмо из Австрии)

— Что вас больше всего поразило в Совѣтском союзѣ?

С этим вопросом я обратился к Отто Бергеру, недавно вернувшемуся из совѣтскаго плѣна. Отто Бергер, пожилой, лѣтъ 50, мастер с завода пишущих машинок. В прошлом — нацист и партійный организатор на своем заводѣ. В 44 году попал в плѣн. В маѣ 49 года был отпущен из плѣна и в сентябрѣ прибыл в свой родной городок.

Мы много говорили с Отто о Совѣтском союзѣ, он охотно рассказывал все, что видѣл там, щеголяя не плохим произношеніем в русском языкѣ. И все же, когда я спросил, что больше всего поразило его в СССР, Отто помедлил, прежде чѣм отвѣтить:

— Я думаю, что дольше всего в моей памяти останется то, что ваш народ не умѣет улыбаться.

И Отто рассказал:

— Когда меня из Умани перевезли под Можайск, я был этому рад. Пока мы были в Умани, мы старались думать, что нас так ужасно плохо кормят потому, что область разорена войной. Но Можайск хоть и был короткое время в зонѣ боев, все же был подмосковный город, центр страны, и мы надѣялись, что там нам будет лучше. Однако, все оказалось пустой надеждой. Нас так плохо кормили в Можайскѣ, как и в Умани, и также много заставляли работать, как и там. К этому времени я уже немного говорил по-русски. Из-за этого меня направили с группой военнопленных работать на кирпичный завод, расположенный рядом с шоссе Москва-Можайск. Было нас всего двадцать пять военнопленных и с нами один солдат, для охраны, Иван Копылов звали его. Жили мы в заводском домѣ и пользовались относительной свободой. Наш охранник Иван по своему рѣшил всѣ проблемы. Когда мы прибыли на мѣсто, он просто сказал: “Если кто убѣжит, шкуру спущу, но мѣшать вам жить не буду. Можете ходить в кино или еще куда и только в частные дома — запрещаю. Узнает командир — блин из меня сдѣлает”. Запретив нам посѣщать частные дома, сам Иван пристроился к какой то вдовѣ, и мы его иногда по два и три дня не видѣли.

Свобода послѣ многих лѣтъ строгой изоляціи в лагерѣ! Мы сами ходили на работу и с работы, получали наш паек и паек Ивана, готовили пищу, а иногда нас звали в заводскую столовую и давали поѣсть. И тут, может быть, впервые поняли мы, какой особый народ русскіе. Всѣ рабочіе, а особенно женщины, относились к нам, как к несчастным, нуждающимся в помощи и покровительствѣ. Иногда женщины забирали нашу одежду, наше бѣлье и возвращали все это выглаженным, выстиранным, починенным. Нам запрещено было ходить в общую баню, но однажды рабочіе пришли за нами поздно вечером и повели нас с собой. Баня оказалась натопленной, и впервые за много

лѣтъ мы имѣли вдоволь горячей воды. Рабочіе натопили баню специально для нас.

Самое удивительное было в том, что сами русскіе жили в чудовищной нуждѣ, которая должна была убивать в них желаніе помогать нам, их вчерашним врагам.

На кирпичном заводѣ мы пробыли больше двух лѣтъ, до самаго нашего освобожденія из плѣна. И здѣсь мы имѣли возможность близко познакомиться с жизнью русских. Из всего, что мнѣ запомнилось, крѣпче всего в памяти будет держаться воспоминаніе о том, что русскіе не умѣют или не могут улыбаться. Можно видѣть смѣющихся дѣтей, улыбающихся юношей и дѣвушек, но мнѣ кажется, что я не видѣл ни одного взрослого, который бы улыбался. Эта печать серьезности на лицах дѣйствует удручающе. И, узнав жизнь русских, я должен сказать, что улыбка была бы чѣм то противоестественным. Люди все время в нуждѣ. Их заработка не хватает на удовлетвореніе самых обычных потребностей.

В каждом домѣ — нужда и лишенія, и в то же время в каждом домѣ люди готовы радоваться тому, что нас, нѣмцев, попавших в плѣн, стали лучше кормить, и нам легче живется. А когда нас начали стпускать из плѣна, то мнѣ кажется, что наши русскіе друзья радовались этому не меньше, чѣм мы сами.

Казалось бы, что люди с такой открытой и отзывчивой душой, с таким отношеніем к другому человеку, с такой, я бы сказал, неосознанной жертвенностью, должны были бы много улыбаться, а между тѣм улыбки нѣтъ на их лицах.

И я думаю, что многое должен пережить народ и велики должны быть тягости жизни, чтобы отучиться улыбаться... Когда же я говорю об этом у себя в Германіи — мнѣ не вѣрят. Но я заставляю повѣрять, это теперь для меня самое главное в жизни”.

На столѣ у Отто лежит зеленая папка, над которой он просиживает ночи и свободные дни. Я пріоткрываю крышку папки. На первом листѣ бумаги крупно, с паивными завитушками, выведено по нѣмецки: “Народ, разучившійся улыбаться”... Отто пишет книгу о Россіи.

ЗАГАДКА

Год тому назад с коломыйскаго аэродрома бѣжали два совѣтских летчика — Пирогов и Борзов. Долетѣли они до Линца в Австріи, а затѣм были переправлены америкалцами за океан. Их прибытіе в Соед. Шт. сопровождалось большим шумом — под покровительством пью-іоркской “Лиги борьбы за народную свободу” они выступали со своими разоблаченіями на всевозможных митингах и собраніях. Один из них, Борзов, в нѣсколько таинственной обстановкѣ, связавшись с совѣтским полпредством и попытавшись прежде подкупить, а затѣм завлечь своего товарища в западню, принес в концѣ концов покаяніе и был американскими властями возвращен на родину. В чем дѣло? Не продѣлал ли Борзов провокаціонно своего рода комедію временнаго перевоплощенія по специальным заданіям развѣдывательных органов СССР?

Мы тогда же получили от одного виднаго новаго эмигранта, до-

статочно опытного и осведомленного в советских методах работы, письмом, в котором говорилось:

... Случай Борзова восхитил меня. Это то, что я называю работой с огоньком. Хотите мою версию борзовской истории?

Пирогов задумал бѣжать. Искренне. Рѣшил привлечь Борзова и старался приманить его перспективой легкой жизни. Были все-таки друзья. Пирогов не знал, что Борзов агент МВД или СМЕРША. И его начальником был не обычный энкаведистский дурак, а человек умный. И он стал рассчитывать: Пирогов задумал летѣть. Можно взять его и расстрѣлять. Одним измѣнником меньше. Это самое простое и примитивное. Но можно сдѣлать и иначе. Дать возможность Пирогову летѣть. И пусть с ним соглашается летѣть Борзов. Они вылетают в *учебный полет*. Против обыкновенія им дается много горючего, тогда как при нормальных условиях горючего дают точно на маршрут.

Борзов.

Пирогов.

Они летят. *С Украины до Австрии*. Горючего дано столько, что они долетают до американцев. Умный дядя в МВД рассчитал правильно. Американцы в восторгѣ. Ласкают и милуют перелетчиков. Сержант-моторист отправляется назад. Это удивительно ловко придумано и это больше всего убѣдило американцев. Бѣдняга-сержант, дѣйствительно не знал, что он фигурка, поставленная умѣлой рукой энкаведиста на шахматной доскѣ. Самолет возвращен советам. После этого на кону остаются только Пирогов и Борзов. Их просят вернуться. Советскій офицер уговаривает не летчиков, а американцев, 9,5 часов. Зачѣм столько? Ясно, уговаривает не летчиков, а американцев, которые должны повѣрить. Летчики непреклонны. Их везут в Америку. Цѣпаются. Кое что показывают. Но это им не нужно. Борзов послан не за военными секретами. Это — тонкая игра, непонятая американцами (их развѣдка не привыкла к этому). Имя Борзова становится известным. Он сидит на каких то засѣданіях, пожимает руку Керенскому. Потом он говорит: хочу домой. Почему? — изумляются хозяева. Потому, что у вас погано. Капиталисты эксплуатируют. Простому человеку жить невозможно. Замѣйте, он будет сильно подчеркивать, что искренне перелетѣл к ним. Это бомба номер 1. Американцы —

простые люди, которые вѣрят им. Замѣтите, опять таки: когда Б. сказал — хочу домой, — его попытались отправить в тихую — ѣзжай мол и не мути. Но сов. посольство немедленно нарушило эту тишину. Оно стало посылать запросы. Оно постаралось, чтобы исторія всплыла на поверхность. Корреспонденты на скорых самолетах, навѣрное, понесли влѣд за Борзовым в Вѣну. На этот раз он не молчал, а очень много говорил. И это все попало в печать. Колоссальный выгрыш, если вдуматься. Но это не все. Бомба номер два: Борзова будут судить и может приговорят строго. Потом простят. И он будет писать статьи, как в Америкѣ плохо. И никому — ни Эренбургу, ни Фадѣеву — так не будут вѣрить, как ему, хотя м. б. именно Эренбург и Фадѣев будут писать тѣ статьи, которые появятся за подписью Борзова. Но и это не все: случай Б. будет предостереженіем всѣм тѣм, кто мечтает бѣжать на запад... Нѣтъ, что ни говорите, а всю эту комбинацію придумал умный человек: приобрести пропагандный рупор двухсторонняго дѣйствія — это работа “с огоньком”.

Устроители недавно бывшаго в Нью-Йоркѣ по инициативѣ Лиги собранія не согласны с таким, “совершенно вздорным”, объясненіем. “Безпристрастное” толкованіе даннаго эпизода, по их мнѣнію, свидѣтельствует о том, что перед нами случай бытового разложенія человека, который без достаточнаго закала “борца” взвалил на себя непосильное бремя политическаго эмигранта: он ослабѣл, разочаровавшись в американских иллюзіях, и почувствовал себя чуждым среди своих же русских. Это своего рода конфликт между новой и старой эмиграціей, одно из проявленій трагедіи новых, для которых старые, не проявив достаточной чуткости, создали атмосферу духовной пустоты. До извѣстной степени здѣсь сказано много общей правды. Может быть, Борзов в дѣйствительности так наивен и пуст, как изображают лично его знавщіе и как свидѣтельствуют отрывки найденнаго его дневника. Но все-таки примитивность субъекта вовсе не является еще рѣшающим аргументом. В слѣдующем номерѣ наш читатель познакомится со статьей, посвященной дѣятельности знаменитаго “Треста” — той провокаціонной контр-революціонной организаціи в эмиграціи, которая создана была в 20-х гг. при непосредственном содѣйствіи ГПУ. Большевики сумѣли проявить такую изощренную чекистскую виртуозность, что неизбежно приходишь к выводу: политическая эмиграція должна быть сугубо осторожна.

ЗЛОВѢЩАЯ ЮМОРИСТИКА

Небезызвѣстный “монархист” Чухнов, про котораго многіе монархисты в Германіи говорили, что никто так не компрометировал монархическое движеніе, как он, прибыл в США. Там он немедленно стал издавать журнал “Знамя Россіи”. И в первом же номерѣ напечатал свой доклад в Монархическом Объединеніи в Нью-Йоркѣ на тему “Русская эмиграція в Германіи и ея чаянія”. Доклад этот уже получил заслуженную оцѣнку в разных органах зарубежной русской печати, как смѣсь клеветы с доносом. Остановимся только на заключительных его строках. Чухнов говорил о “надеждѣ... что в Америкѣ раздастся громкій голос сильнаго человека”. Из дальнѣйшаго явствует,

что таким человеком является кн. С. С. Бѣлосельскій. По словам Чухнова, “он обладает всѣми данными, чтобы взять на себя инициативу всеэмигрантскаго объединенія”. Если бы сам г. Чухнов обладал хоть нѣкоторым чувством мѣры, то он на этом бы и остановился. Но ему показалось, что этого мало, и ода придворнаго шита, составленная по рецепту “маслом каши не испортишь”, закончилась самой настоящей юмористикой. Оказывается, что “имя Бѣлосельскій сейчас весьма популярно даже в нынѣшней Россіи”?!. Основаніем для этого домысла Чухнова является тот факт, что в одном историческом романѣ, изданном в СССР, рассказывается о гибели двух братьев — князей Бѣлосельских на Куликовом Полѣ...

Извѣстно, что не только цари, но и богатые бояре и дворяне держали при своих дворах разных придворных шутов, скоморохов, приживальщиков и вообще прихлебателей. Навѣрно были они и у предков кн. Бѣлосельскаго. В их задачу всегда входило восхвалять хозяйина, поносить его врагов и смѣшить его гостей, получая за это мзду преимущественно натурой.

Очевидно, г. Чухнов принял на себя запоздало роль потомка скоморохов князей Бѣлосельских. Если бы дѣло ограничилось только “усердіем не по разуму”, эту юмористику не стоило бы отмѣчать. Но за ней скрывается опредѣленная политическая кампанія, которую нынѣ ведет Бѣлосельскій, возглавитель “объединенія” 20-ти так называемых “русских національных организацій в Америкѣ” — объединенія, которое причудливо обратилось в свободной странѣ в оплот російской зарубежной реакціи. Обидно за кн. Бѣлосельскаго, отказавшагося от своей высоко плодотворной дѣятельности в “Русско-американском комитетѣ помощи эмиграціи” и смѣнившаго благотворительность на грубую политику. Как эти “національно-мыслящіе русскіе люди” предполагают сплачивать силы и осуществлять “всеэмигрантское объединеніе”, видно по их первому удару, за которым, очевидно, должны послѣдовать другіе. Объединеніе нынѣ занято усиленной разсылкой воззваній, обращеній, листовок во всевозможныя общественныя, политическія, церковныя и культурно-просвѣтительныя образованія в эмиграціи, в цѣлях организаціи протеста против дѣятельности нью-йоркской Лиги, возглавляемой “б. председателем Врем. Прав. Россіи в 17 г. А. Ф. Керенским”; оно готовит шумное выступленіе в международной прессѣ с обвиненіем “лѣваго интернаціональнаго крыла русской эмиграціи” (организаторы явно совершенно не способны разобраться в существующих политических группировках) и во славу глазнаповской акціи в Германіи, которая привела уже к полному разложенію общественно-дѣловых организацій в зонах американской оккупаціи.

Кому нужна эта вредная “подрывная работа”? Пусть подумают “національно-мыслящіе люди”, присвоившіе себѣ право говорить от имени “всей зарубежной національной Россіи”. В слѣдующей своей тетради мы дадим обильный матеріал для такого сужденія. Пока отмѣтим лишь печальный итог, который можно подвести в оккупационной зонѣ Германіи. С таким трудом сколоченное здѣсь коалиціонное представительство російской эмиграціи, долженствовавшее представлять интересы російских ди-пи во внѣ (перед ИРО, американскими и нѣмецкими властями) фактически распалось, т. к. из него ушли представи-

тели рѣшительно всѣхъ зарубежныхъ группировокъ, за исключеніемъ сафѳовцевъ. Ушли дѣятели Высш. Мон. Совѣта, представители вѣсовцевъ (СБОНР, СВОД, АЦОДНР), солидаристовъ и члены демократическихъ группъ. Ушли потому, что не в силахъ были переносить общественную обстановку, созданную формальнымъ большинствомъ в дѣловомъ объединеніи. Ушедшіе откровенно на собраніяхъ охарактеризовывали мотивы своего выхода такими сильными словами, какъ “провокація”, “шантажъ”, “шулерство”, къ которымъ систематически прибѣгали “этически нечистоплотные вожди” сафѳовцевъ. В особомъ печатномъ обращеніи “Къ русской эмиграціи” ушедшіе за полными подписями называютъ выступленія инспиратора пресловутыхъ “державниковъ” Арцюка и совѣтскаго доцента Ветлугина “скандальными” и предостерегаютъ зарубежную общественность отъ дѣятельности такихъ совершенно неприемлемыхъ “сомнительныхъ элементовъ”. При такихъ условіяхъ, совѣмъ уже курьезно звучитъ торжественное постановленіе оставшагося ЦПРЭ о созданіи “чрезвычайныхъ судовъ защиты чести русскихъ эмигрантовъ”, для “поддержанія престижа русскаго имени”, для “укрѣпленія моральныхъ и нравственныхъ устоевъ” и для борьбы съ клеветой и диффамацией въ печати, в дѣлахъ “опороченія честныхъ русскихъ эмигрантовъ”...

Неужели не найдется, однако, достаточнаго числа здравомыслящихъ людей въ зарубежьи, чтобы вытянуть русскую политическую эмиграцію изъ того грязнаго тупика, в который ее вгоняютъ? Во всякомъ случаѣ, порвавшая съ “сафѳовцами” оппозиція создала уже свой нац. общ. комитетъ во главѣ съ извѣстнымъ философомъ, проф. А. П. Филипповымъ. Этотъ комитетъ при участіи представителей казачьихъ, бытовыхъ и профессиональныхъ организацій ставитъ своей задачей созывъ новаго съѣзда проживающей в американской зонѣ русской эмиграціи для избранія демократическаго представительнаго органа. Будемъ надѣяться.

НАШИ ВРАГИ-САМОСТІЙНИКИ

Процессъ В. А. Кравченко слишкомъ свѣжъ в памяти, чтобы существовала необходимость напоминать о единодушіи всего антикоммунистическаго міра в отношеніи къ тому, что происходило в залѣ Сенскаго суда. По истинѣ, забыты были всѣ партійныя, всѣ національныя различія, и Кравченко явился выразителемъ чувствъ той части населенія земнаго шара, которая видитъ в большевизмѣ величайшее зло и готова на борьбу съ нимъ. Но в эти памятные дни, нашлась эмигрантская группа, занявшая рѣзко враждебную позицію в отношеніи Кравченко. Это — украинскіе самостійники. У нихъ ненависть къ большевизму отошла на второй планъ и была заслонена ненавистью къ русскому патриоту, доходившей до того, что даже паружность Кравченко подверглась издѣвательству, вродѣ того, которое позволяло себѣ издающийся в Парижѣ “Украинецъ”, сравнившій его съ актеромъ губернскаго театра, выѣхавшимъ на гастроли в провинцію.

Свое отношеніе къ организатору антибольшевистскаго процесса украинскіе сепаратисты, построили на сугубо націоналистической, расовой почвѣ. Голова центральнаго громадскаго комитета во Франціи, Симонъ Созонтовъ, послалъ ему письменное “запитанія про його національ-

ність”, а Иван Попович, редактор “Українця” задал этот вопрос устно на пресс-конференції. Отвѣт Кравченко, который, как извѣстно, — украинец по происхожденію, но считает себя, подобно подавляющему большинству украинскаго народа — гражданином общероссійскаго государства — пришелся крайне не по душѣ господам Поповичам. Для них не существует болѣе неприятнаго факта, чѣм наличие украинцев, осуждающих сепаратистскую дѣйтельность: и стоящих под знаменем общероссійскаго единства. Поэтому всей самостоятельной прессѣ дано было задание — возвѣститъ міру, что Кравченко не украинец. Иван Попович объявил его челоуѣком “неозначеной раси та национальности, з вигляду більше семітського як словянського типу”, а Симон Созонтов сумѣл эту “неозначенность раси” подмѣтити и в языкѣ Кравченко, который на вопросы журналистов отвѣчал “по англійски або по московськи”. “Щодо англійской мови — заявляє пан голова — то не можемо сказати, чи вона була добра, а щодо московськой, то вона не була мовою ні москаля, ні українця, що говорить московською мовою, а було це щось третє”.

Издающийся в Буэнос-Айресѣ “Наш Клич”, сумѣл все таки опредѣлитель национальность Кравченки, объявив его “малороссом”. В замѣткѣ, “Два малороси” от 25 февраля 1949 г. — он ставит Кравченку на одну доску с его противником — ген. Руденко. Малороссами названы оба потому, что ни тот, ни другой не являются поборниками “незалежности”, а исповѣдуют “едину и неподільну Россію”. С точки зрѣнія сепаратиста, этого вполне достаточно, чтобы все другія различія между ними отбросить и не принимать во внимание. Какое ему дѣло до того, что Кравченко борец против большевизма, если он не за “незалежну Украину”? Какое ему дѣло до того, что Руденко один из самых отвратительных представителей режима, ненавидимаго пѣлым свѣтом? В качествѣ такового, он абсолютно безразличен и, если заслуживает ненависти, то только, как “малоросс” не дѣлающій различія между украинцем и великороссом.

Большаго обнаженія своей сущности трудно представить.

Надо, впрочем, отдать справедливость украинофильской прессѣ, что она этой своей сущности и не скрывает. Так газета “Час” от 6 янв. 49 г. заявляет, что она до сих пор не удѣлила ни строчки парижскому процессу потому, что еще из книги Кравченко вынесла впечатлѣніе, “що українській пропаганді нічого доброго не сподіватись”.

Процесс явился ударом не по одному большевизму, но и по украинскому націонализму. Он окончательно развѣял легенду о нем, как об одной из антисовѣтских сил. В развернувшейся ожесточенной схваткѣ. самостоятники не только не оказались по эту сторону баррикады, но слились свои голоса с прокоммунистическим хором клеветников и поносителей Кравченко.

Это, впрочем, не помѣшало им обвинять его в нежеланіи воспользоваться показаниями нѣскольких “свидakov”-самостійников. Во многих газетах появилось возмущенное заявленіе этих послѣдних, гдѣ они увѣряют, будто имѣли намѣреніе подтвердить правильность изображения совѣтскаго режима в книгѣ “Я избрал свободу”. Кравченко же, по их словам, под разными предлогами уклонился от привлеченія их в качествѣ свидѣтелей, послѣ того, как “виявилось, що мы маємо різні погляди на національні питання”. В их собственной прессѣ, однако, как в зер-

каль, видно, что стремились они на процесс вовсе не для правдивых и объективных показаний, а для прямо противоположной цели.

В устах этих господ советская власть представлялась бы, не как система всеобщаго порабощения и уничтожения без различия социальных и национальных признаков, а как одно из проявлений "российскаго империализма", как угнетение русскими подвластных им малых народов и в первую очередь украинцев. "История учит — пишет "Хлебобоб" — что московский империализм обусловлен не тем или иным режимом, а заключается в крови московскаго народа".

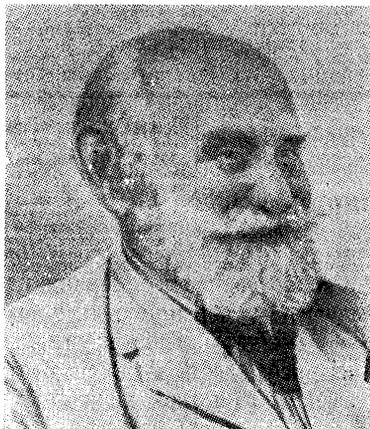
Самостийникам, таким образом, хотѣлось бы борьбу со сталинской диктатурой подмѣнить борьбой против русскаго народа...

Не пора ли с большей серьезностью отнестись к поискам ожесточеннаго врага, упорно работающаго над гибелью Россіи?

ЗАХВАТЧИКИ НАСЛЕДСТВА ПАВЛОВА

Прошло сто лѣтъ со дня рожденія одного из величайших гениев человечества, русскаго физиолога Ивана Петровича Павлова. Имя Павлова известно не только ученым, но и всему мыслящему человечеству. О нем можно написать очень многое. Мы коснемся только одного: чествованія Павлова в СССР. У большевиков всегда фикція подмѣняет дѣйствительность. Так и в данном случаѣ.

Возьмем № 270 "Правды". Павлову посвящена передовая статья, отчет о юбилейной сессіи в Москвѣ и статьи Вавилова и Максимова. Непонятно, прежде всего, почему статью о научной работѣ Павлова в области условных рефлексов написали не маститые ученики Павлова Орбели или Зеленый — а физик Вавилов. В отчетѣ о сессіи также ни слова об участіи старѣйших учеников Павлова (исключеніе Н. И. Красногорскій).

И. П. Павлов.

Теперь о содержаніи статей и выступленій.

"Павлов разоблачал реакціонный характер "доводов", которыми буржуазные ученые и философы питают поповщину". Это пишет "Правда". А вот дѣйствительность.

По окончаніи международнаго конгресса в Мюнхенѣ в 35 году, Павлов ѣдет в Рязань служить панихиду по своим родителям.

Павлов всегда возмущался, когда его подозрѣвали в реакціонности. Кого же он считал реакціонерами?

Возьмите статью о Павловѣ в советской медицинской энциклопедіи. Там говорится о "консерватизмѣ политических убѣжденій Павлова", о "не раз высказываемом им невѣріи в социалистическое строительство" и т. д. Всѣм извѣстны открытыя антисоветскія выступленія

Павлова. Приступая к чтению курса в Военно-Медицинской Академии, Павлов первую лекцию посвящал политикѣ. О чем он говорил? Его лейт-мотивом было утверждение, что советская власть — самая реакционная изъ всѣх когда-либо существовавших. “Это худшій вид жандармскаго произвола былыхъ времен, доведенный до неслышанно утрированныхъ предѣловъ”.

Впрочем, если в медицинскій энциклопедіи говорится о “консерватизмѣ” Павлова, то в передовой “Правды” из консерватора Павлова передѣляли в представителя “передовой науки”, лестно приравняв его к бывшему дорожному мастеру, любителю-часовщику и садоводу Мичурину. Не лишнее напомнить, что выражение “передовая наука” впервые было применено к столь же грамотному Папанину, ученость котораго заключалась во вскрываніи консервов на дрейфующей льдинѣ. Гдѣ же правда? Уж во всяком случаѣ не в “Правдѣ”. Впрочем в статьѣ Максимова и сомнительно-грамотный выгнанный семинаристъ назван “величайшимъ корифеемъ науки”. Почему бы не назвать его величайшимъ теноромъ міра? Это было бы не менѣе справедливо.

“Правда” пишетъ: “Павлов твердо стоял на позиціяхъ матеріализма”. Так ли это? Вѣрнѣе сказать, что матеріалисты использовали для себя выводы Павлова. “Правда” пишетъ: “Павлов доказывал, что мышленіе — продуктъ матеріальной дѣйствительности”.

Разумѣется, искать подобную фразу в работах Павлова — тщетная задача. Эта фраза так же не вѣрна, как утверждение, что русскіе философы отрицали “обусловленность психическихъ явленій условиями среды организма”.

Что, собственно, сдѣлал Павлов?

Вѣдь и до Павлова никто не отрицал связи мозга с психикой, как не отрицалась связь глаза со зрѣніемъ. До Павлова физиологія органовъ чувствъ была единственнымъ содержаніемъ психофизиологіи — т. е. ученія о физиологическихъ механизмахъ психическихъ процессовъ — в данномъ случаѣ — сенсационныхъ процессовъ.

Павлов сдѣлал крупнѣйшій шагъ вперед, создавъ ученіе об условныхъ рефлексѣхъ. Но если, благодаря этому ученію, мы уже знаемъ нѣчто о физиологическомъ механизмѣ ассоціацій или выучки, то это отнюдь не значитъ, что мы перешагнули грань между матеріей и психикой. Такъ разумѣется, думал и Павлов. То, что он не впадал в ошибки и былъ гениальнымъ физиологомъ, не мѣшало ему до конца дней быть глубоко религиознымъ человѣкомъ. Большевики стараются сдѣлать из Павлова “своего”, не останавливаясь передъ грубѣйшимъ враньемъ. О советскомъ фильмѣ “Павлов” сказано в “Огонькѣ”, что Павлов “с первыхъ дней октября повѣрил в великую правду Ленина” (№ 12). Всякій знавшій Павлова хорошо знает, что трудно придумать что-либо болѣе непочтительное, чѣмъ выраженія Павлова о Ленинѣ.

За 30 лѣтъ до октябрьской узурпаціи великая Россія подарила міру цѣлый рядъ гигантовъ мысли и искусства. Однимъ изъ нихъ былъ Павлов.

За 30 лѣтъ октябрьскаго лихолѣтья то, что осталось от Россіи, не дало ровно ничего.

Павлов принадлежалъ великой Россіи. Попытка перетащить его в советскій активъ — очередная фальшивка большевиковъ.

Мы горячо приветствуем Ариадну Владиміровну Тыркову. Немногіе из нас сумѣли сохранить ея жизненную энергію и ея совершенно изумительную общественную отзывчивость, — даже сейчас, в Парижѣ старая писательница является самой энергичной и активной руководительницей помощи зарубежным изгнанникам от имени того общества, которое послѣ крушенія “бѣлаго движенія” возникло в Лондонѣ по ея инициативѣ.

Прожитые смутные дни не поколебали непреклонной воли этой исконной защитницы человѣческих прав — она их с ярким публицистическим талантом отстаивала еще в дореволюціонной Россіи и, конечно, никогда не могла примириться с большевизмским насилием. Покинув родину, А. В. с присущим ей темпераментом продолжала вести все ту же безкомпромиссную борьбу с ненавистной деспотіей. Слава и честь ей!

Многообразны были пути, по которым шла А. В., начав свою литературную дѣятельность очень рано, — шестнадцатилѣтней дѣвочкой она перевела “Дѣти капитана Гранта” Жюль-Верна. Затѣм идет интенсивная публицистическая работа, перемежающаяся с художественным творчеством. В наших толстых журналах (“Вѣстник Европы”, “Русская Мысль”) под псевдонимом А. Верчежскій появлялись рассказы и повѣсти писательницы, при чем отдѣльные изданія романов “Жизнь” и “Борьба” имѣли значительный успѣх. В послѣдніе годы А. В. отошла от беллетристики и, повидимому, лебединой пѣсней ея художественных замыслов надо считать вышедшій на англійском языкѣ роман “Полчища тьмы”, посвященный началу большевизма и написанный ею совместно с мужем Гарольдом Вас. Вильямсом.

В годы гражданской войны А. В. всей душой вошла в “бѣлое движеніе” на югѣ Россіи. Позже в Лондонѣ вмѣстѣ с мужем и проф. М. И. Ростовцевым она основала “Комитет Освобожденія Россіи”, который вел русскую національную пропаганду среди англичан — книга А. В. “От свѣта к Брест-Литовску” была в Англии одной из первых книг о русской революціи. А. В. Тыркова всегда была не только писательницей, но и политиком, выполнявшим с настойчивостью свой гражданскій долг. Поэтому немало терній было на ея пути с того 1903 г., когда ее арестовали в Бѣлоостровѣ за нелегальный провоз в Россію “Освобожденія”, издававшагося Струве в Штутгартѣ. До суда она провела нѣсколько мѣсяцев в предварительном заключеніи. Суд ее приговорил к

А. В. Тыркова.

двум с половиною годам тюремнаго заключенія, но, находясь по болѣзни во время суда на свободѣ, она смогла скрыться за границу. А. В. прожила год в Парижѣ и была амнистирована в связи с событіями 1905 года. Какой яркій примѣръ гуманности стараго режима, по сравненію с тѣм, что принесла нашей странѣ псевдо “народная демократія”, временно укрѣпившаяся в московском Кремлѣ. По возвращеніи в Россію, А. В. вступила в конст.-демократическую партію и была единственной женщиной в Центр. Ком. этой квалифицированной интеллигентской группы. Одновременно она приняла большое участіе в женском движеніи, и одной из зачинательниц послѣдняго А. П. Философовой была ею посвящен большой историко-біографическій очерк... Практическая работа всегда стояла на одном из первых мѣст в гуманитарной дѣятельности А. В. Тырковой. Во время первой европейской войны она была, конечно, на фронтѣ, в санитарном отрядѣ петроградской городской думы; послѣ февральскаго переворота мы видим ее в рядах членов петр. гор. думы. Была она и кандидаткой в Учредительное собраніе от Новгородской губ. (А. В. происходила из старинной новгородской семьи).

В эмиграціи свою интенсивную общественную работу А. В. продолжала сочетать с литературой. Извѣстен ея особый интерес к исторіи русской литературы, который она проявляла в Россіи, совершая круговыя лекціонныя поѣздки. В итогѣ мы имѣем два тома проникновенной работы о Пушкинѣ (первый вышел в 29 г., второй в 48 г.). В настоящее время А. В. работает над книгой о русском фольклорѣ и печатает по англійски біографію Гар. Вильямса, этого благороднаго друга Россіи, занимавшаго ответственныя пост иностраннаго редактора “Таймса”.

Наш низкій поклон Ариаднѣ Владиміровнѣ в знаменательный день ея рожденія (26 ноября н. ст.). Мы счастливы в тяжелые дни нашего эмигрантскаго бытія и политическаго разнобоя назваться единомышленниками ея — ея широкой политической терпимости к инако мыслящим и непримиримости лишь к тѣм, кто прямо или косвенно поддерживает большевиков.

Мир или война?

(Письмо из Лондона)

Мир или война? Не впадая в преувеличеніе, можно сказать, что отвѣтъ на этот вопрос поконится на остріѣ ножа.

Если учивывать только матеріальные факторы, то демократія, по сравненію с совѣтским блоком, обладают большим преимуществом: их потенциальная мощь значительно превосходит промышленныя и экономическія возможности коммунистических стран. Но потенциал — одно, а фактическая, могущая быть немедленно пущенной в ход военная сила, — другое. И в этом отношеніи у Сталина в руках сильныя козыри.

Что же до сих пор останавливало Сталина от использованія этого

преимущества? Во-первых, необходимость пополнения истощенных в войнѣ с Германией запасов машин, оружія и снаряженія и доведенія военной техники до надлежащей высоты; во-вторых, нужно было время “переварить” и интегрировать с совѣтской хозяйственной и военной системой завоеванныя страны Восточной Европы; в-третьих, нужно было собрать плоды одержанных побѣд в Азії; в-четвертых, и это самое главное, необходимо было пропагандой и террором задушить внутри страны проснувшуюся жажду освобожденія от коммунистическаго ига.

Пмѣлось и еще одно довольно вѣское соображеніе: кремлевскія пятія колонны не вполнѣ оправдали возлагавшіяся на них расчеты и не сумѣли парализовать возможность сопротивленія свободных стран Европы коммунистической агрессіи. При помощи Америки эти страны преодолѣли ряд наиболее опасных трудностей и начали постепенно налаживать у себя нормальный демократическій порядок.

Но если американцы “уйдут из Европы”, как они “ушли” из Китая, если западно-европейскія страны будут парализованы экономическим кризисом и внутренними неурядицами, то соблазн “сглотнуть Европу” и этим улучшить свои шансы для “последняго и рѣшительнаго штурма” оплота мірового капитализма в Америкѣ, может оказаться для Кремля непреодолимым.

До сих пор Америка не обнаруживала никаких признаков того, что она собирается бросить Европу на растерзаніе дѣйным псам совѣтскаго тоталитаризма. План Маршалла, Атлантическій Пакт, финансовая и техническая помощь европейским государствам в их вооруженіях крѣпят сопротивленіе Европы коммунистической агрессіи. Но все же нельзя закрывать глаза на то, что положеніе в Европѣ вообще и, особенно, в занимающей ключевое стратегическое положеніе Англии, становится критическим. Самым ярким, рѣзко бросающимся в глаза симптомом этого кризиса является перенапряженное состояніе англійскаго платежнаго баланса по внѣшне-торговым расчетам.

Англія — страна не только высоко-индустриализированная, но и переиндустриализированная. По данным всеобщей переписи 31-го года 53% ея рабочаго населенія (15-65 лѣт) было занято в промышленности и транспортѣ, 41% в непроизводительных отраслях труда, и только 6% в сельском хозяйствѣ и рыболовствѣ.

Такой социальный состав населенія обуславливается исторически сложившейся экономической структурой страны. Первой вступив на стезю индустриальнаго капитализма, Англія в теченіе 19-го вѣка превратилась в “міровую фабрику”, посылавшую свои издѣлія во всѣ концы земнаго шара и ввозившую из-заграницы сырье и пищевые продукты.

С финансово-экономической точки зрѣнія положеніе Англии даже в довоенный період было не совѣм удовлетворительным (средній годовой дефицит по внѣшнеторговым расчетам выражался в суммѣ около 43 мил. ф. ст.). Для того, чтобы поддерживать уровень жизни населенія, она должна была разставаться с частью накопленнаго прежними поколѣніями жира. Война рѣзко ухудшила положеніе. К іюню 45 г. Англія должна была ликвидировать свои иностранныя вложенія на

сумму в 1, 118 мил. ф. ст., а ея золотой и валютный запас упал с 864 мил. в 38 г. до 453 мил. Кроме того, ея заграничная задолженность в фунтах стерлингов возросла с 760 мил. в 38 г. до огромной суммы в 3.555 мил в 45 г.

Теперь весь довоенный доход Англии от иностранных капитальных вложений, которым покрывалась почти четверть импорта, исчез. Сильно сократились и доходы от морского транспорта. Из положенія кредитора Англія перешла на положеніе должника.

Для того, чтобы сводить концы с концами без значительнаго сниженія достигнутаго стандарта жизни, Англии настоятельно нужно было увеличивать свой экспорт, а так как этого сразу достигнуть было невозможно, то ей пришлось обратиться к Соединенным Штатам и Канадѣ за займом в суммѣ, превышавшей миллиард фунтов, т. е. залѣзть в долги.

Увеличеніе экспорта встрѣтилось, однако, с огромными препятствіями. Обнищавшая Европа, хотя и нуждалась в англійских товарах, платить за них не могла. Благосостояніе большинства азіатских стран было подорвано войной и политическими пертурбаціями, а рынки в американских республиках были ограничены в своей емкости, как высокими ввозными пошлинами, так и конкуренціей мѣстной промышленности. Кроме того, почти треть населенія земного шара попала под коммунистическое владычество и оказалась исключенной из міроваго товарообмѣна.

Уже к началу 47 г. стало очевидно, что над надеждой на то, что совѣты будут искренне и честно сотрудничать с демократическими странами в оздоровленіи потрясенной войной міровой экономіи, нужно было поставить крест. Начатая Сталиным “холодная война” отражалась самым неблагоприятным образом на экономическом положеніи міра вообще и Англии в особенности. Между тѣм американскіе кредиты быстро таяли, и если бы Англія не получила новых кредитов по плану Маршалла, ея экономическое положеніе сейчас было бы еще болѣе критическим.

Но план Маршалла был міровой палліативой. Он мог дать Англии лишь короткую передышку, лишь отсрочить, а не устранить кризис. Отпускаемые в предѣлах плана кредиты покрывают всего около половины дефицита англійскаго платежнаго баланса, т. е. около 300 мил. ф. ст. из 600 мил.

Тяжелое по объективным причинам экономическое положеніе Англии ухудшилось еще больше благодаря тому, что пришедшее к власти в 45 году рабочее правительство, связанное своей программой и своими неумѣренными обѣщаніями во время избирательной кампаніи, стало в ускоренных темпах проводить социальныя реформы.

С теоретической точки зрѣнія трудно возражать против націонализаціи угольной и электрической промышленности, против субсидирования торговли пищевыми продуктами, против введенія обширной системы охраны народнаго здоровья и других повышающих жизненный и культурный уровень реформ. Но теорія — одно, а жизнь — другое. Элементарныя соображенія должны были бы, казалось, подсказать и націи и правительству, что в данный момент радикальныя социальныя реформы, стоящія свыше миллиарда фунтов ст. в год, странѣ “не по

карману” и что вводить их нужно было бы с большой постепенностью и крайней осторожностью.

По подсчетам английских экономистов, расходный бюджет, достигший в 49 г. колоссальной суммы в 3.300 мил. ф. ст., поглощает 40% всего народного дохода. Налоговое бремя в Англии сейчас настолько велико, что оно отнимает почти всякую возможность накопления резервов для восстановления изнашивающихся машин и зданий и для расширения промышленной базы.

Налоги удорожают себестоимость производимых товаров и тѣм затрудняют продажу этих товаров на зарубежных рынках. Заставить иностранцев платить за английскіе товары дороже, чѣм за аналогичный товар отечественнаго производства, англичане, разумѣется, не могут.

Состоявшаяся в серединѣ сентября в Вашингтонѣ англо-американская экономическая конференція закончилась разсчитанным на короткій срок компромиссом. Американцы предоставили Англии кое-какія, сравнительно незначительныя, финансовыя льготы, но отказались открыть новые кредиты, которые по предложенію англичан, должны были бы покрыть от трети до половины их теперешняго военнаго бюджета, выражающагося в суммѣ около одного миллиарда фунтов стерлингов. Английскому правительству не оставалось, поэтому ничего другого, как рѣшиться на весьма рискованную мѣру — девальвацию своей денежной единицы.

Эта мѣра чисто финансовая. Она может способствовать пониженію цѣн на английскіе товары и этим облегчить их сбыт в странах “доллароваго блока”. Но ея экономическое значеніе весьма проблематично. Во-первых, для того, чтобы получить то количество долларов, которое ей нужно, Англія должна увеличить свой экспорт в долларовыя страны по крайней мѣрѣ вдвое. Может ли она это сдѣлать по состоянию своей промышленности? Допустят ли такое увеличеніе количества английских товаров на своих рынках эти страны? Во-вторых, девальвация фунта не избавляет Англію от конкуренціи с другими европейскими странами, которыя тотчас же соотвѣтственно девальвировали свои валюты. В-третьих, за ввозимые из долларовых стран пищевые продукты и сырье англичане должны будут платить, в разсчетъ на свою валюту, по крайней мѣрѣ на 30% больше. Это неизбѣжно отразится на себестоимости производимых на экспорт товаров и, слѣдовательно, на отцескных цѣнах на эти товары. Наконец, есть серьезный риск, что девальвация повлечет за собой инфляцію.

По общему мнѣнію английских экономистов, девальвация может, да и то только при особо благоприятных обстоятельствах, временно облегчить экономическое положеніе в странѣ и тѣм отсрочить, но не предотвратить катастрофу, причины которой коренятся не столько в экономикѣ, сколько в политикѣ.

Англія стоит сейчас перед трагической диллемой: чтобы сводить концы с концами и успѣшно конкурировать на международных рынках, она должна или сильно сократить свои государственные расходы за счет ассигнованій на социальныя нужды или повысить производительность труда своих рабочих путем увеличенія продолжительности рабочих часов и интенсификаціи использованія промышленнаго обо-

рудования. И в том, и в другом случаѣ привычный стандарт жизни населенія должен понизиться, а это повлечет за собой недовольство масс и породит социальные конфликты.

Рѣшится ли на столь крутой поворот своей социальной политики теперешнее рабочее правительство? Повидимому, не рѣшится. В своих публичных выступлениях ответственные члены правительства категорически заявляют, что ассигнованія на вызванныя социальными реформами статьи расходов, а также на оборону, урѣзаны не будут. Экономію предполагается навести на административных и нѣкоторых других мелких статьях расхода. Эта экономія даст, однако, сущіе гроши.

По газетным сообщеніям, в благожелательных к Англіи американских кругах зрѣет убѣжденіе, что Англія при теперешнем правительствѣ и при настроеніях ея рабочаго населенія, не сможет преодолѣть свои экономическія затрудненія и уберечься от социальных потрясеній даже при условіи полученія значительной американской помощи. А если это так, то, как сказал сенатор Алсон, “наши планы обороны Европы от совѣтской агрессіи являются пустым и нелѣпым вздором, ибо сильная Англія — это самый существенный элемент этих планов”.

Москва, конечно, тщательно слѣдит за развитіем событій. Коммунистическая доктрина уже давно установила неизбежность крушенія западнаго капитализма, и Сталин, злорадно потирая руки, ждет, когда посѣянные и тщательно культивируемые им сѣмена раздора, хаоса и стчаянія начнут пускать свои ядовитые ростки. Свои расчеты он строит на том, что экономическій крах Англіи откроет для него возможность захватить Европу, если не голыми руками, то лишь малым военным усиленіем.

А. Байкалов.

ИСТОРИЧЕСКІЯ РЕЛИКВІИ

I. ПО СЛѢДАМ СУВОРОВА.

Всю вторую Мировую войну 1939-1945 г.г. мнѣ пришлось провести в Берлинѣ, гдѣ я с 1920 года нес обязанности военного представителя генерала Врангеля, а потом его преемников, генералов Кутепова, Миллера и Архангельскаго и кромѣ того, по выборам русской колоніи в Берлинѣ, много лѣтъ был вице-президентом Россійскаго Краснаго Креста (старая организация), при президентѣ княжѣ Вѣрѣ Константиновѣ, постоянно проживавшей в Альтенбургѣ.

Потеряв при 173-м воздушном нападении на Берлин, 23-го ноября 1943 г. мою квартиру и все мое имущество, я к февралю 1945 года ясно увидѣл, что оставаться в Берлинѣ далѣе невозможно, так как размах повторных мобилизацій начал уже приближаться и к нам, иностранцам, и передо мною стояла опредѣленная угроза попасть в ряды германскаго "фольксштурма", на который должна была быть возложена послѣдняя оборона города. Такое примѣненіе меня и находившихся под моим руководством русских военных организацій было для нас совершенно непріемлемо, и потому я дал сигнал всѣм, кто к моим рѣшеніям прислушивался, начать уход на юг и запад, что было трудно потому, что германское учрежденіе, вѣдавшее русскими организаціями, категорически противилось тому, чтобы члены этих организацій город покидали.

Возпользовавшись тѣм, что 4-го февраля, при большом налетѣ на город, учрежденіе это было разрушено, я с ближайшими моими сотрудниками 11-го февраля, при помощи офицеров, послѣ очередного 370-го нападенія с воздуха, занял мѣсто в поѣздѣ и отправился на юг.

Задержавшись на время в г. Альтенбургѣ и в г. Карльсбадѣ, мы с женой, путешествуя по почти разрушенной странѣ с превеликими трудностями, претерпѣвъ по пути в одном только г. Регенсбургѣ, во время стоянки в нем нашего поѣзда, семь налетов, через г. Ванген, 26-го апрѣля приѣхали в г. Линдау на Боденском (Констанцком) озерѣ, который уже 30-го апрѣля был занят французской оккупационной арміей и стал штабом командующаго арміей генерала Де Латр-де-Тассиньи.

С трудом устроились сначала под городом в деревнѣ, а потом и в самом городкѣ, гдѣ с разрѣшенія французскаго командованія я открыл дѣйствія "Оффиса Краснаго Креста для апатридов, при французском командованіи" и был его первым и послѣдним президентом.

Линдау — это небольшой, красивый своей стариной, типичный нѣмецкій городок, расположен на островѣ, отдѣленном от материка проливом, который замерзает зимой и пересыхает лѣтом. Это кусочек Баваріи, при-

легающей к озеру и попавшей в район французской оккупации, тогда как вся Бавария была оккупирована американскими войсками. Самое Воденское озеро, противоположный его берег с отрогами Швейцарских гор, чрезвычайно украшают город и делают летнее пребывание в нем очень приятным.

Осматривая город, я был приятно поражен непривычным мне, официальным вниманием властей к русской истории: на одном из крупнейших зданий, в улочке, близко примыкавшей к озеру, я увидел прикрепленную на высоте первого этажа мраморную доску с надписью на немецком языке:

В этом доме жил
с 15-го октября по 4-ое ноября 1799 г.

Фельдмаршал
Граф Александр
СУВОРОВ-РЫМНИКСКИЙ
Генералиссимус русской армии
при ее обратном походе
из Швейцарии и Граубюндена.

Сначала все попытки узнать что-либо более подробно об обстоятельствах, сопровождавших двухнедельное пребывание Русской Армии в Линдау, никаких результатов не дали — жизнь и русских, только что прибывших в город, и немцев, потрясенных небывалой катастрофой, постигшей Германию, требовала внимания к вопросам дня. Городской музей был закрыт. Спросить было некого.

Но потом, когда все несколько утряслось, и все начало приходить в нормальный вид, я, перед отъездом, просил моих сотрудников А. А. Ирбенякова и Г. В. Мясниева предпринять шаги, чтобы получить в наши руки интересовавшие меня сведения. В результате их работы, в мои руки попали два документа, которые я привожу ниже в перевод на русский язык.

Оба они типичны для психологии маленького германского городка, на который свалилось буквально, как снег на голову, “стихийное бедствие” — город с населением в три тысячи человек, на две недели стал бивуаком чужой армии, которая в одном людском составе превышала население больше, чем в десять раз. Мудрено ли, что все воспоминания, которые удалось обнаружить в городском архиве, относившиеся — одно к 1799 году, а другое к несколько более позднему периоду — говорили почти исключительно об одном — **р а з о р е н и и и у б ы т к а х**, выпавших на долю городка!

Вот эти два документа:

Выписка из рукописной хроники гор. Линдау.
(Манускрипт городского архива от 1799 года)

16-го октября Князь Суворов, после своего отхода из Швейцарии, который явился следствием победоносно проведенной Массеной в ночь с 24-го на 25-ое сентября операции против Корсакова у Гоца, расположил свою главную квартиру в Лангешевском доме и перевел всю русскую

армію на сѣверный берег Боденскаго озера. Этот генерал прорвался от Хура и слѣдовал через Фельдкирх и Брегенц, гдѣ он соединился с Корсаковым и, таким образом, вся русская армія соединилась в Верхней Швабін, и 30.000 человекъ пробыли 14 дней в городѣ и его окрестностях.

Когда предполагали, что он с отдохнувшими силами предпримет новую операцію через швейцарскую границу, он перевел 6-го ноября свою главную квартиру из Линдау в Аугсбург и расположил свою армію на широких квартирах между Иллером, Дунаем и Лехом.

В послѣдніе дни этого мѣсяца главная квартира перешла в Аугсбург и армія, силою в 43.463 человекъ и 25.825 лошадей двинулась двумя колоннами через г. Лех в Баварію, открыто объявив, что она слѣдует домой.

20-го декабря главная квартира Суварова перешла в Прагу, гдѣ армія имѣла остановку до конца января 1800 года. Опять говорили об обратном маршѣ русских, как о дѣлѣ рѣшенном, но движеніе пошло дѣйствительно через Моравію и Галицію домой, в доказательство, что горячность, с которою Император Павел принял сторону врагов Франціи — сильно охладѣла.

Дополненіе о русских:

Штаб, в состав котораго входили русскій великій князь Константин, молодой князь Суваров, австрійскій министр граф фон-Штакельберг, а также многіе генералы и офицеры, расположились в городских гостиницах. Также расположились австрійскій генерал фон-Хиллер и разныя австрійскіе офицеры генеральнаго штаба. Кавалерія, состоявшая из кирасир, драгун и полевых егерей, фюзелиры и артиллеристы расположились в гражданских имѣніях, недалеко от города, так же как и на площадях. Большинство амбаров было взломано, и находившіяся там фураж взяты. Много деревьев было срублено, все подпорные колья, палки, указатели и заборы сорваны, многіе виноградники лишены подпорных палок, а частью также и самых лоз, так что примѣрно подсчитанный убыток доходил до 80.000 флоринов.

Тотчас по приходѣ арміи должно было быть доставлено 800 центнеров мяса и 40 центнеров риса. Поставка эта была оплачена не без труда и по сильно пониженным цѣнам.

При прибытіи командующаго князя Суварова, он был привѣтствован городской депутаціей в составѣ: тайнаго совѣтника доктора Вебера, городского консултанта Хуммера и сенатра Пфистера. Депутація эта была принята благосклонно.

Во время обременительнаго нахождения этой арміи, произошли нѣкоторыя непріятныя выступленія. Президент квартирнаго управления, бюргермейстер Фельс, был грубо оскорблен русским офицером. У министра, графа Штакельберга, одним из обелуживающих его была ограблена казна, что было еще во время открыто и ограбленное возвращено влѣтъльцу,

На всѣх улицах и площадях города расположились казаки с их лошадьми и развели большіе костры. При их уходѣ было затребовано и использовано болѣе ста повозок и запряжек, возчики которых затратили труд и деньги, чтобы освободиться в Пени, Меммингенѣ и Лейткпирхѣ.

Вмѣстѣ с этой арміей сражался пфальцко-баварскій корпус в составѣ примѣрно 2.000 человекъ. Но он прибыл ранѣе русских в Вассербург, и потом отправился далѣе, оплатив часть взятаго им.

Поход начался счастливо в области озер. Эрцгерцог Карл принудил к отступленію Журдана своими побѣдами у Острах (21-го марта) и Стогах (25-го марта), в то время как Массена, разбитый у Фельдирха, тоже принужден был очистить поле сраженія.

Но Гоффригерат в Вѣнѣ испортил все.

Таким образом русскій главнокомандующій Суворов, когда он оставил очищенную от противника Верхнюю Италію, послѣ страшных боев у Чоргова моста и в долинѣ Рейсса, нашел дорогу через долину занятой Массеной и вынужден был совершить отчаянный марш через Шехенскую и Мутальскую долины и через перевал Панике, что было опасно и требовало большого напряженія даже ст отдѣльных путников и казалось совершенно непроходимо для войск. И как выгляждали тѣ, которые спаслись! Неизвѣстный хроникер говорит, что они были оборваны, часто без обуви и изголодавшись до того, что они употребляли в пищу овощи и т. п. в сыром видѣ. Отбросы от убоя скота съѣдались без долгих приготовленій, по самым излюбленным была водка, которую они, не пьянѣя, пили пивными стаканами.

С этой арміей Суворов вошел в Линдау 16-го октября и 43.463 человекъ и 25.825 лошадей оставались до 4-го ноября в городѣ и его окрестностях! От отведенной ему в теперешнем Лошнерском домѣ квартиры он отказался "так как озеро слишком блестит для него" и занял помѣщеніе в Лангензесском домѣ, теперешнем убѣжищѣ англійских дѣвушек.

Русскіе вели себя, как враги. Срывали двери и окна, ломали ставни, срубали деревья. Но наибольшій вред принесли они тѣм, что срывали виноградники, уничтожив 200.000 лоз. На всѣх площадях города расположились казаки и готовили пищу на кострах. В лучшую сторону отличались от них, находившіеся при арміи 2.000 баварцев, которые вели себя хорошо и за все платили. Во время этого пребыванія у графа Штакельберга была украдена его частная казна. К счастью вор был обнаружен в лицѣ его слуги и, таким образом, избѣгнуто было дальнѣйшее.

Суворов был настолько недоволен австрійцами, что он рѣзко отклонил присланное в Линдау предложеніе эрцгерцога Карла о встрѣчѣ. Он заявил, что он переведет армію для отдыха за р. Лех, и на самом дѣлѣ выступил в Швабію. Деревни тяжело пострадали, осенній урожай фруктов и сбор винограда был потерян. Многіе виноградники были разрушены на годы и госпитальные лѣса, из которых дано было разрѣшеніе возстановить уничтоженное дерево — едва могли его пополнить.

В сущности говоря, можно вполне повѣрить в то, что перенесшіе невѣроятныя трудности, оборванные, босые и полуголодные солдаты Суворова, герои незабываемаго Швейцарскаго похода, были гостями мало желательными для населенія, и что воспоминаніе о них городок сохранил не слишком пріятное! Думается, однако, что и баварскіе солдаты, правда не испытывшіе тяжелаго похода, тоже не были столь скромны и пріятны, как это представляет лѣтопись. Но... свой своему, поневолѣ брат... Русскіе же,

испытав предательство, неблагодарность и коварство австрийцев, едва-ли могли учесть разницу между ними и населением городка, кстати сказать, в течение своей истории входившаго, то в состав Австрии, то попадавшаго в Германию, а то и в руки... шведов, слѣды пребыванія которых в городкѣ тоже имѣются!*)

Но дальнѣйшія изысканія в городском архивѣ дали и новые, и неожиданные результаты — они принесли также объясненіе сначала непонятному для меня явленію, о котором я упоминал в началѣ моей замѣтки, что власти отмѣтили памятной доской событіе р у с с к о й военной исторіи.

Кромѣ вышеприведенных документов-выписок, мои сотрудники обнаружили в городском архивѣ еще небольшой печатный листок... Из него стало ясным, что к созданію памятной суворовской доски сами нѣмцы имѣли весьма небольшое касательство — доска была, конечно, поставлена с согласія германских властей, но... создана она была “заботой и иждивеніем” русскаго человѣка “Императорскаго русскаго статскаго совѣтника барона фон-Энгельгардта из Дрездена”... Это было неожиданно и... очень неясно. И небольшимъ разъясненіем почему это п о н я т н о, — я и закончу мою замѣтку, отмѣтивъ попутно и еще один “слѣд” Суворова уже не в самом Линдау, но недалеко от него.

Барон фон-Энгельгардт, если не ошибаюсь, профессор Казанскаго университета, был страстный поклонник Суворова и эпохи 1812 года. Заграницей он имѣл пребываніе в гор. Дрезденѣ и потому в Казани и Дрезденѣ у него было (и осталось послѣ его кончины) не мало предметов, посвященных, как походам Суворова, так и Отечественной войнѣ.

А. В. Суворов.

Энгельгардт внимательно прослѣдил весь поход Суворова, сам проѣхал этот путь (в его время это уже было проще, чѣм для солдат Суворова) и всюду, гдѣ мог, поставил памятники дѣяніям великаго русскаго полководца. Его заботой и на его счет поставлены памятные доски, как на домах, гдѣ останавливался Суворов, так и на мѣстах боев русскаго арміи, в том числѣ и всѣм извѣстный памятник у Чортова моста. Поставил он в 1903 году памятную доску и в гор. Линдау, как послѣдней главной квартирѣ Суворова послѣ ухода.

Драгоценныя коллекціи Энгельгардта были принесены им в дар и послужили главной основой Суворовскаго музея в С.-Петербургѣ. Судьба того, что осталось у него в Казани, мнѣ неизвѣстна... Но то, что было у него в Дрезденѣ — мнѣ в конечномъ счетѣ стало близким... Послѣ его смерти, наследникомъ всего того, что находилось в Дрезденѣ, стало русское посольство в Германіи. К сожалѣнію это было уже посольство не русское, а со-вѣтское, и оно попросту разбазарило все, что напоминало, только лишь

*) В 1799 г. Линдау был «Свободным Имперским Городом».

во время второй Мировой войны “амнистированного” совѣтской властью, русскаго героя. Библиотеку и часть картин купил на аукціонѣ Русскій Научный институт в Берлинѣ. Оттуда впоследствии правительство “наци” эту цѣнную библиотеку извлекло и... просто взяло себѣ, прекратив даже пользование ею русскими... хотя во время нахождения ея в Научном институтѣ, библиотека эта сильно была пополнена пожертвованіями русских эмигрантов, которые потом потеряли право ею пользоваться для своих работ. Какая судьба постигла эту библиотеку во время послѣдней войны, мнѣ неизвестно.

Часть картин, на которых были подробныя описанія, сдѣланныя самим Энгельгардтом — попала в частныя руки. Владѣльцы хотѣли, продав ее, заработать на этом, для них чисто коммерческом дѣлѣ. Покупателя на все то, что они приобрѣли, вследствие того, что они хотѣли заработать хорошо, — так и не нашлось, и эта часть коллекціи стала постепенно расходиться по рукам.

Не мѣя возможности купить ее, я старался внимательно слѣдить за нею и не упустить ее из виду, чтобы в минуту, когда мои денежные обстоятельства почему-либо поправятся, а продавцы перестанут дорожиться, — приобрести, что возможно. К 41 году оба владѣльца, оставшейся части коллекціи Энгельгардта умерли, и наследники их продали остатки ея мнѣ..

23-го ноября 43 года все это погибло вмѣстѣ с моей квартирой в Берлинѣ послѣ того, как в дом, в котором я жил, попал “букет” из 38-ми зажигательных бомб!

В заключение еще один “слѣд” Суворова:

Недалеко от гор. Равенсбурга (в 27 километрах от Линдау). тоже расположеннаго к сѣверу от Боденскаго озера, но уже в предѣлах Вюртемберга, около городка Вейнгартен, имѣется лѣсъ, носящій исожиданное наименованіе “Русскаго лѣса”. Это заинтересовало русскаго эмигранта, заброшеннаго послѣ катастрофы Германіи в городок и он*) также начал свои поиски в архивах Равенсбурга и Вейнгартена.

Выяснилось, что в этом лѣсу погребены русскіе солдаты времен Суворова, лежавшіе в госпиталѣ, находившемся в свое время в монастырѣ в Вейнгартенѣ. Умерших было до 2.000 человекъ. Большая часть их, по видимому принадлежала къ корпусу Римскаго-Корсакова, которому пришлось вести неравный бой с войсками Массены. Но, конечно, среди них были и участники Швейцарскаго перехода Суворова.

По данным мѣстных архивов было установлено, что на русских могилах, в свое время с т о я л памятник, но за ветхостью (или по иным причинам), в 1866 году он был разобран и, как отмѣчает, с чисто нѣмецкой пунктуальностью историк, на это было “истрачено три флорина”... На постановку новаго памятника не было истрачено ничего... А второго Энгельгардта не нашлось!

Но эту задачу выполнили русскіе изгнанники, которые эмигрировали во второй раз, теперь уже не из Россіи, а из тѣх стран, которыя дали им временный пріют. В двух километрах на восток от гор. Вейнгартена, в так называемой Шуссенской долині, на этот раз уже “иждивеніем русской эмиграціи”, был сооружен и 7-го сентября 47 г., митр. Берлинским и Германским Серафимом, при большом стеченіи русских эмигрантов, пріѣхав-

*) Виталий Николаевич Смоленскій.

ших из ближайших городков, освящен новый памятник, который представлял собою большой солидный восьмиконечный деревянный крест. День освящения креста был торжественным и трогательным для присутствующих, вероятно впервые после столетидесятилетнего промежутка над павшими русскими воинами, совершившими небывалый поход и ушедшими в мирной, далеко от родины, на чужбине, раздались родные русские напевы...

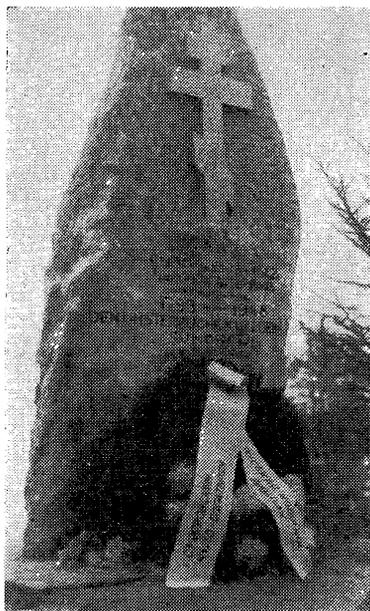
Но памятник этот был только временным. Созданная русской эмиграцией специальная русская комиссия, во главе с К. К. Македоновым, при всеобщем содействии бургомистра гор. Вейнгартена г. Брауна, которому пришлось преодолеть сопротивление местных немецких коммунистов, и городского архитектора г. Коллера энергично продолжала работу, чтобы заменить деревянный крест прочным гранитным памятником.

Были собраны необходимые средства в размере 6.500 герм. мар. и внесены в государственную кассу гор. Регенбурга, как особый фонд "Памятника Суворову". В долине реки Аах (район Вальдбада), был найден шеститонный камень ледникового периода, который был доставлен к месту его будущей постановки. На камень был высечен православный крест и сделана надпись на русском и немецком языках:

На это ушло немного больше года. Новый постоянный памятник был водружен на свое место, и 14-го ноября 48 г. опять в присутствии собравшихся русских эмигрантов торжественно, освящен благочинным французской зоны оккупации протоиереем Ольховским в присутствии всего православного духовенства зоны.

От лица комитета, взявшего на себя труд по сооружению памятника была выражена благодарность бургомистру, который предполагал спланировать местность, окружающую памятник, разбить цветники и создать новую "достопримечательность" небольшого города и место для праздничных экскурсий для городского населения. Казалось, что все дело постановки памятника можно было считать благополучно законченным, и дело, поставленную себя русскими эмигрантами, с трогательной любовью отнесшими к памяти Суворова и его солдат — достигнутой!

Но... жизнь никогда не упустит возможности сделать очередную гримасу, а в особенности тогда, когда это касается именно русской эмиграции. В том же 48 году денежная реформа, проведенная в оккупированной Германии, блокировала также и счет "Памятника Суворова". Комиссия, несмотря на все ходатайства перед французскими оккупационными властями, было выдано только 6% собранной суммы, то есть 390 марок. Стои-

Суворовским
чудо-богатырям
соотечественники.
1799—1948.

мость же поставленного памятника равнялась 1.940 маркам, то есть комиссия не оплатила еще счет в размѣрѣ 1.550 марок...

Тяжесть этой уплаты, повидимому, всецѣло легла на предсѣдателя комиссии капитана К. К. Македонова, который, узнавъ о существованіи в Буэнос-Айресеѣ “Суворовскаго союза”, обратился къ нему с просьбой помочь окончательно ликвидировать счет за постановку памятника...

В еженедѣльникѣ союза, от 5-го августа 49 года, напечатано обращение кап. Македонова, который просит помочь ему “собрать немного денег для спасенія чести русскаго офицера”...

Что можно еще добавить къ этому обращенію?... Я был бы счастлив, если-бы кто-нибудь из русских эмигрантов, прочитавших мою статью... вспомнил бы дѣятельность “Императорскаго русскаго статскаго совѣтника барона фон Ангельгардта из Дрездена”, который “своей заботой и иждивеніем” отмытил память Суворова и его чудо-богатырей и отозвался бы на отчаянное обращеніе К. К. Македонова, положившаго столько труда и энергіи, тоже чтобы память эту увѣковѣчить!

А. А. Дамме.

КОЛЛЕКЦІЯ РУССКИХ МЕДАЛЕЙ.

Не слѣдует думать, что одна революція нанесла удар культурным и историческим цѣнностям Россіи. Не только нуждающаяся въ иностранной валютѣ совѣтская власть, но и волна эмигрантов вывезла и вывозит еще и до сего времени цѣнные историческіе предметы, иногда характера настоящих музейных рѣдкостей. Болѣе того, 30-лѣтнее знакомство наше с главными рынками старинных предметов на Западѣ привело нас къ заключенію, что “выкачиваніе” из Россіи, так мало во все времена — къ стыду нашему — цѣннѣйшее свое художественное прошлое, рѣдких предметов старины началось много раньше революціи 17 года; едва ли не со времени “открытія” Западом Россіи, т. е. съ эпохи Великаго Петра.

Возвращающіеся из Россіи образованные иностранцы много вывезли цѣннаго за послѣдніе два вѣка из нашей родины. Обидно лишенным средств нашим соотечественникам чувствовать свою беспомощность, присутствуя здѣсь при продажѣ предметов дорогой нам старины, по большей части ушлывающих далеко за океан въ богатую Америку.

Но бывает, хотя и рѣдко, и на нашей улицѣ праздник.

Члену Клуба Любителей Русской Военной Старины, образовавшагося три года тому назад, между прочим, съ цѣлью способствовать сохраненію въ русских руках предметов славнаго нашего прошлаго, удалось приобрести интересную коллекцію русских медалей, составленную въ 80-х годах XVIII вѣка въ Петербургѣ французом Жильбером Ромм. Послѣ 162-х лѣтъ пребыванія у иностранцев и, как казалось, навсегда для Россіи потерянная, эта интереснѣйшая коллекція возвратилась въ русскія руки.

О Роммѣ, талантливом воспитателѣ молодого графа Строганова, а впоследствии яром революціонерѣ и членѣ Конвента, погибшем въ 1795 г. въ дни террора (наканунѣ казни он покончилъ съ собой, получивъ кинжалъ от подкушеннаго тюремнаго сторожа), есть въ книгѣ в. к. Николая Михайловича “Гр. Павелъ Александровичъ Строгановъ” цѣлая глава, помѣщенъ его портретъ и множество писемъ.

Ромм родом из городка Риом в Оверни, был математик по образованию; гр. Головин рекомендовал его в Парижъ гр. А. С. Строганову, искавшему воспитателя своему восьмилѣтнему сыну Павлу. Гр. Павел Александрович стал впоследствии одним из ближайших друзей имп. Александра I и членом так называемаго "Негласнаго Комитета", в первые годы царствованія.

В память морского боя при Гренгамъ (1720 г.).

Ромм прибыл в Петербург со Строгановыми 1 декабря 1779 г. и оставался в Россіи до лѣта 87 г., когда выѣхал во Францію вмѣстѣ со своим воспитанником. Математик и физик, всѣм интересовавшійся, хорошо научившійся русскому языку, Ромм увлекся изученіем русской исторіи, и таким путем, повидимому, подошел к коллекціонированію русских исторических медалей.

Роммом была составлена и вывезена во Францію полная коллекція рѣшительно всѣх имѣвшихся в тѣ годы русских исторических медалей, посвященных событіям с 1672 года (рожденіе Петра Великаго) по 1783 год.

Коллекція Ромма из Парижа была увезена в Овернь, гдѣ его наследниками была продана мѣстному антиквару аббату Ж. А. По. Наслѣдники аббата не раз пытались ликвидировать мало что французам говорящую коллекцію.

Всего Роммом было вывезено из Россіи 180 бронзовых медалей.

Как это ни покажется парадоксальным, но приобрѣтеніе русским коллекционером из французских рук Роммовской коллекціи произвело сенсацию во французских официальных нумизматических кругах.

Завѣдующій Восточным Отдѣлом Кабинета Медалей Національной Библіотеки Гюйон, осмотрѣвъ собранную коллекцію, возбудил вопрос и в срочном порядкѣ получил кредит на фотографированіе всей коллекціи. Ближе познакомившись с исторіей русской медалистики и лично сблизившись с руководителями Кружка Л. Р. В. С., Гюйон настолько заинтересовался вопросом, что от медалей перешел к знакам отличія всѣх категорій и, осмотрѣвъ все, что было возможно в этом направленіи в Парижѣ и в первую голову прекрасное собраніе П. В. Пашкова, он возбудил перед Національной Библіотеккой вопрос о фотографированіи также собранія П. В. Пашкова и единственной по своим размѣрам в эмиграціи коллекціи русских медалей В. Г. фон-Рихтера в Лондонѣ.

Представитель Национальной Библиотеки сообщил нам любопытныя свѣдѣнія о Роммѣ, бывшем в Конвентѣ докладчиком закона о новом республиканском календарѣ, принятом в 1795 г. Стремясь к всецѣлому разрыву с прошлым, Ромм думал возбудить в Конвентѣ вопрос об уничтоженіи всѣх хранившихся в Национальной Библиотекѣ медалей с королевскими портретами. Но об этом во время узнал хранитель Библиотеки, бывший аббат Бартеlemi. Коллекціи Библиотеки были спасены находчивостью Бартеlemi, знавшаго о русской коллекціи Ромма и о его увлеченіи нумизматикой. Он воззвал к чувствам Ромма-коллекціонера. Возможно, что он намекнул и на извѣстный ему «монархическій» характер русских медалей Ромма. Во всяком случаѣ анархист-революціонер «очнулся», и безцѣнныя коллекціи королевской Франціи были спасены.

А. С.

П О П Р А В К А.

В статьѣ С. П. Мельгунова «Екатеринбургская трагедія» (т. 6, стр. 17) напечатано: «Московскій текст и был воспроизведен в Екатеринбургской публикаціи 3 іюля» — надо 23 іюля.

В статьѣ М. Боброва «Страшное молчаніе Россіи» (т. 5, стр. 88) напечатано: «было убито около 40.000 человек» — надо 4.000.

СРЕДИ КНИГ

“ГЕНИИ” НАШЕЙ ЭПОХИ.

1. Ленин.

“Учреждением совѣтскаго строя Ленин измѣнил ход исторіи”. Это он создал новый тип политической организаціи — партію профессиональных революціонеров, исповѣдников свѣтской вѣры, по силѣ вліянія на жизнь не уступающей настоящей религіи. Им же основанный интернаціональный революціонный орден, два поколѣнія спустя послѣ его смерти, продолжает с исключительной страстностью и убѣжденностью передѣлывать мір на свой образец... Ленин вырос на специфически русской, революціонно-интеллигентской почвѣ. На личности его отразились контрасты именно этой среды — контрасты благородства и низости, доблести и преступности, умственной одаренности и умственной ограниченности, самоотверженной любви и звѣриной злобы. Почва эта вскормила, однако, Ленина на специфически ленинскій лад — с преобладающим удареніем на отрицательной половинѣ контрастов.

В одном из своих частных писем Бакунин говорил о Нечасѣвѣ: “Это один из самых волевых и активных людей, с какими мнѣ приходилось встрѣчаться. В интересах того, что он раз навсегда счел своим дѣлом, он не остановится рѣшительно ни перед чѣм; тут он не знает ни колебаній, ни сдержек; тут он беспощаден и к самому себѣ и к другим. Это лойяльный, но и опасный фанатик: сотрудничество с ним для каждаго может стать роковым”. Поставьте в этой характеристикѣ вмѣсто слова Нечасѣв, слово Ленин и блестящая точность ея не измѣнится ни на іоту. В Ленинѣ, как и в Нечасѣвѣ, все примитивно и просто; примитивен и прост (идеологически убог) и т. наз. “ленинизм”. Для пониманія нутра ленинизма излишни сложныя философскія пысканія; нѣтъ нужды углубляться даже в марксизм; достаточно раскрыть Ткачевскій “Набат”. Там мы прочтем: “Подлинная революція осуществима одним лишь путем — захватом власти революціонерами. Но захват власти еще не сама революція, а лишь вступленіе к ней. Революція осуществляется уже меньшинством, путем выкорчевыванія из государства всѣх реакціонных и консервативных элементов, уничтоженіем всѣх, мѣшающих утверженію свободы и равенства, учреждений. Революціонное меньшинство, предоставив народу полную возможность проявить всю свою революціонно-разрушительную мощь, в дальнѣйшем в поддержкѣ его не нуждается; всю реформаторскую работу захватившее власть меньшинство проводит уже само”. Регулируйте слегка под марксизм эти, почти дословныя, строки “Набата” и перед вами окажется ленинизм во всей своей подлинности и наготѣ. Он примитивен (идеологически убог), как примитивны Ткачев и Ленин, и загадкой нашей эпохи является вовсе не Ильич и вовсе не ленинизм, а современный триумф того и другого. Ильич вождь и идол уже двух поколѣній европейскаго “пролетаріата”. Ленинизм — обязательная для современнаго революціонера религія — вот в чем загадка эпохи.

Нечаев не меньше Ленина был волевой и сильной натурой, специфически одаренным фанатиком, а умер безвестным, не оставив по себе в европейской общественности никакого существенного следа, а Ленин при тех же субъективных данных, стал гением эпохи и первый за 20 веков награжден бальзамированным безмерием.

В собственно личной жизни Ленина мало движения и событий. Биография его сплетена неразрывно и тесно с историей российского революционного движения и почти целиком в нее входит. В таком смысле понял свою задачу и современный биограф Ленина *Давид Шуб*, содержанием книги которого («*Lenin. A biography*». New-York, 48.), внушено все только что высказанное и из текста которой заимствованы все приведенные выше цитаты.

Личность Ленина стихийно яркая (мало человеческим, правда, блеском) выявляется не в идеях, а в действии — на митинговой трибуне, на партийном собрании, в агитационной листовке.

Суханов в «Записках о революции» с пафосом рассказывает о громовой речи перед членами партии только что вернувшегося в Россию Ленина: «Она ошеломила не только меня, еретика, случайно попавшего на собрание, но и самых правоборных. Казалось, стихии всемирного разрушения вырвались все из своих углов и, не встречая преград, не зная ни моральных сдержек, ни доводов разума, рвались в пыльном залѣ Кшесинской над головами замороженных партийцев». Дело не ограничилось, разумеется, речью: Ленин распустил тогдашних редакторов «Правды», Каменева и Сталина, за уступчивость Милюковым и на другой же день тон газеты был изменен в истинно ленинском, беспардонно демагогическом стиле: «Заигрывать с февральской революцией не приходится. Это англо-саксонские империалисты организовали захват власти Милюковым, Гучковым и К-о, чтобы продолжать войну и не дать Николаю II заключить с немцами сепаратный мир, и чтобы, погубивши новые миллионы русских крестьян и рабочих, подарить Гучкову Константинополь, французским капиталистам Сирию, британским — Месопотамию».

Образованный «Ильич» не вѣрил, конечно, сам в эту дикую чепуху, но она годилась для «революционирования пролетариата», значит в эту точку и надлежало бить.

В разгар революции 5-го года в брошюре «Две тактики» Ленин писал: «Якобинцы русской революции, большевики, ждут от крестьян и рабочих, чтобы они по-плебейски свели свои счета с аристократией и монархией, беспощадно уничтожая врагов свободы, силой пресѣкая их пропаганду, отказываясь от всякого компромисса с проклятым наследием рабства»...

Революция 5-го года сорвалась, но Ленин, не изменяя существу своей тактики, вносит в нее лишь новые «боевые» черты: «Там взорвать полицейский участок, там экспроприировать банк для усиления фондов возстанія, там убить полицейского или шпиона. Дюжина жертв с лихвой возмѣстится тут сотнями новых, прошедших через революционный опыт, бойцов, а эти приведут за собой тысячи, сотни тысяч».

Самая убийственная для моральной характеристики Ленина глава, это промежуток между двумя революциями — период 2-ой эмиграции. Она так и озаглавлена в книге «*На дне*». Это эпоха фракционных драг и грызни, эпоха борьбы большевиков с Государственной Думой и всеми попытками

мирнаго вывода Россіи на демократическій путь. Это также и эпоха яшанія Ленина с завѣдомо грязными личностями, с разоблаченными и неразоблаченными шпионами и провокаторами (в революціонном хозяйствѣ всякая веревочка, всякая дрянь, пригодится). Чего стоит одна связь его с Малиновским (лидером большевицкой фракціи 3-ей Думы, агентом Охранки) — это, по выраженію М. В. Вишняка («Ленине») «самая странная загадка жизни и психологіи Ленина. Уже бѣжавшему из Петербурга, до очевидности разоблаченному провокатору Ленин, из высших партійных соображеній, выдает свидѣтельство о политической честности, а разоблачивших его Дана и Мартова клеймит именем «гнусных клеветников и подлых измѣнников». Для такого цинизма в ту эпоху нужно было быть Ильичем, а в наши времена, быть вѣрным его завѣтам «марксистом». Именно к этой эпохѣ относятся убійственныя характеристики Ленина такими идейно близкими ему людьми, как Троцкій и Ралпопорт. Шарль Ралпопорт писал в 14-ом году: «Этот социал-демократическій царь считает себя сверх-марксистом, а на дѣлѣ это просто высокой марки авантюрист. Многочлѣтній политическій опыт говорит мнѣ, что побѣда Ленина была бы величайшей угрозой для революціи в Россіи: он задушил бы ее в своих крѣпких объятіях». А Троцкій, в том же году, писал Чхеидзе: «В какое-то чертово варово превратились наши партійныя дрязги, систематически раздуваемыя сих дѣл мастером Лениным, профессиональным эксплуататором отсталости наших рабочих масс».

Главы об октябрьском переворотѣ и диктатурѣ — самыя, быть может, интересныя в книгѣ. Первая в полной мѣрѣ укрѣпляет за Лениным титул «мозга октябрьской революціи», вторая с опредѣленностью подчеркивает роль его, как перваго вдохновителя тактики террора и программы міровой революціи. Соломон, близкій тогда Ленину большевик, передаст в книгѣ «Среди красных вождей» свою бесѣду с Ильичем, вскорѣ послѣ переворота: «Дѣло, государи мои, не в Россіи, — воскликнул Ильич: на Россію мнѣ наплевать; это только этап на нашем пути к міровой революціи... Запомните, и ты, и друг твой Никитич (Красин): церемониться мы не будем ни с кѣм. Ко всякому контр-революціонеру, кто бы ни был он, я буду беспощаден. Я выпущу против них товарища Урицкаго. Не совѣтую тебѣ с ним знакомиться»...

Положительной чертой в характеристикѣ Ленина, на ряду с его пресловутой «семейственностью» и любовью к дѣтям (общей у него с Феликсом Дзержинским), автор отмѣчает отсутствие честолюбія: «Ни один диктатор в исторіи не был так мало тщеславен, как Ленин». Это немного, пожалуй, преувеличено. Я, уѣзжавшій из Россіи в 21-ом году, совершенно отчетливо помню бюсты Ленина в учрежденіях и кое-гдѣ (если память не измѣняет), и на улицах, не говоря уже о почтовых марках с его портретом. Но это, конечно, малая капля рядом со сталинским иконографическим и топографическим водопадом...

И. Херасков.

ВОЗВРАЩЕНІЕ БЛУДНАГО СЫНА

Книга Н. Синевирскаго («СМЕРШ». Год в странѣ врага. «Грани») о его пребываніи в совѣтской контр-развѣдкѣ, принявшей во время войны устрашающее наименованіе «Смерть шпионам!» (сокращенно — «СМЕРШ»), успѣла вызвать уже немало шума. Книга пред-

ставляет несомнѣнный интерес, но в то же время порождает ряд сомнѣній. от которых, при вимательном чтеніи, отдѣлаться невозможно.

Н. Синевирскій, по автобіографическим свѣдѣніям его книги, написанной в формѣ дневника, — молодой инженер, сын бѣдных карпаторосских крестьян, с юношеских лѣтъ связанный с НТСНП (теперешними солидаристами). В послѣднюю войну он прошел общій для нѣкоторых членов этой организаціи путь из Праги и иных городов Европы, в Берлин, из Берлина в Варшаву, из Варшавы в занятую нѣмцами Смоленскую область. Испытал, затѣм, тюрьмы Гестапо и допросы венгерской контр-развѣдки. Позднѣе, остался у большевиков, и, по заданію своей организаціи, принимал самое тѣсное участіе в работѣ оперативнаго, секретнаго и слѣдственнаго отдѣленій Управленія контр-развѣдки СМЕРШ 4-го Украинскаго фронта. По исполненіи заданія, благополучно добрался в Западную Германію.

Такова официальная сторона и “идеологическая надстройка” книги.

В чем именно состояло заданіе Н. Синевирскаго, он нигдѣ достаточно полно и ясно не говорит. Но судя по отдѣльным указаніям, Н. Синевирскій должен был с контр-развѣдывательной цѣлью проникнуть в высшіе (он помышлял даже о Москвѣ) развѣдывательные и карательные органы большевицкой диктатуры.

Надо вспомнить обстановку того времени. Красная армія неудержимой лавиной катилась на юго-восточную и центральную Европу, Германія была наканунѣ разгрома, главные работники НТСНП или сидѣли в нѣмецких тюрьмах или начинали растворяться во власовском движеніи. Организациа в цѣлом была разбита и частично дезориентирована. Дезориентирован был, идеологически и политически, также и Н. Синевирскій, прошедшій через состояніе, весьма близкое к совнаторіотическому обольщенію. Его брат просто перебѣжал на совѣтскую сторону еще раньше (как и “тысячи наших лучших людей”, по выраженію Н. Синевирскаго). Сам Н. Синевирскій стоял за присоединеніе к Совѣтскому Союзу своей родины, опасаясь, что “если Карпатская Русь не воспользуется предоставленной ей возможностью, ей придется в иностранном рабствѣ ждать еще тысячу лѣтъ второго такого случая”. Иностранному рабству Н. Синевирскій предпочел тогда, рабство совѣтское: “Страдает вся Россія, будем страдать и мы, но будем страдать вмѣстѣ”.

В предисловіи к книгѣ Н. Синевирскій указывает, что она составлена, из дневника, который автор вел до середины декабря 44 года, и из передѣланных впоследствии в дневник отдѣльных замѣток, на которыя он перешел с момента своего вступленія в декабрѣ, в ряды красной арміи, а затѣм и СМЕРШ-а. Непонятно, как мог человек, имѣющій за собой определенный опыт подпольной работы, только что вышедшій из тюрем Гестапо и с допросов венгерской контр-развѣдки и, слѣдовательно, продолжающій находиться под наблюденіем и нѣмцев, и венгров, получившій к тому же, по его словам, крайне рискованное специальное заданіе и обязанный, в силу этого, принять строжайшія мѣры предосторожности также и в отношеніи совѣтской контр-развѣдки, — как мог такой человек поступать временами столь странно и неосторожно, как Н. Синевирскій и вести записки, в достаточной мѣрѣ напоминающія его теперешнюю книгу? Проработавши в СМЕРШ-ѣ полгода Н. Синевирскій узнал, вдруг, что за любым его шагом и любой его вещь непрерывно слѣдил, по заданію их общаго

начальника майора Гречина, его товарищ по работѣ Черноусов. Остается невыясненным, каким образом Черноусов, докопавшись даже до сокровенных стихов Н. Синевирскаго, проглядѣл его дневник и отдѣльныя записи. И как мог Н. Синевирскій пробираясь, затѣм, на Запад и рискуя в любой момент быть схваченным большевиками или их сподручными, сохранять при себѣ столь компрометирующий документ?

14-го іюля 45 г. Н. Синевирскій записал: "Все, что я мог сдѣлать, уже сдѣлано. Остаться дольше в контр-развѣдкѣ не имѣет смысла".

Из "дневника" явствует, однако, иное объясненіе его рѣшенію о переходѣ на эту сторону. Оказавшись в СМЕРШ-ѣ перед необходимостью дѣлательно участвовать в чекистской работѣ его сотрудников, Н. Синевирскій дошел постепенно до почти полного, нервного разстройствa. Этому способствовал постоянный страх пред возможным разоблаченіем его антибольшевицкаго прошлаго. Этот страх все возрастал, по мѣрѣ продвиженія в Прагу, гдѣ Н. Синевирскаго многіе знали, в особенности же послѣ его двухчасового разговора с майором Надворным, специалистом СМЕРШ-а по эмигрантским организациям и, в частности, по ИТСНП. Во время этого разговора выяснилось, к ужасу Н. Синевирскаго, что большевикам про ИТСНП извѣстно, в общем, все.

Тогда, говорит Н. Синевирскій, "я понял все... Они докопаются и до меня. Нужно будет, как можно скорѣе выбраться из Управленія". Другого выхода у него не было, т. к. он уже раньше "во время убѣдилса, что ни признаніе, ни раскаяніе не помогут".

Возстаивавшая теперь свое смершевское прошлое, Н. Синевирскій естественно принужден смягчать многое, относящееся к его пребыванію в СМЕРШ-ѣ, а тѣм самым и смершевскую дѣйствительность вообще. Она, конечно, во много раз ужаснѣе. В контр-развѣдывательных методах СМЕРШ-а и в наиболѣе отвратительных сценах избиеній и надругательств при допросах, которые описываются в книгѣ Н. Синевирскаго, ничего специфически энкавдистскаго нѣтъ, даже в отношеніи самого Н. Синевирскаго. На работу в наиболѣе отвѣтственные и секретныя отдѣленія СМЕРШ-а Н. Синевирскій был завербован без особой предварительной проверки, вел себя в СМЕРШ-ѣ временами очень подозрительно и даже вызывающе без всяких для него послѣдствій, а когда рѣшил уходить, был почти совсѣм и сразу отпущен домой, хотя знал уже слишком много такого, чего простым смертным знать не полагается.

Особая героическая надстройка, воздвигнутая по соображеніям, видимо, организационным и пропагандным, над "человѣческим документом" Н. Синевирскаго, не могла не отразиться на цѣльности и правдоподобіи всей его книги.

Наибольшій интерес книги связан с краткими, но выразительными зарисовками смершевскаго быта и человѣческих типов тѣх профессиональных и случайных чекистов, с которыми Н. Синевирскому пришлось соприкасаться. Еще значительнѣе, однако, другое. Если отбросить позднѣйшія партійныя интерпретаціи, перед читателем окажется очень индивидуальная, хотя и далеко не единственная, исторія возвращенія блуднаго сына. Чувствуется, что автор пережил огромную трагедію, едва не раздавившую его окончательно, но и для него, и для читателя очистительную и многому научающую.

Н. Петровскій.

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

СОДЕРЖАНИЕ

первых шести тетрадей, вышедших в 1949 году.

Т е т р а д ь I: Епископ КАССИАН — Царство Кесаря. Бар. НОЛЬДЕ — Имперскія судьбы Россіи. П. Б. СТРУВЕ — Мои встрѣчи с Родичевым. Ив. БУНИН — Полуденный жар. Н. А. ТЭФФИ — Два стихотворенія. Анри ТРУАЙЯ — Тэндем. Вл. СМОЛЕНСКІЙ — Баллада. Гр. М. Л. ТОЛСТОЙ — Цыгане. Ирина ОДОЕВЦЕВА — Стихи. Георгій ИВАНОВ — Стихи. Александр ШИК — Денис Давыдов. Н. БЕРБЕРОВА — Стихи. М. ЗОЩЕНКО — Приключенія обезьяны; Фотокарточка. П. Р. ПЬТУХОВ — Из книги «Земля» (частушки). М. ЛИСИЦКАЯ — Стихи о Петербургѣ. Борис ЗАЙЦЕВ — Тютчев — жизнь и судьба. С. Л. ФРАНК — Пушкин об отношеніи между Россіей и Западом. Ю. Ф. СЕМЕНОВ — Закавказская Республика. Проф. А. А. ЗАЙЦОВ — Атомная бомба. Ив. ТХОРЖЕВСКІЙ — Я. П. Полонскій. С. К. АВБЕРИНО — Забытый (памяти Н. Г. Рубинштейна). «ДѢЛА И ЛЮДИ» (политическія замѣтки, хроника). ИЗГОЙ — Поток Богатырь в Зарубежьи.

Т е т р а д ь II: Анри ТРУАЙЯ — Наважденіе. Елена ШУВАЛОВА — Стихи. Гр. М. Л. ТОЛСТОЙ — Ярмарка. Маргя КРИГЕР — Стихи. Юрій ОДАРЧЕНКО — Папсротник. Ив. НОВГОРОД-СѢВЕРСКІЙ — Стихи. Николай СЕРГІЕВСКІЙ — «Камергер и Гишпанка». Сергій МАКОВСКІЙ — Максимилиан Волошин. Стихи М. ВОЛОШИНА — Святая Русь; Протопоп Аввакум. Ив. Т. — Выставка Общества «Икона». Борис ЗАЙЦЕВ: Полвѣка Художественнаго Театра. С. ФРАНК — П. Б. Струве. А. А. ПОЛОВЦОВ — Воспоминанія. ** — Воспоминанія генерала Эйзенгауэра. «ДѢЛА И ЛЮДИ» (политическія замѣтки, хроника). Процесс КРАВЧЕНКО (псдробный отчет). М. ВЕСЕЛИТСКІЙ — Нотабены.

Т е т р а д ь III: Проф. Е. СПЕКТОРСКІЙ — Пушкин. Проф. М. ГОФМАН — Проза Пушкина. Проф. С. ФРАНК — Свѣтлая печаль. Проф. В. ПОЛЬ — Пушкин в русской музыкѣ.

Проф. Н. АРСЕНЬЕВ — В творческой тиши. А. ШИК — Пушкин и Давыдов. Ив. ТХОРЖЕВСКИЙ — Пушкинская рѣчь Достоевскаго. «СКИФ» — Блок о Пушкинѣ. М. РАСЛОВЛЕВ — Можно ли переводить Пушкина? Ив. БУНИН — Ночлег (разсказ). Н. СЕРГІЕВСКИЙ — Камергер и Гишпанка, роман (продолженіе). «ДѢЛА И ЛЮДИ» (политическія замѣтки). М. ВЕСЕЛИТСКИЙ — Нотабень. ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Т е т р а д ь IV: Н. ТИХМЕНЕВ — Незабываемое. С. МЕЛЬГУНОВ — Ночь ужаса. Ю. ОДАРЧЕНКО — Рыжики. Р. ТАРР. — Весеннее свиданіе (разсказ). В. ФЕДОНЮК — У развалин. И. ГРЭМ — На желтой землѣ. Н. СЕРГІЕВСКИЙ — Камергер и Гишпанка, роман (продолженіе). Н. ТУРОВЪРОВ — Два восьмистишія. Ив. ТХОРЖЕВСКИЙ — Фатъма. Проф. Е. СПЕКТОРСКИЙ — Чаадаев. С. ПЛАУТИН — «Словс о полку Игоревѣ». Ив. ТХОРЖЕВСКИЙ — О гонцах и пссланниках. Б. ТАТИЩЕВ — «Крушеніе» 1916-1917 г. г. С. АВБЕРИНО — «Оперетта». М. РАСЛОВЛЕВ — Памяти А. А. Башмакова. П. ДМИТРЕНКО — Возстановленіе совѣтской промышленности. «ДѢЛА И ЛЮДИ» (политическія замѣтки).

Т е т р а д ь V: И. ИЛЬИН — Без свободы. Н. ГОРЧАКОВ — Мир в руинах. С. МЕЛЬГУНОВ — Екатеринбургская трагедія. П. «Пермское злсдѣніе». Дм. МЕРЕЖКОВСКИЙ — Жизнь Паскаля (с портретом). Ив. ШМЕЛЕВ — Приволье (к 45-лѣтню кончины Чехова). А. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС — Про старое, про бывалое. С. ЯБЛОНОВСКИЙ — Около театра. СТИХИ: *Глѣб Струве*: Памяти В. Ф. Ходасевича; Сонет; Любовь; *З. Гиппиус*: Презрѣніе; *Б. Тополев*: Арина Родіоновна. О РОССИИ: Стихи *Ю. Трубецкого*, *Н. Гейнц*, *Н. Евсѣева*, *З. Гиппиус*, *Н. Божидар*, *Георгія Иванова*. М. БОБРОВ — Страшное безмолвіе Россіи. В. АЛЕКСѢЕВ — Разсказ недавно бѣжавшаго. Н. ЦУРИКОВ — Народоправство или свобода? И. ХЕРАСКОВ — Демскратія — свобода. «ДѢЛА И ЛЮДИ»: *С. Карин*. Политическое зарубежье и др.; *Ant.* Карриатура. Ф. СТЕПУН и ГЕОРГІЙ ИВАНОВ — Памяти Вяч. Иванова (с портретом). Р. ВРАГА — Катинское дѣло. СРЕДИ КНИГ: *И. Ильин*, Россія и Европа; *А. Борман*, «Божье подполье»; *Б. Домогацкій*, О прошлой войнѣ; *В. Литвинскій*, «Правда о власовцах»; *С. Мельгунов*, Литературный фонд. Н. СЕРГІЕВСКИЙ — Камергер и Гишпанка, роман (продолженіе).

Т е т р а д ь VI: А. КАРТАШЕВ — Непримириность. С. МЕЛЬГУНОВ — Екатеринбургская трагедія, III. Московская директива. IV. Оживленіе мертвецов (портрет вел. кн. Мих. Ал. в пермской Ч. К.). Дм. МЕРЕЖКОВСКИЙ — Жизнь Паскаля. Н. БЕРБЕРОВА — Из чего дѣлается сон. С. МАКСИМОВ — Голубое молчаніе. Ирина ОДОЕВЦЕВА — Карьера Вѣры Оглоблиной. Мирдза ПУТНИНЪШ — Сирень. Н. СЕРГІЕВСКИЙ — «Камергер и Гишпанка» (роман). СТИХИ — *Ел. Меркулова*: Изгна-

ніе; *Л. Страховскій*: Звѣзды; *Юрій Трубецкой*: Пѣснь варягов; *Лидія Алексѣева*: Карусель; *Ник. Евсѣев*: Россія. **Георгій ИВАНОВ** — Блок и Гумилев (портреты). **Юрій ТРУБЕЦКОЙ** — Памяти Блока (стихи). **М. БОБРОВ** — Страшное безмолвіе Россіи. Проф. **И. С.** — Большевизм в свѣтѣ психопатологіи. **Н. ШВАРЦОМОНСКІЙ** — Об одном ученіи в національном вопросѣ. «ДѢЛА И ЛЮДИ» — Политическія замѣтки. Захватчики наслѣдства **И. П. Павлова** (с портретом). 80 лѣт **А. В. Тырковой** (с портретом). *А. Байкалов*: Мир или война? (письмо из Лондона). **ИСТОРИЧЕСКІЯ РЕЛИКВІИ** — *А. Лампе*: По слѣдам Суворова, *А. С.*: Коллекція русских медалей (с иллюстраціями). **СРЕДИ КНИГ** — *И. Херасков*: «Геніи» нашей эпохи: **1. Ленин. Н. Петровскій**: Возвращеніе блуднаго сына. Содержаніе «Возрожденія» за 1949 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ВОЗРОЖДЕНИЕ“

73, Av. des Champs Elysées, Paris 8e, 2-ой этажъ.
Тѣл.: ELYsées 06-03, Compte ch. Postaux, Paris 781-81.

Гурко. Царь и Царица (Опыт характеристики)	0.60
Ген. Данилов. В. кн. Николай Николаевич, его жизнь и дѣятельность	2,—
Ген. Данилов. То-же, номерованн. экз. на роскошной бумагѣ	4,—
Ген. Доманевскій. Мировая война. (Кампанія 1914 г. Достиженія стонрон за первый мѣсяц кампаніи, август)	1,—
Зайцев. Тишина (роман)	1.50
Дѣло Бориса Коверды	0.40
Еп. Кассіан. Царствѣ Кесаря пред судом Новаго Завѣта	0.75
Коровин. Шалапин. (Встрѣчи и совмѣстная жизнь)	2.—
Корчемный. Человѣкъ с гераніем	0.60
Крачковскій. Избранные рассказы	0.60
Лоло. Пыль Москвы (Лирика и сатира)	1.—
Лукаш. Дворцовые гренандеры	0.60
Лукаш. Бѣдная любовь Мусоргскаго, роман	1.—
Мережковскій. Мессія (роман в двух томах)	1.20
Масловскій. Мировая война на Кавказском фронтѣ	2.—
Муратов. Магическіе рассказы	0.60
Муратов. Герои и героини	0.60
Нестерович-Берг. В борьбѣ с большевиками (Воспоминанія)	0.80
Плещев. Что вспомнилось (за пятьдесят лѣтъ). Театр. воспоминанія	1.50
Половцев. Дни затменія. Воспом. Главнук. войск. Петр. военн. округа	0.60
Попов. Храм Славы (Подвиги русских войск) 2 тома, с иллюстраціями	2.—
Суворин. Фазан (Роман без любви)	0.60
Тхоржевскій. Русская литература. (2-ое изданіе готовится к печати)	
Чириков. Между небом и землей	0.60
Шмелев. Няня из Москвы, 3-ье изданіе	2.25
Шмелев. Пути небесные. 2-ое изданіе. 2 тома	5.—
Шмелев. Солнце Мертвых. 2-ое изданіе	2.25
Шмелев. Степное чудо	0.40
Яблоновскій. Дѣти улицы (повѣсть)	0.60

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ

„Часовой“

орган связи російскаго національнаго движенія
под редакціей В. В. Орѣхова.

Подписная плата во Франціи — из расчета 35 фр. за номер, в розницѣ — 40 фр.

Генеральное представительство кн. маг. «Возрожденіе»

73, Av. des Champs-Élysées, Paris 8e.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1950 Г.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЯ ТЕТРАДИ

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

РЕДАКЦИЯ, КОНТОРА, ПОДПИСКА И ПРОДАЖА
ОТДѢЛЬНЫХ НОМЕРОВ

Tél. Elysées 06-03. Compte Ch. Postaux, Paris 781.81.

ГODOВАЯ ПОДПИСКА НА 6 ТЕТРАДЕЙ ВО ФРАНЦИИ

750 фр. — Загр. Ам. дол. 4. — Отдѣльные номера во Фран-
ции 150 фр., загр. Ам. дол. 0.75

БЕЛЬГИЯ, ГОЛЛАНДИЯ И ЛЮКСЕМБУРГ

Год. подписка 125 Бельг. фр. Отд. номера 25 Бельг. фр.

«La Sentinelle», Boite Postale 31, Ixelles 4 Bruxelles.

Compte Chèques 392.503.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Год. подписка 1 Англ. ф. Отд. номера 4 шил.

Russian Book Shop, 26, Tottenham Street; London; W. 1.

ЗАПАДНЫЯ ЗОНЫ ГЕРМАНИИ.

Год. подписка 20 марок. Отд. номера 4 марки.

Georg Meyer.

С. А. С. Ш.

Годовая подписка Ам. дол. 4. — Отд. номера 0.75 Ам дол.

Gregory A. Alexieff, 39 West 54 Street, New-York 19, N. Y.

Tel. Circle 75914

A. Beltchenko, 435-20, The Ave. San Francisco 21, Calif.

АРГЕНТИНА.

Годовая подписка Ам. дол. 4. — Отд. номера 0.75 Ам. дол.

D. Lasko, Calle Beazley, 3590, Buenos-Aires.

Подписчики на 1950 г. могут получить годовой ком-
плект (6 тетрадей) за 1949 г. за 3 Ам. долл. за границей и
за 600 фр. во Франції.